ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА»

Л. Куликова

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ

КРАСНОЯРСК 2006

ББК 81

К 90

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева»

Научный редактор:
И.А. Стернин,
доктор филологических наук, профессор
(Воронежский государственный университет)

Рецензенты:
М.Л. Макаров,
доктор филологических наук, профессор
(Тверской государственный университет)
О.А. Леонтович,
доктор филологических наук, профессор
(Волгоградский государственный
педагогический университет)

Куликова Л.В.

К 90 Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Монография – Красноярск, 2006. – 392 с.

Даётся теоретическое обоснование категории «национальный коммуникативный стиль» применительно к парадигме коммуникативных и межкультурных исследований, разрабатывается культурно обусловленная факторно-параметрическая модель национального коммуникативного стиля, на основе обширного эмпирического изучения описывается немецкий коммуникативный стиль повседневного и институциональных (политического и академического) дискурсов современной Германии.

Адресована широкому кругу специалистов, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, прагма- и социолингвистики, лингвокультурологии, лингвострановедения, а также студентам, магистрантам, аспирантам; всем, интересующимся проблемами межкультурного общения.

ББК 81

ISBN 5-85981-114-4

© ГОУ ВПО «КГПУ
им. В. П. Астафьева», 2006

© Куликова Л.В., 2006

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 12

1.1. Теория коммуникации как интегративная область знания 13
1.2. Исследования феномена коммуникации в современной лингвистической науке 21
1.3. Проблема видов и типов коммуникации 37
1.4. Национально-культурный аспект коммуникации 57
1.5. Предпосылки возникновения и направления развития дисциплины «межкультурная коммуникация» 79
1.6. Основные подходы к пониманию термина «межкультурная коммуникация» 85
1.7. Культура как макроконтекст коммуникации 95
1.8. Макрокатегории культурно-коммуникативной вариативности 107
Выводы 135

ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ И МЕТОДЫ ЕГО ОПИСАНИЯ 139

2.1. Стиль как категория психологии общения 140
2.2. Стиль в парадигме лингво-коммуникативного подхода 152
2.3. Коммуникативный стиль в межкультурном аспекте 163
2.4. Понятие национального коммуникативного стиля и его дискурсивная реализация 182

2.5. Базовые характеристики дискурсивной актуализации национального коммуникативного стиля 193
2.6. Проблема моделирования немецкого национального коммуникативного стиля 210
2.6.1. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей 210
2.6.2. Модель немецкого национального коммуникативного стиля 246
Выводы 256
ГЛАВА 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ 260
3.1. Немецкий коммуникативный стиль в контексте политического дискурса 261
3.1.1. Общая характеристика современного немецкого политического дискурса 261
3.1.2. Особенности немецкого коммуникативного стиля в политическом дискурсе 270
3.2. Немецкий коммуникативный стиль в контексте академического дискурса 298
3.2.1. Основные черты современного немецкого академического дискурса 298
3.2.2. Особенности национального коммуникативного стиля немецкой академической коммуникации 306
3.3. Специфика институциональной маркированности немецкого национального коммуникативного стиля 329
Выводы 335
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 337
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 343

«В различных обществах и социальных группах люди говорят по-разному, причём не только с точки зрения лексики и грамматики».

(Вежбицкая, 2001: 159)

ВВЕДЕНИЕ

Теория и практика межкультурной коммуникации как лингвистический и культурологический феномен привлекает к себе интерес представителей разных научных направлений. Возникнув в 60-ые гг. прошлого века, теория межкультурной коммуникации (далее – МКК) прошла бурный период становления и развития и к настоящему времени обрела в основном свой самостоятельный статус, свою проблематику, терминологический аппарат, выстроила связи с другими областями гуманитарного знания. Возникли целые направления в изучении МКК, сформировались различные научные школы. В них нашли отражение новые подходы к пониманию всего комплекса человековедческих дисциплин, а именно: идеи антропоцентричности языка, взаимообусловленности отдельных отраслей знания, его междисциплинарный характер.

Существенный основополагающий вклад в «копилку» межкультурных исследований сделан американскими школами культурной и лингвистической антропологии,

социальной и кросскультурной психологии, этнолингвистики и коммуникативистики (E.T. Hall; F.R. Kluckhohn, F.L. Strodtbeck; W.B. Gudykunst; H.C. Triandis; R.W. Brislin; J.D. Gumperz, D. Hymes; W. Leeds-Hurwitz, L.A. Samovar, R.E. Porter; D. Tannen и др.). Большой резонанс для развития теории МКК имели работы западно-европейских учёных в области социологии, теории коммуникации, лингвистики, прагмалингвистики, этнологии и психологии (G. Hofstede, G. Maletzke, H. Göhring, J. Rehbein, V. Hinnenkamp, J. Bolten, B.-D. Müller-Jacquier, K. Knapp, A. Knapp-Potthoff, A. Wierlacher, J. Roth, K. Roth, A. Moosmüller, A. Thomas и др.).

Различные аспекты взаимодействия языка и культуры, определяющие специфику речевого и – шире – коммуникативного поведения участников межкультурной коммуникации, находились и находятся в центре внимания отечественных лингвистов, психолингвистов, этнопсихологов, социологов и культурологов (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.Г. Тер-Минасова, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, И.Э. Клюканов, О.А. Леонтович, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Н.Л. Шамне, П.Н. Донец, М.Б. Бергельсон, Н.М. Лебедева, В.Д. Попков, А.П. Садохин, В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман и др.). Особое направление сформировалось в рамках лингводидактического подхода к проблемам межкультурной коммуникации (Т.Н. Астафурова, Ю.Н. Прохоров, Ю. Рот, Г.В. Коптельцева, И.И. Халеева и др.). С точки зрения взаимодействия научных дисциплин, близки межкультурным изысканиям концепции, посвящённые анализу дискурса как коммуникативного события, структуре институционального дискурса, этнокультурной специфике

дискурса (В.И. Карасик, М.Л. Макаров, А.А. Кибрик, А.В. Олянич и др.)

Работы перечисленных авторов являются теоретической основой настоящего исследования, выполненного в тематическом русле данной научно-прикладной парадигмы.

Анализ значительного количества публикаций, посвящённых разработке межкультурных проблем, свидетельствует, однако, о том, что теория МКК представляет собой и сегодня достаточно амбивалентное исследовательское поле, интегрирующее множество дискуссионных вопросов, ожидающих своего решения. Нуждаются в уточнении и унификации подходы к пониманию данного коммуникативного феномена и терминологический аппарат МКК, необходимы сопоставительные исследования конкретных пар лингвокультур и отдельных аспектов этих лингвокультур. Существует острая потребность в обобщении материала, накопленного в теории и практике МКК, систематизации многочисленных выявленных особенностей общения народов, разработке метода сопоставления этих национальных особенностей на достаточно высоком уровне абстракции, позволяющем типологизировать специфические черты коммуникации лингвокультурной общности, не оставляя при этом без внимания конкретный языковой и коммуникативный материал, лежащий в основе такого обобщения и подлежащий сопоставительно-коммуникативному описанию. В связи с этим большую актуальность приобретает изучение национальных коммуникативных стилей как важнейшей интегральной составляющей любой национальной лингвокультуры, поскольку понятие *коммуникативный стиль*, как показывает данное исследование, в значительной

мере минимизирует обозначенные выше дефициты в межкультурной проблематике.

Термин «стиль» входит в понятийное поле нескольких научных дисциплин и сфер деятельности. В наиболее известном и традиционном понимании «стиль» относится либо к сфере психологии общения (A. Adler, K. Horney, D.J. Kiesler, В.С. Мерлин, Е.И. Огарь, В.В. Латынов, А.В. Либин, В.Н. Куницина, И.В. Казаринова, В.М. Погольша и др.), либо к области языкознания в значении «функциональный стиль» (В.В. Виноградов, В.В. Одинцов, Т.С. Куликова, Т.А. Милехина, И.А. Стернин, О.Б. Сиротинина, Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова и др.). В рамках современных социо- и прагмалингвистических исследований понятие «стиль» в известной степени соотносится с изучением таких параметров коммуникации, как способ и тональность общения, регистр и «ключ» коммуникативного процесса, «формат дискурса» (D. Hymes, M.A. K. Halliday, R. Mead, K. Helmolt, B.-D. Müller, Э.А. Орлова, В.И. Карасик). В духе А. Вежбицкой можно говорить в этом смысле о коммуникативных практиках и различных «культурных сценариях». В русле концепций интерпретативной социолингвистики речь идёт о конверсационных стилях как интерпретативно-социолингвистической сущности (J. Cook-Gumperz, J. Gumperz, H. Byrnes, D. Franck, P. Auer, B. Sandig, M. Selting, V. Hinnenkamp, H. Kotthoff). В работах культурноантропологического и коммуникативистского направлений изучение стилевой проблематики смещается в сторону культурно-коммуникативного аспекта (D. Barnlund, I. Altman, M. Gauvain, T. Luckman, J. Galtung, D. Tannen, W.B. Gudykunst, S. Ting-Toomey, K.-H. Flechsig, U.D. Scheu-Lottgen, J.M. Hernandez-

Campoy, S. Günthner), что в наибольшей степени соответствует пониманию национального коммуникативного стиля, развиваемому в данном исследовании.

В соответствии с авторским подходом категория «национальный коммуникативный стиль» концептуализируется в предлагаемой работе как интегральная сущность, имеющая культурно- и лингвистически детерминированную природу, и определяется как устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка.

Как яркий экспликатор культурной чужеродности в контактах с представителями других языковых культур, национальный коммуникативный стиль рассматривается в концепции настоящего исследования в качестве одного из наиболее значимых факторов межкультурного коммуникативного взаимодействия, регулирующих его оформление и эффективность.

Описание национального коммуникативного стиля может быть осуществлено на основе комплексного изучения доминантных культурно-ментальных представлений нации, наиболее релевантными из которых для формирования коммуникативного стиля выступают представления о времени, пространстве, социальной организации общества, его ценностных ориентациях и когнитивные стереотипы нации.

Модель коммуникативного стиля, основанная на этих исходных национально-специфических культурно-мен-

тальных категориях, конструируется в исследовании как культурно обусловленная факторно-параметрическая модель, предполагающая анализ коммуникативного стиля в парадигме: культурно-ментальная категория – стилеформирующий фактор – коммуникативный параметр – доминанта национального коммуникативного стиля.

Национальный коммуникативный стиль специфицируется (приобретает специфические черты) в разных социально-коммуникативных сферах каждой лингвокультуры, то есть в контекстах её институциональных дискурсов, сохраняя базовые культурно обусловленные коммуникативно-языковые характеристики. Данная гипотеза верифицируется в предлагаемой работе на примере изучения немецкого национального коммуникативного стиля и особенностей его реализации в рамках политического и академического дискурсов современной Германии.

Структура монографии отражает логику исследовательского подхода автора и включает материал, имеющий как научно-теоретическое, так и прикладное значение в рамках обозначенной в книге проблематики.

Автор выражает слова искренней благодарности и признательности своему научному консультанту доктору филологических наук, профессору И.А. Стернину за постоянную поддержку и ценные рекомендации при проведении научного исследования, а также уважаемым рецензентам – доктору филологических наук, профессору О.А. Леонтович и доктору филологических наук, профессору М.Л. Макарову за конструктивные замечания при подготовке монографии.

Большое спасибо уважаемым немецким коллегам – доктору Ю. Рот и доктору Г. Коптельцевой (университет им. Л. Максимилиана, Мюнхен), оказавшим мне активную организационную и консультативную помощь при сборе необходимого эмпирического материала.

Глава 1.
ТЕОРЕТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

> Verba magistri: «Das Schicksal der Welt hängt vom Erfolg der interkulturellen Kommunikation ab.»
>
> *(Tannen, 1992: 51)*

Любые аспекты коммуникации, как и их совокупность, входят в предметную область теории коммуникации. Логичным представляется, что исследование коммуникативного стиля и его основных характеристик невозможно без анализа природы (сущности) коммуникации как явления сложного и многогранного плана. Кроме того, с нашей точки зрения, коммуникативный стиль является одним из базовых понятий теории и практики межкультурной коммуникации. Две указанные парадигмы легли в основу концептуального подхода к обозначенной проблеме и определили структуру настоящей работы.

1.1. Теория коммуникации как интегративная область знания

Коммуникация как многофакторный феномен охватывает, пронизывает все сферы деятельности языковой личности и человеческой экзистенции в целом. Соответственно, закономерно, что наука о данном феномене, разрабатываемая представителями многих дисциплин, представляет собой сложное проблемное поле, и вряд ли сегодня можно говорить о существовании единого научного представления о коммуникации. Одним из подтверждений тому является отсутствие однозначной номинации этой области знания. В ряду терминов, которые употребляются («пробуются») в настоящее время в отечественной литературе, можно отметить такие, как «коммуникативистика», «коммуникалогия», «коммуникативные дисциплины», «коммуникативная наука», «коммуникационная наука», «теория коммуникации» [1], отражающие, наряду с общесемантическим, часто ещё и концептуальный подход. Дискутируются проблемы тождественности общения и коммуникации, коммуникации и интеракции, коммуникации и речевой деятельности, коммуникативного и коммуникационного. Споры среди социологов, психологов, лингвистов вызывает и вопрос о том, что собственно изучает эта дисциплина, чем её предмет отличается от предмета социальной психологии, социологии, культурной антропологии, психолингвистики.

[1] Ср. в англ. яз.: Communication или Communication Studies, в нем. яз.: Kommunikationswissenschaft.

Отметим, что в общенаучной парадигме термин «коммуникация» применяется в различных смыслах. Им обозначают целый спектр явлений социального мира, а именно: общение как специфическую форму взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющуюся главным образом при помощи языка; путь сообщения (транспортные коммуникации); процесс сообщения информации с помощью технических средств – средств массовой коммуникации (БЭС «Языкознание», 1998: 233; НЭС, 2002: 541).

В данной главе мы попытаемся дать краткий аналитический обзор[1] состояния современной научной области знания, занимающейся изучением человеческой коммуникации вообще, вербальной коммуникации, в частности, а также систематизировать и уточнить её основные понятия, необходимые для понимания природы исследуемого в работе коммуникативного стиля.

Прежде всего, отметим, что в монографии равнозначно, как синонимичные используются термины «коммуникативистика», «теория коммуникации» и «коммуникативная наука». Такая терминологическая терпимость кажется нам вполне оправданной, поскольку перечисленные обозначения, как представляется, семантически тождественны и имеют один предмет изучения. Кроме того, понятия «общение» и «коммуникация» рассматриваются с позиций

[1] Наш обзор не касается исторического аспекта коммуникативной науки, ведущей отсчёт от античной риторики и являвшейся предметом изучения двух древнейших дисциплин – логики и лингвистики.

данного исследования как взаимозаменяемые, не имеющие с точки зрения анализа коммуникативного стиля содержательно-сущностных различий[1].

Научная рефлексия по поводу сегодняшнего состояния дисциплины предполагает, по меньшей мере, позиционирование её в общей научной системе, дефинирование, определение круга родственных областей знания, выделение предмета исследования, а также описание её базовых составляющих.

Говоря о развитии коммуникативистики последнего времени, мы имеем в виду не только отечественную школу, но и уровень её разработанности в западной парадигме, послужившей мощным импульсом для формирования современной научной базы.

В отечественной традиции осмысление проблематики теории коммуникации в целом, а также особенно интересующей нас национально-культурной специфики речевого поведения происходило, как представляется, прежде всего, в рамках психолингвистики и этнопсихолингвистики, предметом исследования которых определялись речевая коммуникация и интеракция как социальное взаимодействие, а также психологический механизм интеракции (Брудный, 1972; Леонтьев, Сорокин, Тарасов, 1977). При

[1] Необходимо в данном случае заметить, что в понимании многих авторов, занимающихся непосредственно теоретическими вопросами разграничения общения и коммуникации, эти категории не равнозначны. При этом подчёркивается, что оба понятия имеют как общие, так и отличительные признаки и разный объём содержания (см., например, Конецкая, 1997; Куницына, Казаринова, Погольша, 2001; Курбатов, 1995; Соколов, 2002; Формановская, 2002).

этом, понимая сложность феномена общения, усилия учёных были направлены на его изучение в фокусе междисциплинарного подхода.

В американском и европейском контекстах теория коммуникации традиционно локализуется среди перечня социальных наук (принимая во внимание триаду: естественные, гуманитарные и социальные науки), а точнее, эмпирических социальных наук (Schramm, 1969; Leeds-Hurwitz, 1995; Maletzke 1998; Craig, 1995,1999; Littlejohn, 2002; Griffin, 2003 и др.). Соответственно, исследовательское поле науки о коммуникации тесно сопряжено с такими родственными ей дисциплинами, как социология, психология, публицистика, политология, культурная антропология. Кроме того, теория коммуникации рассматривается в качестве интегрирующей, «поддерживающей» дисциплины для таких её разновидностей или частных проявлений, как массовая коммуникация, политическая коммуникация, коммуникация в сфере связей с общественностью (public relations), реклама и т. д. (Fiske, 1991; Maletzke, 1998; Почепцов, 2003; Василик и др., 2005).

Западные теоретики, разделяющие взгляд на коммуникацию как на социальный процесс, относят себя к различным исследовательским школам и направлениям в области коммуникации. Палитру этих школ и направлений можно представить внушительным списком: теория систем (systems theory), социальный конструкционизм (social constructionism), социальный конструктивизм (social constructivism) – как психологически ориентированное направление, приближающееся к когнитивной психологии,

критическая теория (critical theory), культурология (cultural studies), постмодернизм (postmodernism), символический интеракционизм (symbolic interactionism), семиотика (semiotics), социолингвистика (socio-linguistics), этнография коммуникации (ethnography of communication), конверсационный анализ (conversation analysis), дискурсивный анализ (discourse analysis), прагматика (pragmatics), теория координированного согласования смыслов (coordinated management of meaning), критическая социология (critical sociology), теория социального взаимодействия (social interaction) и т. д. Несмотря на то что большинство этих школ уходит корнями в разные социальные науки и дисциплины и опирается на использование различных исследовательских методологий и традиций, их объединяет ряд общефилософских и теоретических положений во взглядах на коммуникацию. В литературе 90-х годов, посвящённой коммуникативной проблематике, это концептуальное единство получило определение «социальные подходы к коммуникации» (Craig, 1995; Leeds-Hurwitz, 1995).

Социальный характер коммуникации настойчиво подчёркивается и отечественными учёными: «коммуникация есть не только и не столько взаимодействие людей в обществе, но и – прежде всего – людей как членов общества» (Леонтьев, 1972: 20). В общении личности реализуют социальные отношения, которые накладывают ограничения на актуальное поведение, организуют его системно (Тарасов, 1973: 42). Подобное понимание природы коммуникации можно отметить также и в публикациях последних лет: социология коммуникации (Конецкая, 1997), общая теория социальной коммуникации (Соколов, 2002), социальная

коммуницируемость и технология коммуникации (Мальковская, 2004). Однако одной из основных точек пересечения современного интереса отечественных исследователей в этой области является, на наш взгляд, объединение в одну научную парадигму теории коммуникации и лингвистики на основе социально-деятельностного подхода. При этом данный симбиоз репрезентируется в концепциях разных авторов на уровне сквозных понятий и тем, чтобы осмыслить проблемы, связанные с процессами межличностной, в том числе межкультурной коммуникации. В таких работах анализируются различие национальных сознаний коммуникантов (Тарасов, 1996), институциональный дискурс (Карасик, 2002), коммуникативное поведение (Стернин, 2002, 2003), дискурс-анализ (Макаров, 2003), межкультурная коммуникация (Тер-Минасова, 2000; Леонтович, 2002), национальные социокультурные стереотипы речевого общения (Прохоров, 2003), национально-культурная специфика коммуникации (Красных, 2003, Гудков, 2003), политический и массмедиальный дискурс (Шейгал, 2000; Желтухина, 2003), дискурс в когнитивной перспективе (Кибрик, 2003), коммуникативная лингвистика (Формановская, 2002), коммуникативные стратегии и тактики (Иссерс, 2002). Сформировавшийся в рамках российской коммуникативной теории подход принципиально важен для нашего исследования, поскольку именно в этом ключе в нём анализируется понятие коммуникативного стиля.

В связи с рассмотрением теории коммуникации как научной области закономерно встаёт вопрос о выделении её предмета изучения, ответить на который однозначно не

представляется возможным в силу междисциплинарного, комплексного характера самой дисциплины. В самом широком смысле под предметом комммуникативистики в публикациях традиционно понимается транслируемая в общественном дискурсе информация (Pürer, 2003: 17)[1]. В.П. Конецкая отмечает, что каждая наука вычленяет из коммуникации как объекта исследования свой предмет. Психолингвистика рассматривает факторы, способствующие передаче и восприятию информации, причины, затрудняющие процесс межличностной и массовой коммуникации, а также мотивированность речевого поведения коммуникантов. Лингвистика занимается проблемами вербальной коммуникации – нормативным и ненормативным употреблением слов и словосочетаний в речи устной и письменной, диалогической и монологической. Паралингвистика специализируется на способах невербальной коммуникации – жестах, мимике и т. д. Социолингвистика исследует проблемы, связанные с социальной природой языка и особенностями его функционирования в различных социумах, а также механизм взаимодействия социальных и языковых факторов, обусловливающих контакты между представителями различных социальных групп (Конецкая, 1997: 5,6). Следует упомянуть, что прагмалингвистика вычленяет для изучения такие коммуникативные явления как речевые акты, культурология концентрируется на проблеме трансляции культурных ценностей либо

[1] Приводя это достаточно широко распространённое понимание, отметим, что оно не соответствует подходу, принятому в концепции данного исследования.

непосредственно в общении людей, либо через механизмы опредмечивания и распредмечивания.

Подчёркивая, прежде всего, социальную, а затем междисциплинарную сущность коммуникативистики, немецкий исследователь Х. Пюрер рассматривает её предметную область в сопряжении с исследовательскими перспективами таких дисциплин, как социология (масс-медиа и их значение для процессов общественной интеграции; социализация средствами массовой коммуникации – СМИ как транслятор культурных ценностей и норм, правил поведения; признаки и методы индивидуальной, групповой и массовой коммуникации), социальная психология (влияние СМИ на личность, её знания, мышление, эмоциональную сферу, деятельность; коммуникационная и медиа-психология), антропология (коммуникация как основополагающее условие человеческого существования и развития; этика социальной коммуникации; опосредованная масс-медиа коммуникация в её взаимовлиянии на межличностное общение), политология (медиаполитика, права СМИ, политические основы и структуры массовой коммуникации; язык политики, политическая риторика), педагогика (СМИ как обучающий и учебный предмет в системе школьного и взрослого образования; дети и масс-медиа), лингвистика (коммуникация, массовая коммуникация и язык; языковое поведение и СМИ; понимание и взаимопонимание в коммуникации; масс-медиа и повседневное языковое употребление; теория речевых актов) (ср. Pürer, 2003: 22,23).

Таким образом, коммуникация и её предмет изучаются под разными углами зрения, в зависимости от исследовательского подхода и научного направления. При этом, как представляется, перечисленные подходы не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга.

Итак, интегрированная, междисциплинарная основа коммуникативного знания определяет, безусловно, суть всех его категорий, как основных, базовых, так и периферийных. Это в полной мере относится и к исследуемому в данной работе понятию коммуникативного стиля, которое можно рассматривать как социальное явление интегрированной природы.

1.2. Исследования феномена коммуникации в современной лингвистической науке

Сегодняшнее понимание коммуникации определяется сменой парадигмы в социальных науках и в языкознании на рубеже XX–XXI веков, отразившейся в значительной «гуманизации» исследований, формировании антропоцентрической концепции в коммуникативных и лингвистических изысканиях, осознании того, что коммуникативная реальность, реализующаяся в конкретных образцах языкового и неязыкового взаимодействия, представляет собой заслуживающий внимания научный объект. Этот лейтмотив звучит в работах разных авторов. Мир и общество всё ярче проявляются sub specie communicationis – под знаком коммуникации (Эко, 1998: 411), многие говорят о так называемом «лингвистическом, или дискурсивном, перевороте», «коммуникативном априори» (Макаров, 2003:

16; Семрадова, 2003: 451), коммуникация рассматривается как conditio sine qua – non (непременное условие) жизни человека и порядка в обществе (Вацлавик и др., 2000: 5). Приведём мнение участника одной из научных конференций по коммуникативной проблематике, имеющее, на наш взгляд, знаковый смысл в определении места коммуникативного знания в ряду современных наук о человеке: «Можно утверждать, что в социально-научном знании происходит формирование новой парадигмы – коммуникативной. Двадцатый век был веком лингвистики, двадцать первый век будет веком коммуникации». Развитие этой мысли подводит к предположению о том, что в обновлённой лингво-коммуникативной концепции акцент с «человека говорящего» переходит на homo communicans («человека общающегося»[1]) как основного субъекта коммуникации.

Переход к новой онтологии в исследованиях речевой коммуникации связан, прежде всего, со сменой исходных позиций в определении сущности коммуникативного процесса и в изменении подхода к понятию коммуникации, рассматривавшегося до недавнего времени преимущественно с точки зрения трансмиссии (односторонней агентивности), а также приоритета информационного над коммуникативным. Традиционное, широко распространённое понимание коммуникации, абсолютизирующее информационный обмен или перенос, отражает кодовая модель Шеннона и Уивера (Shannon, Weaver, 1949), представляющая коммуникацию как линейный и однонаправленный процесс, в котором не предусматривается «такой существенный элемент, как обратная связь» (Белл, 1980: 91). Не случайно подобную трактовку в литературе называют техницистской, когда коммуникация представляется как передача информации от отправителя (передатчика) к потребителю (приёмнику) (Соколов, 2002: 27), а также как мера «участия» или «соучастия» в процессе потребления, обмена и использования информации (Курбатов, 1995: 15). Как отмечает М.Л. Макаров, кодовая модель (в своём семиотическом обрамлении) не может адекватно описывать реальные процессы коммуникации на том или ином естественном языке, покоясь на фундаменте примитивной интерсубъективности, где цель коммуникации – общая мысль, или сообщение, а понимание предполагает лишь декодирование (Макаров, 2003: 35). В этой связи верным находим также замечание А.В. Кравченко о том, что «традиционное понимание и истолкование процесса коммуникации как обмена информацией, осуществляемого по каналу связи, – дань устоявшимся стереотипам в научном мышлении» (Кравченко А.В., 2003: 38).

Иной подход к коммуникации, принимаемый сегодня многими авторитетными лингвистами и коммуникативистами, демонстрирует интеракционная модель (Schiffrin, 1994: 398), согласно которой суть общения не в одностороннем воздействии говорящего на слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии двух субъектов с учётом социально-культурных условий ситуации (Макаров, 2003: 38–43). При этом общение осознаётся и конституи-

[1] Ср.: «коммуникативная личность» (Карасик, 1993; Красных, 2003: 51).

ируется каждым его участником в качестве субъекта (Тарасов, 1992: 37; Сергеева, 1993: 5; Богушевич, 1985:40), что ведёт к достижению интерсубъективности как психологического или феноменологического переживания общности интересов, действий и т. п. (Ninio, Snow, 1996:23; Макаров, 2003: 39). В этом же ключе: «коммуникация есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов» (Соколов, 2002: 24). При подобном подходе термины «передача сообщения» и «восприятие сообщения» понимаются как метафоры, поскольку «сообщение, вернее, его содержание не передаётся, а конструируется слушающим при восприятии тел языковых знаков, образующих текст» (Тарасов, 1990: 10). Эту же мысль находим у А.А. Залевской: «…в процессе коммуникации значения языковых единиц не передаются отправителем получателю, они создаются слушающим на основе учёта ситуации, в которой осуществляется коммуникация, и имеющегося в его распоряжении языкового опыта, т. е. речь нужно вести о спонтанном семиозисе (Залевская, 2002: 20).

Итак, коммуникация происходит не как трансляция информации и манифестация намерения, а как демонстрация смыслов (Макаров, 2003: 38). Инициатор взаимодействия соотносит свои смыслы со смыслами своих коммуникативных партнёров, создавая таким образом определённую степень взаимопонимания и совместного смыслосозидания. Сколько бы субъекты ни старались порой спланировать, проиграть в голове предстоящий с кем-либо разговор, реально он никогда не разворачивается точно так, как был запланирован. Действительная интеракция

конструируется высказываниями, реакциями на высказывания и осмыслениями этих реакций одновременно каждым из участников общения. Реальное течение разговора всегда динамично и диалогично, поэтому динамичен и диалогичен и смысл, который создаётся интерактивно. Если высказывание, прозвучавшее в начале разговора, воспринимается первоначально в одном смысле, то в свете каждой новой фразы предыдущие смыслы, как правило, изменяются, уточняются, дополняются. Смыслы, таким образом, – постоянно изменяющиеся образования (ср. Cronen, 1995). В этом контексте в унисон звучит определение социальной коммуникации, понимаемой как движение смыслов в социальном времени и пространстве (Соколов, 2002: 27).

Из вышесказанного ясно, что в ситуации общения важную роль играет активность воспринимающего Другого, поскольку без со-участия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов и особенно их интерпретации не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. Интерпретация является в интеракционной модели критерием успешности и главным предназначением коммуникации в отличие от распространённого представления её основной функции как достижения взаимного понимания. Это, безусловно, меняет статус коммуникантов, чем обусловлена и ассиметрия модели: порождение смыслов и их интерпретация отличаются как по способам осуществления этих операций, так и по типам участвующих в них форм когниции, перцепции и аффекта (Макаров, 2003: 39). Очевидно, что всякое понимание интерпретатив-

но и адресат в процессе реального живого общения может вывести смыслы, отличные от задуманных говорящим, что часто встречается, особенно в ситуациях межкультурной коммуникации. В этом случае достижение полного взаимопонимания тем более проблематично, так как общение коммуникантов из разных культур сопровождается, как правило, взаимным «приписыванием смысла» сказанному на основе собственного культурно-языкового и коммуникативного опыта. Говоря о понимании в коммуникативном взаимодействии, считаем совершенно оправданным вышеназванный подход, в котором интерпретация нового знания рассматривается как основной элемент понимания. Экстраполируя данную мысль на процессы межкультурной коммуникации, отметим, что именно адекватная интерпретация является определяющим элементом понимания и взаимопонимания в межкультурном общении.

Вспомним, что в интеракционной модели значительную роль играют ситуативные условия, учитывающие невербальные аспекты коммуникации и деятельность в целом. Данная модель помещает в центр внимания коммуникативный процесс как поведение. При этом основными элементами поведения называются взгляды, жесты, позы и языковые высказывания, постоянно привносимые людьми в ситуацию общения, независимо от того, желательна эта ситуация или нет (ср. Goffmann, 1986: 7). В этом смысле интеракционная модель (которую можно трактовать как социо-психолингвистическую) соответствует современному антропологическому измерению коммуникации (см.

Мальковская, 2004:20) или принципу антропоморфности (Тарасов, 1977: 71), в соответствии с которыми коммуниканты рассматриваются вместе с их социальными и психологическими характеристиками, существенными для интерпретации вариативности речевых высказываний. Интеракционная модель, как представляется, лишена того недостатка, о котором писал Е.Ф. Тарасов в отношении многих моделей, построенных лингвистами (Тарасов, 1977: 70). В большинстве из них гипертрофирована роль языковых средств (как следствие вполне понятной переоценки языковедами объекта своей науки) и в неоправданно редуцированном виде отображена экстралингвистическая реальность, на фоне которой протекает речь.

С позиций поведенческого аспекта формулирует свои метакоммуникативные аксиомы американский исследователь П. Вацлавик, важнейшая из которых раскрывается в формуле: «Как бы человек ни старался, он не может не вступать в коммуникацию» (Вацлавик, 2000а: 44; 2000б: 57). «Активность или пассивность, слова или молчание – всё это передаёт информацию: влияет на других людей, которые, в свою очередь, не могут не ответить на эту коммуникацию, и, следовательно, сами в неё вступают. Необходимо ясно понимать, что если люди просто не разговаривают друг с другом или не обращают друг на друга внимания, это вовсе не опровергает утверждения, сделанные выше. Человек у стойки бара, который смотрит прямо вперёд, пассажир, сидящий в самолёте с закрытыми глазами, – оба они ясно сообщают, что не хотят ни с кем разговаривать, и окружающие обычно прекрасно понимают эти сообщения

и оставляют их в покое. Очевидно, что это такая же коммуникация, как и оживлённая дискуссия» (там же). В связи с этим, для каждой коммуникации, по Вацлавику, характерны содержательный аспект, отражающий «что» содержит в себе сообщение и аспект отношений, манифестирующий намерение адресанта, «как» это сообщение должно интерпретироваться адресатом. При этом второй аспект систематизирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией (Watzlawick et. al., 1969: 55). Иначе говоря, коммуникативный процесс проявляется на содержательном когнитивном уровне и на уровне интерсубъективности, воспринимаемом преимущественно интуитивно-эмоционально.

Изучение межперсональной коммуникации в целом П. Вацлавик соотносит с тремя областями семиотического подхода: синтаксис, семантика и прагматика. Так, синтаксис, в его предположении, охватывает вопросы передачи информации, и поэтому в ней преимущественно доминируют теории информации, интересующиеся проблемами кодирования, каналов, способности, звука, избыточности и других статистических свойств языка, не затрагивающих смысла передаваемых символов. Смысл рассматривается как главное понятие семантики. Циркулирующие символы останутся бессмысленными, пока коммуниканты заранее не согласятся с их смыслом, т. е. не придут к семантическому соглашению. И, наконец, коммуникация влияет на поведение, в чём заключается её прагматический аспект (Вацлавик, 2000б: 12). Таким образом, в данной концепции два понятия – коммуникация и поведение – употребляются фактически как синонимы, а вербальные и невербальные компоненты понимаются как единое коммуникативное целое, что представляет собой плодотворную идею для моделирования коммуникативного стиля в нашей работе.

В связи с метакоммуникативным подходом представляется целесообразным для полноты обзора кратко остановиться на концепции коммуникативной рациональности немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса (Habermas, 1989, 1981, 1992), внёсшего большой вклад в развитие теории коммуникации. Отметим при этом, что универсально-прагматические положения коммуникации, исследуемые немецким учёным, относятся к тому онтологическому регистру в так называемой «рече-языковой модели двух миров» (ср. Krämer, 2001: 95), который ориентирован на изучение реального языкового взаимодействия.

В центре внимания работ Хабермаса коммуникативное действие как повседневная коммуникация, с одной стороны, и дискурс как метакоммуникация по поводу проблем в коммуникации, как «судебная палата коммуникации», – с другой стороны. Очевидно, что дискурс в понимании Ю. Хабермаса несколько отличается от более распространённого и традиционного, хотя и многозначного его определения как «сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы» (ван Дейк, 1989), «коммуникативной ситуации, включающей сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» (Кибрик, 1987), «речи, «погружённой в жизнь» (Арутюнова: ЛЭС, 1990) и т. д. В любой ситуации общения, благодаря возможности перехода от

коммуникации к дискурсу (в значении Хабермаса), целью которого является достижение согласия или консенсуса, создаётся условие взаимодействия между Alter и Ego не с помощью силы и принуждения, а посредством аргумента и рациональности. Таким образом, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса подчинена обоснованию коммуникативного понятия рациональности, сформулированного на основе формально-прагматического анализа четырёх нормативных требований к каждому высказыванию, а именно, понятности (Verständlichkeit), истинности (Wahrheit), правильности (Richtigkeit) и достоверности (Wahrhaftigkeit). Любое высказывание, по Хабермасу, структурно имеет два измерения: уровень интерсубъективных отношений и предметный уровень. Этот дуализм аспекта содержания и аспекта взаимоотношений соответствует известной концепции речевых действий Дж. Сёрля и Дж. Остина в отношении пропозиционального содержания и иллокутивного акта. В связи с иллокутивной функцией высказывания немецкий философ соотносит сформулированный им квартет нормативных требований с четырьмя классами речевых актов (Habermas, 1981: 397): 1. Коммуникативы (sich äußern, sprechen, entgegnen), в своей имманентно-языковой форме ориентированные на претензию понятности. 2. Констативы (beschreiben, berichten, erklären, voraussagen), выражающие когнитивное употребление предложений с необходимым для них требованием истинности. 3. Репрезентативы или экспрессивы (wünschen, hoffen, offenbaren), с помощью которых говорящий эксплицирует свои намерения слушающему, что должно

соответствовать достоверности. 4. Регулятивы (entschuldigen, befehlen, warnen), на основе которых говорящий апеллирует к социальным нормам и общественно признаваемым ожиданиям в соответствии с требованием правильности. Таким образом, как полагает Хабермас, в речевом акте наряду с выражением содержания содержится метакоммуникативный аспект по поводу применения этого содержания. Эта двойственная перспектива представляет собой «механику» или способ разрешения проблем, возникших в речевом взаимодействии общающихся исключительно посредством вербальной коммуникации на метакоммуникативном уровне. Тем самым, можно говорить о «встроенном» в язык «рациональном методе», позволяющем реагировать на ситуации диссонанса без принуждения (ср.: Krämer, 2001: 80).

Теория Ю. Хабермаса, разработанная для коммуникативных ситуаций в целом, чрезвычайно актуальна, как представляется, для межкультурного общения. Контакт представителей разных культур потенциально несёт в себе коммуникативные сбои. Однако эти коммуникативные конфликты могут стать одновременно и катализатором, провоцирующим метакоммуникацию как дискурс о проблемах взаимопонимания.

Следует обратить внимание на ещё один важный аспект анализа коммуникативного процесса. Суть речевой коммуникации, по мнению многих авторов, заключается не только во взаимодействии, но и во взаимокорректировке индивидуального сознания каждого из коммуникантов, в оказании ориентирующего воздействия на адресата, с

тем чтобы вызвать с его стороны ту или иную поведенческую реакцию (Гудков, 2003: 20; А. Кравченко, 2003: 33). Как отмечает Г.Г. Почепцов, исторически под коммуникацией подразумевалось как раз принуждение другого к выполнению того или иного действия, поскольку для коммуникативного акта существенен переход от говорения Одного к действиям Другого. В связи с этим коммуникация рассматривается исследователем как процесс перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы (Почепцов, 2003: 14). В рамках такого подхода речь идёт о коммуникативном воздействии, понимаемом как спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении (Пирогова, 2001). Данный аспект коммуникации, с точки зрения эффективности речевого воздействия и коммуникативной позиции говорящего, подробно рассматривается И.А. Стерниным в отношении публичной речи, адресованной «живой аудитории»; межличностного общения; массовой коммуникации (Стернин, 2001: 4).

Как показывает анализ соответствующей литературы, феномен речевого воздействия в коммуникации обсуждается в двух перспективах. Прежде всего, можно говорить о персуазивной коммуникации или неравноправном, однонаправленном дискурсе, когда попытка воздействия осознанно осуществляется одним из коммуникантов (Lakoff, 1982:28; Фёдорова, 1991). В таком случае предполагается его активная, доминирующая позиция как субъекта речевого воздействия, а в качестве пассивного объекта воздействия

выступает партнёр по коммуникации или целая группа, что свойственно часто политическому или академическому типам дискурса. При этом в контексте персуазивной коммуникации, как отмечается в исследовании О.С. Иссерс (Иссерс, 2002: 22–24), типологию речевого воздействия можно выстраивать по разновидности речевых действий (актов, жанров) в аспекте иллокуции (см. Фёдорова, 1991; Сёрль, 1986 а,б; Остин, 1986; Шмелёва, 1990). Кроме того, в основу классификации может быть положен перлокутивный критерий (см. Почепцов, 1987).

В другом подходе коммуникативно-речевое воздействие коррелирует с речевым взаимодействием, в процессе которого наблюдаются эффекты взаимовлияния и осуществляется коррекция модели мира обоих коммуникантов (Zarefski, 1989; Burke, 1970; Иссерс, 2002). В противоположность первой точке зрения такая коммуникация подразумевает тип воздействия в условиях равноправного сотрудничества, а не субординации.

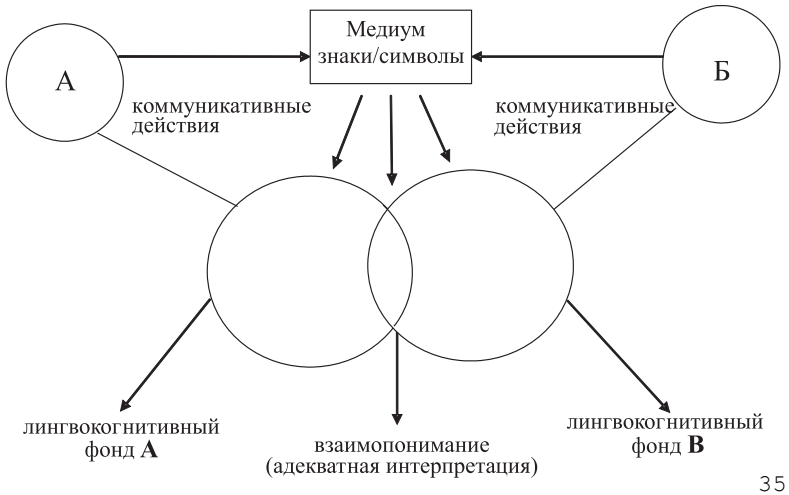
В концепциях коммуникации современных авторов одну из ключевых позиций занимает идея о необходимом наличии у партнёров по взаимодействию некой общности как minimum communale, являющейся предпосылкой для осуществления общения как такового, во-первых, и его успешной реализации, во-вторых. Вспомним (ad hoc), что понятие «коммуникация» (от латинского communis – «сообща, вместе, совместно, в коллективе») подразумевает процесс, базирующийся на определённых общностях, совпадениях между различными субъектами как участниками коммуникации (ср. Schulz, 1994: 140). Для обозначения пе-

ресекающегося или идентичного коммуникативного минимума у субъектов, участвующих в интеракции, в литературе выделяются разные аспекты в соответствии с подходами исследователей к пониманию этого феномена. Так, речь идёт о наличии общего социального опыта у коммуникантов (Тарасов, 1977: 83), общности знаковых средств (ср. также Symbolvorrat или shared code; Graumann, 1972, 1180), апперцепционной базы как общих предварительных сведений и общего житейского опыта (Земская, 1978: 201), общего когнитивного фонда или пресуппозиции как зоны пересечения когнитивных пространств коммуникантов (Гудков, 2003: 23; Красных, 2003: 104; Макаров, 2003:136), пресуппозиции в смысле предварительных знаний каждого коммуниканта как условий возможного производства высказывания (Формановская, 2002: 44), контекстуальных условий (van Dijk, 1981: 54). Как убедительно подытоживает В.В. Красных, несмотря на разные точки зрения, в основе своей авторами подразумеваются общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения, которыми обладают коммуниканты, именно то, что многими определяется как пресуппозиция (ср. Красных, 2003: 103). Согласно нашему подходу, к общей «платформе» участников коммуникации, обеспечивающей её адекватность и потенциальную успешность, следует отнести также единый коммуникативный стиль в рамках интракультурного общения и умение идентифицировать коммуникативный стиль друг друга в ситуациях межкультурного взаимодействия для уместного взаимного вербального и невербального поведения.

Таким образом, вступая в коммуникацию, каждая личность (или человек общающийся) привносит в неё свой собственный, «сохранённый» в процессе инкультурации и социализации «запас-хранилище» знаний и представлений или индивидуальное лингвокогнитивное пространство. В коммуникативном взаимодействии при продуцировании, восприятии и понимании речевых и экстравербальных сообщений когнитивные пространства общающихся актуализируются и частично пересекаются, порождая общий пресуппозиционный фонд. При этом чем больше зона пересечения, тем адекватнее будет коммуникация.

В обобщённо-схематичном представлении модель коммуникации, учитывающую как индивидуальные, субъективные лингвокогнитивные пространства общающихся, так и их общий пресуппозиционный фонд, можно представить следующим образом:

Схема 1



Очевидным представляется, что объём зоны пересечения индивидуальных пространств, символизирующий взаимопонимание, будет тем больше, чем больше идентичностей субъективно-индивидуального, социального и культурно-языкового плана имеют коммуниканты. При этом адекватность интерпретации как показатель успешности общения возможна только тогда, когда адресат и адресант совпадают в отношении истинности выраженного содержания (объективный мир), правдивости своих высказываний (субъективный мир) и правильности/уместности продемонстрированных ими интересов (социальный мир) (ср. Burkart,Verständigungsorientierte…: 221). Часть лингвокогнитивных пространств, не попадающих в зону пересечения или в общий пресуппозиционный фонд, отражает субъективно-специфический опыт партнёров по коммуникации или то поле смыслов, которое они не хотят или не могут разделять друг с другом. Полное отсутствие пресуппозиции (общего фонда знаний), как и полное наложение индивидуальных знаний и представлений, теоретически возможно, но практически вряд ли встречаемо в реальной жизни. Подтверждение сказанному находим у Ю.М. Лотмана: «В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего. В этих условиях нормальной становится ситуация пересечения языкового пространства говорящего и слушающего. В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение делает общение бессодержательным» (Лотман, 1992:10). Всё вышесказанное о предпосылках успешности коммуникативного взаимодействия относится, в первую очередь, к аксиомам коммуникации вообще, но в гораздо более яркой и выпуклой форме проявляется в ситуациях межкультурной коммуникации, основные положения которой рассматриваются ниже.

Обобщая современные подходы к определению сущности коммуникативного процесса, подчеркнём, что в рамках нашей концепции ключевым определяется интерпретационно-интеракционный подход, оперирующий такими релевантными для данной работы понятиями, как смысл, интерсубъективность, ситуативный контекст, паритет вербальных и невербальных элементов коммуникативного поведения, метакоммуникация, пресуппозиционный фонд.

1.3. Проблема видов и типов коммуникации

Анализ работ, посвящённых коммуникативной проблематике (Pürer, 2003; Maletzke, 1998; Merten, 1977; Burkart, Hömberg, 1992; Bentele, Beck, 1994; Graumann, 1972; Heringer, 2004; Макаров, 2003; Почепцов, 1998, 2003; Красных, 2003; Соколов, 2002 и др.), позволил выделить наиболее релевантные аспекты, обсуждаемые в теории коммуникации с позиций разных подходов и имеющие непосредственное отношение к пониманию и моделированию коммуникативного стиля.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в научной литературе нередко синонимично употребляются термины

«коммуникация» и «интеракция» (взаимодействие). С одной стороны, для целей эмпирического исследования такое отождествление, отражающее всю палитру вербальных и невербальных взаимоотношений коммуникантов, может быть оправдано (ср. Graumann, 1972: 1179). С другой стороны, как обоснованно отмечает ряд авторов, в большинстве своём понятийную корреляцию этих категорий следует рассматривать в системе соподчинения (Burkart, 1998:30; Bürger, 1984: 7; Nicotera, 1995: 58; Макаров, 2003: 62). При этом коммуникация определяется как частный случай, специфическая форма социальной интеракции.

Подчеркнём, что понятие «интеракция» или «взаимодействие», имеет социологические корни и понимается, по М. Веберу, как определённая форма социального действия, «связанного с субъективным смыслом и ориентированного на действия других людей» (Weber, 1980:1). Важным дефинирующим элементом интеракции является физическое присутствие общающихся, возможность взаимно воспринимать друг друга (Jäckel, 1995: 463). Таким образом, интеракция как более широкое понятие соотносится с социальным действием, а, будучи опосредованной знаково-символическим кодом, представляет собой коммуникацию. По мнению Г. Малетцке, коммуникативный процесс подразумевает, прежде всего, взаимопонимание, содержание и смыслообразование в общении, тогда как в межличностном взаимодействии (интеракции) акцент делается на поведенческие аспекты, характер социальных отношений и действий (Maletzke, 1998: 43). Кроме того, коммуникация определяется как такая интеракция, где в фокусе координации оказываются коммуникативные интенции, так как именно они являются катализатором всего процесса общения, выражая внутренние состояния людей. Так, например, случайное соприкосновение в автобусе, полном пассажирами, хотя и вызывает ответную реакцию в виде попытки отстраниться, может расцениваться как социальное взаимодействие, но не как коммуникация в силу отсутствия намерения передать какое-либо смысловое содержание.

В некоторых исследованиях коммуникативной направленности различаются широкое и узкое толкования понятия «коммуникация». Под коммуникацией в широком смысле подразумеваются технические, биологические, психические, физические и социальные разновидности коммуникации. Соответственно, широкий подход применяется в разных сферах и научных направлениях (био- и анимальная коммуникация, техническая, машинная коммуникация, а также коммуникация между человеком и машиной). При этом, в зависимости от формы проявления, коммуникация подразделяется на межличностную, технически опосредованную (например, все виды телефонной связи), массовую (радио, телевидение, информационные службы) и компьютерную (Pürer, 2003:17, 59).

В узком значении коммуникация рассматривается как процесс взаимопонимания и обмена смыслами между людьми, т. е. соотносится с социальным взаимодействием, взятым в его знаковом аспекте (Schulz, 1994: 140; Maletzke, 1963: 18; Кравченко, 2003: 84). Пространство узкосемантического толкования включает четыре основные формы коммуникации: межличностную, групповую (или общение в малых группах), массовую и организационную

(Littlejon, 1992: 19). При этом перечисленным выше формам присущи свои виды реализации. Можно говорить о прямом и непрямом общении, взаимном или одностороннем, приватном или общественном, при непосредственном присутствии коммуникантов либо их физическом отсутствии в коммуникативной ситуации. Все названные формы коммуникации представляют интерес для данного исследования с точки зрения проявления в них коммуникативного стиля и, в первую очередь, нам интересна межличностная коммуникация.

Последнюю можно рассматривать, на наш взгляд, в качестве родового понятия по отношению к другим формам коммуникации. Межличностная коммуникация, объединяющая в себе наряду с формальным характером социальных отношений также признак взаимопонимания, определяется в достаточно лаконичной форме как «вербальное и/или невербальное взаимодействие между людьми» (ср. Pürer, 2003: 60), а также – более развёрнуто – «как процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» (Красных, 2003: 79). В современной интерпретации межличностного общения[1] к его основным факторам или элементам относят: коммуниканта-отправителя (адресант, источник сообщения),

[1] В этой связи уместно вспомнить, что первая, по свидетельству Е.Ф. Тарасова (Тарасов, 1989: 20), попытка лингвистической интерпретации схемы передачи сообщений была предпринята Р. Якобсоном (Якобсон, 1965).

коммуниканта-получателя (адресат, реципиент), коммуникативное содержание (сообщение с его по преимуществу языковым оформлением), медиум-посредник, обратную связь, коммуникативный контекст, помехи (физический или психологический «шум»). Указание на релевантные факторы общения необходимо для анализа наиболее значимых признаков межличностной коммуникации, к числу которых исследователи прежде всего причисляют взаимность (обоюдность) face-to-face – коммуникации (Merten, 1977: 75). Общение всегда представляет собой взаимный процесс, участники которого находятся в состоянии постоянной смены коммуникативных ролей, выполняя в каждый момент функции то адресата, то адресанта. Однако, как справедливо отмечает Г. Кюблер, статус партнёров по коммуникации или социальное структурирование коммуникативной ситуации могут провоцировать «коммуникативное неравенство» между ними, так что сам коммуникативный процесс и его диалогичность принимают часто ассиметричный характер (Kübler, 1994: 38; ср. также Карасик, 1992: 24, 59). Наряду с взаимностью, основными признаками межличностной коммуникации считаются интенциональность, пространственно-временные отношения (контактность/дистантность) общающихся, языковой код, коммуникативный эффект, рефлексия или обратная связь (ср. Merten, 1977: 77–88).

Как известно, интенция – это намерение сделать нечто. Речевая интенция – это намерение совершить речевое действие в коммуникативной деятельности, взаимодействии с партнёром. Как обоснованно отмечает М.Л. Макаров (Макаров, 2003: 62), коммуникативные интенции являются от-

правным пунктом всего процесса общения. При этом интенциональность присутствует даже тогда, когда партнёр, которому адресовано то или иное намерение, не реагирует на посыл или интерпретирует его иначе, чем отправитель (Merten, 1977: 77). Согласно теории значения П. Грайса, коммуникативное намерение говорящего необязательно должно выражаться эксплицитно, чтобы быть правильно понятым адресатом. В то же время для распознавания этого намерения адресату недостаточно только языковых знаний, обеспечивающих понимание буквального значения высказывания, – необходимы также знание контекстных условий реализации высказывания и другие виды «прагматического» знания, вовлечённые в процесс «исчисления» коммуникативного значения (Grice, 1971). Интенции можно разделить на практические и ментальные. Первые ведут к реализации высказываний, порождающих практические действия коммуникантов. К ним относятся интенции «просить», «советовать», «обещать», «разрешать», «запрещать» и мн. др. Вторые, т. е. ментальные, способствуют размышлениям, рассуждениям, доказательствам, объяснениям, определениям, аргументации, утверждениям, отрицаниям и т. д. Они более всего характерны для научных дискурсов (Рябцева, 1992; цит. по Формановской, 2002: 30).

Ситуационный признак коммуникации проявляется в пространственно-временном соотношении коммуникантов в момент общения, их обоюдном восприятии друг друга. В «присутственном» варианте участники коммуникативного акта контактируют напрямую (беседа лицом к лицу), в случае технически опосредованного взаимодействия

(например, разговор по телефону) речь идёт о дистантном общении, характеризующемся значительно меньшим числом «задействованных» коммуникативных воздействий и, соответственно, ограниченном в возможностях межличностного восприятия и влияния.

Язык является самым эксплицитным из известных видов коммуникативного поведения (Сепир, 2001: 211). Как отмечает Г.Г. Почепцов, вербальная коммуникация носит главенствующий характер в любой области человеческой деятельности (Почепцов, 2003: 319). Речь, таким образом, представляет собой самый успешный («производительный») инструмент в обеспечении взаимопонимания между людьми. При этом в речевой коммуникации значительную роль играют паравербальные качества оформления высказывания: высота, громкость звука; тембр, мелодика, звучность голоса; скорость, ритмичность речи; частота и длительность пауз, то есть то, как мы говорим. Наряду с содержанием сообщения эти сигналы передают особенности коммуникативного стиля говорящего в разных ситуациях общения. Кроме устной формы вербальной коммуникации следует упомянуть также её письменный вариант как «оптическую фиксацию языковых тел, создающую возможность аккумуляции коммуникативного содержания и тем самым его передачи субъектам, не принимавшим непосредственного участия в самом акте коммуникации (ср. Hunziker, 1988: 5). Кроме того, письменный (графический) способ является одним из основных для сохранения «опыта и знаний», являясь важным средством трансляции лингво- и социокультурных традиций. Подчёркивая первостепенную роль вербальной коммуникации, опосредованной

языком, которая, по мнению многих исследователей, обладает способностью на основе ограниченного количества языковых правил и элементов порождать бесконечное число высказываний (значений и смыслов), правильной находим мысль Г. Малетцке. «Язык – это всегда коммуникация, но он – одна из форм коммуникации, среди многих других» (Maletzke, 1998: 44).

В терминах «эффект», «влияние», «результат» можно описать всё явное (открытое) коммуникативное поведение и внутренний резонанс коммуникантов, наблюдаемые и воспринимаемые в процессах их взаимодействия. С точки зрения прагмалингвистики, понимаемой в широком смысле как теория общения, результат речевого коммуникативного действия рассматривается теорией речевых актов в понятии перлокутивного акта (акта воздействия и получения его результата), что во многом способствовало, как отмечает Л.М. Салмина, сведению цели коммуникации только к воздействию (ср. Салмина, 2001: 30).

Одним из важнейших признаков межличностной коммуникации определяется рефлексия или обратная связь как комплекс вербальных и невербальных сообщений, которые человек намеренно или ненамеренно посылает в ответ на сообщения другого. «Реакция слушающих на высказывание говорящего по сути составляет цементирующий момент общения, её отсутствие приводит к разрушению коммуникации» (Куницына и др., 2000: 46). К. Мертен выделяет в проявлении обратной связи временной, предметный и социальный аспекты (Merten, 1977: 86–88, 161). При этом под рефлексированием в темпоральном измерении

понимается обратное влияние результатов коммуникации на сам коммуникативный процесс. Обратная связь в предметном измерении подразумевает, что в акте коммуникации выбирается тот код, который наиболее соответствует его предметно-содержательным целям. Социальный параметр обозначает, что коммуникация объединяет индивидов, творит социальность, стимулирует когнитивные усилия и, тем самым, создаёт человеческую идентичность.

Анализ коммуникативного стиля в нашем подходе строится с учётом названных признаков межличностной коммуникации и их основных характеристик.

Вышеперечисленные закономерности значимы и для коммуникации в группах, которая, однако, отличается от межперсональной (диадической) двумя основными моментами. Во-первых, общение в группе регулируется числом и ролевыми функциями отдельных членов этой группы, что определяет своего рода структуру взаимодействия. Во-вторых, групповая коммуникация всегда опосредована приоритетными для группы нормами, правилами и способами вербальной и невербальной деятельности (ср. Kübler, 1994: 21). Это позволяет говорить о таких специфических чертах общения в рамках группы, как появление феномена межличностного влияния, группового целеполагания, процесса выработки и принятия групповых решений. Речевое взаимодействие внутри социальных групп или институтов, в ходе которого люди реализуют свои статусно-ролевые возможности, представляет собой не что иное, как институциональную коммуникацию с присущим ей стилем, что представляет в дальнейшем объект нашего анализа. В определённой степени коммуникация в группе соот-

носима с организационной коммуникацией, поскольку любую организацию можно рассматривать как группу взаимодействия индивидуумов, объединённых для достижения определённых целей (Бергельсон, 2004: 11). В современном понимании организационные взаимодействия и организационная среда – это один из социальных контекстов, в которых формирующая, воспроизводящая и преобразующая функция коммуникации проявляется особенно интенсивно. Коммуникация, таким образом, признаётся конституирующей основой любой организационной системы и любой организационной культуры (Матьяш, 2004: 16). В западной теории организовывание и коммуницирование интерпретируются как два взаимообусловливающих, взаимоопределяющих процесса. Организующий процесс есть одновременно коммуникативный, смыслообразующий процесс, и, наоборот, коммуникативный процесс – это одновременно процесс организующий (Weick, 1979). Одной из основ для анализа организационной коммуникации является концепция культурных параметров (измерений) голландского социолога Г. Хофстеде, положения которой подробно рассматриваются далее.

Классическая парадигма коммуникации, основанная американским политологом Г. Лассуэллом в 1948 году, рассматривала в качестве предмета своего исследования исключительно теорию массовой коммуникации (mass communication). Современный взгляд на коммуникативную науку не сводит её только до понимания массовой коммуникации, кроме того, некоторые авторы вообще оспаривают обоснованность причисления последней к коммуника-

ции как таковой, называя её феноменом sui generis (см. Erbring, 1980; Kob, 1978). Анализ соответствующей литературы показывает, однако, что подобное мнение не разделяется большинством авторов, определяющим массовую коммуникацию в контексте широкого понимания коммуникации. При этом речь идёт, в первую очередь, о переносе информации и только изредка – об обмене сообщениями, поскольку массовая коммуникация в традиционном смысле (газеты, журналы, радио, телевидение) представляет собой форму общественной, непрямой (опосредованной), однонаправленной и, тем самым, ассиметричной коммуникации (Pürer, 2003: 73). Сегодня массовая коммуникация является «мощным политическим средством, которое не только формирует общественное мнение, но и часто непосредственно влияет на принятие тех или иных политических решений» (Почепцов, 2003: 252). Прежде всего, это возможно в связи с использованием технических средств передачи и массового тиражирования словесной, образной, музыкальной информации среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью не только информирования, но и оказания идеологического, политического, экономического, психологического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей (Желтухина, 2003: 131).

Соотнося признаки межличностной и масс-коммуникации, можно выявить как их общие черты, так и закономерные отличия. Прежде всего, совершенно очевидно взаимопроникновение этих форм коммуникации. Собственно массовая коммуникация немыслима без межперсональной, которая, в свою очередь, получает от первой новое со-

держание, актуальные социополитические темы для fase-to-fase общения, выполняя тем самым коммуникативно-творящую функцию. В качестве одного из главных сходств обеих форм коммуникации выделяется интенциональность обращения к адресату на основе общей знаковой системой (Bentele/Beck, 1994: 34). Кроме того, в обоих случаях коммуникация вызывает определённую реакцию у реципиента. Полученная им информация воспринимается селективно, подвергается декодированию и интерпретации, наделяется смыслом. Будучи принятой или отклонённой, информация способствует утверждению либо изменению взглядов, установок, поведения адресата (ср. Bergler/Six, 1979: 37).

Формат массовой коммуникации имеет также собственные признаки, релевантные для нашего исследования, в рамках которого анализируется, в том числе, коммуникативный стиль немецкого политического дискурса как значимой составляющей пространства массовой коммуникации. Массовая коммуникация – это медиумно опосредованная, непрямая коммуникация. Она всегда реализуется с помощью технических средств через разные средства передачи информации, что позволяет употреблять для её обозначения также термин масс-медиальная коммуникация (ср. дискурс масс-медиа или масс-медиальный дискурс: Шейгал, 1998; Желтухина, 2001). К классическим медиальным средствам относятся, наряду с печатной продукцией (газеты, журналы, книги, плакаты), также аудиовизуальные средства информации (радио, телевидение, кино, музыкальные диски, аудио- и видеокассеты).

В отличие от межличностного общения, приватного по своей сути, массовая коммуникация имеет общественный, публичный характер. Её адресатом является неограниченное и неопределённое количество субъектов, т. е. коллективный адресат. Известный немецкий коммуникативист Г. Малетцке, характеризуя многочисленных реципиентов масс-медиальной коммуникации, использует термин «дисперсная публика» (disperses Publikum), подчёркивая их неоднородность и пространственную разобщённость (Maletzke, 1963: 28). Объединяющим началом в исполнении коммуникативной роли слушающего (адресата) при подобной пространственно-временной рассредоточенности является внимание к одному предмету, а именно к транслируемому тексту-высказыванию. Дисперсной публике противопоставляется «присутствующая публика» (Präsenzpublikum), выделяемая на основе идентичности интересов, одинаковых ожиданий, часто одинаковых контекстных знаний, ситуативной и пространственной общности, например, присутствие определённого количества людей в кинотеатре, на проповеди в церкви, в каком-либо зале при прочтении доклада или выступлении политика.

Отношения адресант – адресат (производитель и пользователь сообщений) в массовой коммуникации имеют свои особенности. По сути, мы имеем здесь дело с поляризацией коммуникативных ролей, поскольку «типичные для межличностной коммуникации взаимность и ролевой обмен de facto отсутствуют в массовой коммуникации» (ср. Burkart, 1998: 167). Обратную связь (feed back), в принципе, нельзя исключать полностью. Реакция на тексты массовой

коммуникации, представленные в письменной или устной форме, может осуществляться посредством телефонных звонков, писем слушателей или читателей, при помощи электронной почты. Однако такое общение нельзя отнести к непосредственному контакту, а само общение, как правило, запаздывает по времени, так как между коммуникантами существуют пространственная дистанция и временная отсроченность. Даже если речь идёт о трансляции в реальном времени (on-line) или так называемом «живом» эфире (live, call-in), когда в виде исключения для массовой коммуникации можно говорить о коммуникативном контакте между субъектами коммуникативного взаимодействия, подобного рода коммуникация в основном не сопровождается сменой коммуникативных ролей. Говорящему в такой ситуации общения принадлежит больший коммуникативный вес, большая дискурсивная инициатива, проявляющаяся в определении тем, стратегии и тактики для воздействия на слушающего. Адресат не владеет властными полномочиями коммуникатора – адресанта и вряд ли может повлиять на структурное оформление передачи. Таким образом, массовая коммуникация имеет par excellence однонаправленный характер, что обусловливает, соответственно, её ассиметричность. Последняя определяется, кроме всего прочего, также разницей в степени институциональной организованности партнёров по коммуникации. В качестве источников сообщения в массовой коммуникации в большинстве своём выступают представители организованных структур (политических, журналистских институтов), которые порождают масс-медиальные тексты, облечены властью в своей области и профессионально компетентны (ср. Шейгал, 2000: 46; Hunziker, 1988: 6). Реципиенты как какая-то часть общества или общество в целом представляют собой разнородную, анонимную публику, что значительно снижает степень их организованности и, соответственно, активности в процессе массовой коммуникации.

Типичным для фактора адресанта/адресата в масс-медиальной коммуникации является также то, что партнёры по коммуникации не знают друг друга лично. В этой связи можно назвать, однако, случай так называемой парасоциальной интеракции (см. Merten, 1977: 145; Jäckel, 1995: 470), заключающейся в возникновении у зрителя иллюзии знакомства и межличностного общения с давно известным и часто появляющимся в эфире и на экране теле-/радиоведущим, комментатором, журналистом, политиком. Этому способствуют особенности языкового идиостиля и коммуникативного поведения говорящего, повторяющиеся и хорошо узнаваемые речевые акты типа приветствия, привлечения внимания и т. д. Эффект парасоциальной интеракции, вызывающий доверие к личности отправителя сообщения и, как следствие, к самому сообщению, часто используется в массовой коммуникации с целью убеждения и политических манипуляций.

Как отмечают специалисты в области коммуникативной науки, все формы человеческой коммуникации представляют собой опосредованную коммуникацию, всегда «обслуживаемую» определённой инстанцией, средством или медиумом (включая язык и другие семиотические системы), с помощью которых сообщение генерируется или ар-

тикулируется, переносится и воспринимается (Graumann, 1972: 1182). При этом понятие «медиум» употребляется как в отношении знаковых кодов, свойственных человеку, так и в связи с разными, известными нам техническими средствами, например, в телекоммуникации (телефон, радиотелефон, факс), в массовой коммуникации (газеты, журналы, телевидение, радио), а также в современной компьютерно-опосредованной коммуникации (Burkart, 1998: 36). Известна попытка классификации медиального разнообразия, включающая три блока возможных средств человеческой коммуникации (см. Pross, 1972: 10–145).

Выделяются, прежде всего, первичные медиальные средства «элементарного межличностного контакта», к которым наряду с языком относятся невербальные компоненты (мимика, жестикуляция, язык тела, зрительный контакт). Общим для этого «набора» кодов, релевантного для любого коммуникативного стиля, является отсутствие технического прибора в осуществлении коммуникативного взаимодействия между партнёрами по общению.

В качестве вторичного медиума определяются средства, требующие технического устройства при продуцировании сообщения, но не при его восприятии. Речь идёт о разного рода сигналах (дымовых, огненных, жестикуляции флажками), текстовых манифестациях письменного или печатного характера (письмах, газетах, плакатах, книгах и т.д.).

Под третичными средствами коммуникации понимаются те средства, при которых коммуникация осуществляется при помощи технических посредников. К этой группе

причисляются телекоммуникационные и электронные масс-медиальные средства.

Эффективность воздействия в процессе коммуникации определяется, по мнению многих авторов, не только на основе «изолированных, абстрактных слов и предложений. Вербальная составляющая взаимодействия тесно переплетается с невербальными компонентами, такими, как характерная внешность говорящего, степень его привлекательности, специфическая голосовая артикуляция, мимика, жестикуляция и др.. Для психологической действенности собственно содержательной информации эти невербальные элементы имеют в смысле социальных техник центральное значение в акте коммуникации» (ср. Bergler/Six, 1979: 35; см. также: Куницына, Казаринова, Погольша, 2001: 68; Стернин, 2001: 89).

В качестве основных способов восприятия невербальной коммуникации выделяются акустический, визуальный (оптический), тактильный, термальный, ольфакторный и вкусовой. Реализуя общую для них функцию невербальной коммуникации – передавать сообщения, касающиеся конкретного состояния коммуниканта, его отношения к себе, к партнёру и ситуации, – каждый из способов сохраняет при этом свою специфику.

Посредством акустического воздействия общающиеся воспринимают экстралингвистические (паузы, смех, плач, кашель, вздох и т.д.) и паравербальные сигналы сообщения (скорость речи и её ритм, тембр голоса и его громкость и т.д.). То, как произнесено высказывание, является часто более важным, чем само содержание сообщения, а такие средства, как ударение, паузы, интонирование, передают сообщение о том, какое значение в данной ситуации

придаётся сказанным словам. По Ф. Ницше: «Наиболее понятным в языке бывает не самоё слово, а тон, ударение, модуляция, темп, с которым произносится ряд слов, – короче сказать, музыка, скрывающаяся за словами, страстность, скрывающаяся за музыкой, личность, скрывающаяся за страстностью, т. е. всё то, что не может быть написано» (цит. по: Соколов, 2002: 295). Эта мысль весьма значима для обсуждения сущности коммуникативного стиля, моделируемого в рамках нашей работы.

Большая часть невербальной информации воспринимается, как известно, визуально. Невербальная коммуникация объединяет мимику или выражение лица как основной источник передачи человеческих эмоций, кинесику (движения тела и жестикуляцию), проксемику (пространственную организацию общения), внешние атрибуты ситуации (рост, одежду, причёску коммуникантов, окружающие предметы), а также зрительный контакт, выполняющий в первую очередь функцию регулирования разговора и атмосферы интимности в межличностном общении. Своеобразие проявления названных факторов оптического или визуального способов воздействия значительно опосредовано лингвокультурными традициями партнёров по коммуникации (например, уместным ли является прямой зрительный контакт в разговоре или какова допустимая дистанция между говорящими).

Тактильный компонент коммуникации обеспечивает восприятие самых разнообразных прикосновений – рукопожатия, поцелуя, поглаживания, похлопывания, объятия и т. д. Подструктурно к тактильному невербальному повеdению можно отнести также термальную систему восприятия, позволяющую партнёрам по интеракции ощущать теплоту тела при соприкосновении (Pürer, 2003: 65). Люди прикасаются друг к другу по разным причинам, разными способами и в разных ситуациях. Однако интенсивность и частота прикосновения зависят не только от пола, возраста, типа личности и её статуса, но и от типа культуры, к которой принадлежит личность.

Человеческое обоняние, запахи, поступающие ольфакторным способом, могут также стимулировать или затруднять коммуникацию. Это касается и вкусовых ощущений, сопровождающих, например, поцелуй как форму человеческого взаимодействия. Замечательной иллюстрацией, демонстрирующей значимость ольфакторного аспекта коммуникации в рамках своей культурной группы, является высказывание представительницы эвенкийского народа в одной из телевизионных передач по поводу встреч с земляками: «Обнимешь человека, понюхаешь его – родные запахи, и сердце тает».

Обобщая краткое описание разнообразия невербальных составляющих коммуникации, сошлёмся на выводы немецких авторов в отношении их социального значения и функций. Итак, невербальная коммуникация:

непосредственно регулирует социальные контакты, пробуждая симпатию (повышая при этом готовность к взаимодействию) или антипатию (снижая готовность к контакту) (Pürer, 2003: 66);

подготавливает партнёра по коммуникации к восприятию вербальной коммуникации;

поддерживает интерес слушающего, его внимание и готовность к последующей информации в течение акта коммуникации;

является более достоверной в случае рассогласования вербальных и невербальных сигналов;

поддерживает вербальную коммуникацию, заменяет или дополняет последнюю (ср. Bergler/Six, 1979: 33).

Для межличностного общения характерна не изолированность, а взаимодополняемость коммуникативных средств воздействия, способствующих более успешной интеракции. В этом смысле массовая коммуникация, или коммуникация посредством электронной связи, представляется ограниченной в связи с ограниченным числом возможностей и способов её реализации. Это, в свою очередь, влияет на проявления коммуникативного стиля в разных типах институциональной коммуникации или институциональных дискурсах.

Проанализированные в параграфе теоретические аспекты коммуникации можно рассматривать, на наш взгляд, как некие коммуникативные универсалии, объективирующиеся, однако, только в контексте конкретной лингвокультуры и, соответственно, ею детерминированные, так что «культурно маркированным в коммуникации оказывается всё» (Красных, 2001). Эта мысль затрагивает очень важный, с точки зрения концепции нашего исследования, вопрос, а именно, вопрос о национально-культурной обусловленности коммуникативного процесса.

1.4. Национально-культурный аспект коммуникации

Культурно-специфические особенности коммуникации проявляются в нашем представлении во всех её вышеперечисленных формах (межличностной, массовой, групповой и организационной), в комплексе вербального и невербального поведения, в реализации разных уровней как лингвистического, так и экстралингвистического планов.

Отметим, что выявлению и изучению национально-культурной составляющей дискурса посвящены различного рода исследования отечественных и зарубежных учёных. В предлагаемом ниже обзоре представлены некоторые подходы к данной проблеме современных авторов, которые так или иначе пересекаются с нашим подходом к анализу коммуникативного стиля в контексте межкультурного общения и, соответственно, диалектики культуры и коммуникации.

Лингво-когнитивная концепция (Красных, 2002: 20) позволяет выделять и анализировать два плана коммуникации. Прежде всего, речь идёт об общелингвистическом аспекте, релевантном для любой формы коммуникации, любого дискурса, любого языка, на котором осуществляется общение. Иначе говоря, объектом анализа становятся коммуникативные универсалии, о которых мы писали выше, вся совокупность факторов, структурирующих саму коммуникацию и влияющих на её протекание. Особый интерес для нас представляет второй план как культурно-детерминированный компонент, актуальный для коммуни-

кативного пространства каждой лингвокультуры, в котором реализуются все типы дискурсов. Это тот компонент, который определяет особенности национального языкового сознания, специфику того, что хранится в сознании человека и проявляется в коммуникации. Изучение культурно-детерминированного компонента позволяет исследовать национальное в коммуникации, выявлять и описывать национально-специфические составляющие, в частности, феномены, которые обусловливают национально-культурную специфику дискурса, в том числе национальный коммуникативный стиль как центральное понятие нашей работы.

Упоминавшиеся в связи с необходимыми условиями коммуникации термины «когнитивная база» и «пресуппозиция» разрабатываются в русле теории лингво-когнитивного подхода и, являясь национально-культурно-детерминированными сущностями, требуют более детального рассмотрения.

Итак, каждая языковая личность, каждый человек, общающийся как субъект коммуникации, обладает определённым образом структурированным набором знаний и представлений, обозначаемым индивидуальным когнитивным пространством. При этом существует некая совокупность знаний и представлений, которыми владеют все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального и т. д.), выделяемая как коллективное когнитивное пространство. Определённым же образом структурированная совокупность знаний и национально-детеминированных и минимизированных пред-

ставлений того или иного лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, определяется как когнитивная база (Гудков, 2003: 91; Красных, 2003: 61). Безусловно, разные лингвокультуры имеют разные когнитивные базы, что связано с различиями в «языковых картинах мира», разной категоризацией и классификацией окружающей людей реальности. Причём, как отмечает Д.Б. Гудков, основными составляющими когнитивной базы являются не личные знания и представления тех или иных индивидов о «культурных предметах» (термин Н.В. Уфимцевой), но национально-детерминированные минимизированные инварианты этих представлений (там же: 98).

В разработанной авторами концепции не только когнитивная база, но и когнитивные пространства (индивидуальные и коллективные) являются культурно-маркированными. Кроме того, совокупность последних образует национальное культурное пространство, понимаемое как информационно-эмоциональное («этническое») поле, как всё многообразие реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса. Когнитивная база входит в культурное пространство как его «ядерная» часть (Красных, 2002: 23). Например, в немецком культурном пространстве особую ментальную нишу занимает концепт «Стена» (die Mauer) как символический знак разъединения и объединения страны. При этом индивидуальные когнитивные пространства жителей немецких Земель включают в себя разные, по природе своей субъективные, оценки и коннотации, связанные с событиями вокруг Берлинской

стены. Активизируемый в коммуникации определённый набор дифференциальных признаков этой реалии у немецких коммуникантов имеет как более, так и менее личностный вектор: «sie lebten jenseits von Mauer» [1]; «wir waren die Zonenkinder hinter der Mauer» [2]; «man richtete sich darauf ein, im Schatten der Mauer zu leben», «Mauerstaat» [3] usw. На основе государственного и политико-культурного деления Германии на протяжении ряда лет можно говорить, видимо, о специфике коллективных когнитивных пространств восточных и западных немцев, эксплицитно или имплицитно актуализирующих в своём речевом поведении свой комплекс представлений о «стене» и объединении: «wir im Westen wussten zu wenig von ihrer Vergangenheit, ihrer Empfindungen, ihren Beziehungen zu uns», «der Osten ist nicht über einen Kamm zu scheren» [4]. Безусловно, существует национальный инвариант знания и представления о культурном феномене «Mauer», хранящийся в минимизированном, редуцированном виде в когнитивной базе немецкой лингвокультуры. Оформленный как некий «пакет информации», этот инвариант не часто вербализуется в полной мере в связи с его предполагаемой общеизвестностью для носителей языка. Одной из возможных речевых экспликаций, отражающих фрагмент когнитивной

1 Deutschland/Zeitschrift für Politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft. 4/2000:50.

2 Hensel, Jana. Zonenkinder. Hamburg, 2002.

3 Deutschland in kleinen Geschichten. München, 1997.

4 См. сноску 1: 42, 47.

базы, связанный с концептом «стена», является, например, фраза «neue Mauer in den Köpfen».

Все когнитивные совокупности реализуются в пресуппозиции, которая, в свою очередь, актуализируется в процессе коммуникации, релевантна «здесь» и «сейчас». В.В. Красных выделяет три типа пресуппозиций, соотносимых со структурами индивидуальных и коллективных знаний и представлений (Красных, 2002: 24). Когнитивная база как наиболее консервативный корпус знаний и представлений человека, точнее тот её фрагмент, который значим для осуществляемого акта коммуникации, соотносим с макропресуппозицией. Её актуализация возможна только в случае общения коммуникантов, обладающих одной когнитивной базой, или в случае, когда коммуникант-иностранец знаком с когнитивной базой той лингвокультуры, на языке которой ведётся общение.

Здесь, однако, возникает следующий вопрос. Реалии современной жизни таковы, что всё чаще в ситуациях межкультурной коммуникации языком общения становится так называемый linqua franca, язык-посредник, неродной для коммуникативных партнёров (см., напр., Quirk, 1982; Firth, 1996; Crystal, 1999; Bouton, 1999; Seidlhofer, 2001). В этом случае трудно сказать без специального исследования, фрагменты чьей когнитивной базы будут актуализироваться в макропресуппозиции, нормы какого коммуникативного стиля будут выбраны общающимися, создавая тем самым платформу для коммуникации.

С фрагментом коллективного когнитивного пространства, проявляемого в коммуникации, соотносится социумная пресуппозиция. Последняя актуализируется при об-

щении людей, относящихся к одному социуму. Как макропресуппозиция, так и социумная пресуппозиция не всегда имеют место. Они явно отсутствуют, если участники коммуникации не принадлежат к какому-либо одному социуму и/или к одному национально-лингво-культурному сообществу. В качестве краткой иллюстрации вышесказанного приведём типичное немецкое объявление, вывешанное накануне Рождества у входа в одном из кафе:

Unsere Öffnungszeiten an den Feiertagen:
Heilig Abend
10 bis 17 Uhr
21 bis 24 Uhr

25. und 26.12.
10 bis 24 Uhr
Gans- und Entenessen
wir bitten um rechtzeitige Reservierung!

В первой части объявления указаны часы работы кафе днем и вечером в сочельник, накануне Рождества. Знание о том, почему сделан перерыв между 17 и 21 часами, относится непосредственно к когнитивной базе немецкого лингво-культурного сообщества. Это знание в рамках своей культуры воспринимается как нечто всем хорошо известное и само собой разумеющееся. И вряд ли хозяину немецкого кафе придёт в голову выражать вербально, что этот период вечернего времени в сочельник считается праздником в кругу семьи с традиционными подарками и ёлкой. При этом у любого иностранца, незнакомого с немецкими рождественскими обычаями, такое расписание

может вызвать удивление и непонимание. Примерно также можно проинтерпретировать вторую часть объявления, в которой имплицитно в пресуппозиции подразумеваются культурные знания о том, что в последующие праздничные дни, как правило, многие немецкие семьи в кругу родственников и друзей посещают кафе и поэтому необходимо заказывать места заранее.

Третий тип пресуппозиции, имеющий место в любой ситуации общения, определяется как микропресуппозиция, или общий фонд знаний коммуникантов о конкретной ситуации, в которой осуществляется конкретный акт коммуникации. Это спонтанно возникающая «здесь и сейчас» зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств общающихся.

Забегая вперёд, отметим, что в рамках нашего подхода с макропресуппозицией и, соответственно, с когнитивной базой лингво-культурного сообщества коррелирует национальный коммуникативный стиль. Как представляется, отражённые в когнитивной базе культурно обусловленные знания, представления и установки определяют предпочтения носителей языка в отборе коммуникативных средств для организации адекватного общения. Если соотнести социумную пресуппозицию и коллективное когнитивное пространство с определённым видом институции, которому свойственен конкретный институциональный тип дискурса, то можно говорить об особенностях коммуникативного стиля данного локального или частного дискурса. С нашей точки зрения, присущий каждому общающемуся человеку индивидуальный личностный стиль так или иначе детерминирован национальным и дискурсивным сти-

лем коммуникации в данной лингвокультуре. Отсутствие пресуппозиции, а значит, в том числе, представления о коммуникативном стиле инокультурного партнёра по общению, предполагает возникновение недоразумений в коммуникативном взаимодействии.

Значимой для анализа национально-культурной составляющей коммуникации в рамках лингво-когнитивного подхода представляется также концепция прецедентных феноменов, являющихся ядерными элементами когнитивной базы (Гудков, 2003: 99; Красных, 2003: 169). Сам феномен прецедентности в разных аспектах неоднократно обсуждался в научной отечественной литературе, а именно, прецедентный текст (Караулов, 1987: 216; Сорокин, 1987; Сорокин, Михалёва, 1993), прецедентное высказывание (Костомаров, Бурвикова, 1994; Захаренко, 1997), прецедентные текстовые реминисценции (Прохоров, 1996), прецедентное имя (Гудков, 1997). Модифицируя определение Ю.Н. Караулова в отношении прецедентного текста, В.В. Красных относит к числу прецедентных феномены (Красных, 2003: 170):

– хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);
– актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
– обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными. К первым относятся самые разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым – произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. В составе прецедентных феноменов выделяют прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное имя и прецедентное высказывание, подробно раскрываемые в монографии В.В. Красных (там же). Интерес для нашей работы, в которой моделируется национальный коммуникативный стиль, представляют любые из названных типов феноменов, относящихся к национальному уровню прецедентности. А именно феномены, известные обыкновенному среднестатистическому представителю той или иной лингвокультуры и входящие в национальную когнитивную базу.

Проблема национальной специфики коммуникации очень активно и плодотворно разрабатывается в аспекте сопоставительного исследования коммуникативного поведения разных народов (см. Стернин, 1996; 2001; 2002; 2003а; 2003б; Прохоров, Стернин, 2002; Стернин, Ларина, 2003). При этом коммуникативное поведение определяется как совокупность норм и традиций общения определённой лингвокультурной общности – народа, группы, а также отдельной языковой личности (Стернин, 2003б: 63). Коммуникативное поведение обусловлено как национальным менталитетом, так и национальным характером. Важно отметить, что при описании коммуникативного поведения речь идёт только лишь о наличии выявленных коммуникативных образцов в национальной культуре, в её фонде, концептосфере, а не об обязательном обладании этими об-

разцами поведения каждым. Можно только утверждать, что многие носители данной культуры и данного языка владеют этими образцами (Стернин, Ларина, 2003: 20).

В рамках названной теории предлагаются три основные модели – ситуативная, аспектная, параметрическая – как комплекс описания национального коммуникативного поведения.

Ситуативная модель отражает коммуникативное поведение в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций (приветствие, извинение, благодарность, вступление в контакт, выход из общения, общение в гостях, общение в коллективе, по телефону, общение с детьми, национальная невербальная система и т. д.). Ситуативная модель строится на эмпирическом материале. В ней отдельно рассматривается и описывается вербальное и невербальное коммуникативное поведение.

Аспектная модель предполагает описание коммуникативного поведения в фокусе выделенных исследователем априори аспектов, основные из которых – вербальный и невербальный, а также продуктивный, рецептивный, нормативный и реактивный (описание коммуникативной реакции).

Параметрическая модель представляет собой достаточно формализованное системное описание коммуникативного поведения на основе некоторой заданной исследователем совокупности факторов. В рамках параметрической модели И.А. Стернин выделяет коммуникативные факторы, параметры и признаки. Последние являются основой описания, так как накапливаются эмпирически, из фактического материала. Признаки систематизируются в параметры, а параметры – в факторы. Таким образом, получается обобщённая модель коммуникативного поведения лингвокультурной общности как систематизированное, упорядоченное сочетание выявленных особенностей национального коммуникативного поведения (см. Стернин, 2003а: 5,6). Среди основных факторов, входящих в модель параметрического описания коммуникативного поведения, подчеркнём следующие, релевантные также с точки зрения анализа коммуникативного стиля: формальность/неформальность общения; коммуникативная самопрезентация; отношение к разногласиям; общительность; содержание общения, в том числе коммуникативные табу речевого и тематического характера; ориентация на собеседника; роль устного и письменного общения; невербальная организация общения (ср. там же: 7–13).

Отметим, что мы рассматриваем коммуникативный стиль как основу национального коммуникативного поведения.

В исследованиях зарубежных авторов последних лет, изучающих источники культурной маркированности в коммуникации, обращают на себя внимание концепции в русле парадигмы «культура в языке». Как представляется, они инспирированы, прежде всего, многими идеями Э. Сепира, одна из которых: «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа» (Sapir, 1949: 27). Кроме того, резонансом работ А. Вежбицкой, обосновывающих теорию «ключевых слов» культуры (Вежбицкая, 2001). Термины, именующие эти концепции, не так просто перевести на русский язык, например: Rich Points – как проблемные «узлы» культуры, места коммуникативного напряжения,

«rich, with the connotations of tasty, thick, and wealthy all intended» (Agar, 1994: 100), или Hotwords – как слова-конденсаторы культурного смысла, коннотативный фон которых, как правило, невозможно определить по словарю (Heringer, 2004: 174). Немецкие авторы используют для обозначения данных речевых феноменов понятие Stolperstein, что можно трактовать как «камень коммуникативного преткновения», о который «запинаешься» в процессе общения при непонимании или неадекватной интерпретации сказанного из-за отсутствия необходимых культурно-фоновых знаний или пресуппозиций, что особенно явно проявляется в ситуациях межкультурного общения. Культурно-«нагруженные» коммуникативно-языковые явления Rich Points и Hotwords прежде всего закреплены за словами, кристаллизуются в лексических единицах (хотя в их объём включаются также грамматические и прагматические моменты). Позволив себе условно назвать эти слова принятым в русском научном употреблении термином лингвоспецифичные слова, рассмотрим одну из таких лингвоспецифичных лексем, а именно понятие из австрийской культуры, являющееся подлинным «камнем преткновения» для иностранцев. Значение слова Schmäh, часто употребляемое в Вене в телевизионных передачах, в газетных статьях, просто в разговорах, вряд ли можно понять из словарных изданий и, соответственно, в адекватном смысле употреблять или интерпретировать в коммуникации. Многочисленные попытки на основе интервью и бесед выяснить все те компоненты значения (культурные семы), которые укоренились в слове, помогли создать следующий

образ. Данное понятие передаёт определённый образ жизни и мировоззрения, общую манеру вести себя, связанную с юмором и ироничным отношением к действительности, помогающую легче преодолевать жизненные проблемы. Такой вот своего рода «чёрный юмор», эксплицирующийся в коммуникации, например, в форме остроумного комментария к ситуации или в хитрой лжи в целях собственной выгоды. Подобное речевое поведение свойственно, однако, не любому австрийцу, поскольку соотносится с уровнем воспитанности и интеллигентности. При этом сами носители языка затруднялись в определении точной дефиниции этого слова, высказывая спорные и неоднозначные мнения. По крайней мере, сложно было определить, имеет это понятие перевес в пользу положительных или отрицательных коннотаций, что также подтверждает его культурную насыщенность и специфичность (ср: Agar, 1994: 101). Для сравнения с выявленным толкованием приведём достаточно лаконичные немецкую и русскую словарные статьи, где, кстати, ключевое слово представлено только в форме глагола, при отсутствии соответствующего существительного:

– «Schmähen – поносить, хулить, оскорблять» (Большой немецко-русский словарь: Т.2, 1980: 311).
– «Schmähen: verächtlich behandeln, schimpfen, lästern: Schmähredе; Schmähschrift; Schmähsucht; schmähsüchtig» (Das neue deutsche Wörterbuch, 1997: 816).

Подобные «культурно нагруженные» единицы, с трудом поддающиеся объяснению человеку из другой лингвокультуры, в огромном количестве присутствуют и в русском коммуникативном пространстве: «авось», «душевный», «поговорить по душам», «интеллигент» и т. д., а также в любом

другом. В немецком это могут быть слова «Verein», «Feierabend», «Wessi-Ossi», «Wendehals» и др. Яркий пример национально-культурной специфичности демонстрирует приводимый далее отрывок из газетного текста: «Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие – праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу. Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? (Мамаладзе, 1982; цит. по: Попова, Стернин, 2003: 75).

В расширительном значении как речевые проблемы (par excellence) вышеназванные подходы трансформируются в концепцию Hotspots (Heringer, 2004: 165) – «горячие» точки межкультурной коммуникации. К таковым немецкий автор относит, например, грамматическую (du-Sie-Ihr-System) и прагматическую (употребление титулов Herr, Frau, Dr. перед именем) нормы обращения в немецком языке или обращение по имени и отчеству в русском языке, что часто вызывает коммуникативную заминку у иноязычных партнёров. Перечислим ещё несколько потенциальных «горячих» моментов общения, полное число которых достаточно трудно охватить.

Итак, это может быть этап установления контакта (подавать или не подавать руку для пожатия, как ответить на звонок по телефону и т. д.). В китайской культуре готовность начать разговор подтверждается часто ответом на

вопрос «chi guo-le ma?» (Вы уже поели?). Отрицательный ответ грозит прерыванием общения. Известное американское речевое клише «How do you do?» требует не прямого ответа, а лишь зеркального повторения (Echo-Feedback). В японской лингвокультуре важной процедурой при знакомстве является обмен визитными карточками, которые выполняют функцию идентификации личности в отношении её социального статуса.

Поддержание контакта (алгоритм мены коммуникативных ролей, возможность прерывания собеседника, стимулирующие разговор модальные частицы, приемлемая длительность пауз и т. д.). Например, как известно, в разных языковых культурах коммуникативная значимость молчания неодинакова. В американском, немецком, французском, арабском контекстах молчание вызывает чаще негативную реакцию. В восточной Азии, Японии, Финляндии молчание как ответ воспринимается почти как норма. Китайская пословица подчёркивает: «Знающий молчит, незнающий болтает».

Традиции слушания (принятые сигналы проявления внимания и коммуникативного участия во взаимодействии: зрительный, переспрос, молчаливое слушание, смех и т. д.).

По сути, многое из перечисленного в отношении оформления общения в разных культурах имеет непосредственное отношение к проявлению коммуникативного стиля как явления детерминированного той или иной культурой.

Справедливости ради отметим, что представленные выше концепции имеют полные или частичные аналогии в

отечественных исследованиях разных лет, посвящённых проблематике взаимодействия языка и культуры в коммуникации. В целом, подобные подходы соответствуют лингвокультурологической (Телия, 1996; Воробьёв, 1997; Маслова, 2001; и др.), этнолингвистической (Толстой, 1995; Гердт, 1995; и др.) и лингвострановедческой (Верещагин, Костомаров, 1980) парадигмам. Национально-культурное своеобразие номинативных единиц, релевантные для определённого народа коммуникативные характеристики разрабатывались отечественными авторами в терминах лакун (Сорокин, Морковина, 1989), культурных концептов (Степанов, 1997; Карасик, 2002; Слышкин, 2000; и др.), прецедентных имён (Гудков, 1999 и др.), безэквивалентной лексики (Верещагин, Костомаров, 1990), коммуникативных концептов и национального коммуникативного поведения (Стернин, 2001).

Говоря о культурной специфике коммуникации, нельзя обойти вниманием дискурсивные конвенции или стратегии в разных лингвокультурах, а также разнообразные речевые акты как культурно обусловленные явления. Например, в деловых переговорах между представителями французских и немецких фирм французские участники часто начинают разговор шуткой или остроумным комментарием по поводу ситуации, контекста и темы встречи. Большинство немецких партнёров оценивает данное речевое поведение французов как неуместное («деплацированное»): «Das ist jetzt nicht an der Zeit, Witze zu machen». При этом речь не идёт о полном неприятии юмора как такового, а лишь о том, что он неуместен в структуре дискурса в

данный момент. Кроме того, обоюдно раздражающими являются стратегии аргументации обеих сторон. С точки зрения французов, немецкие объяснения избыточны и слишком деталированны, а аргументы французских коллег строятся в немецком восприятии на постоянных отклонениях от темы, ассоциациях и намёках (Helmolt, Müller, 1991: 531).

В повседневном бытовом дискурсе также распознаётся своеобразный культурно-специфичный алгоритм. Так, коммуникативный акт «предложение услуги – принятие услуги» реализуется в немецкой лингвокультуре посредством трёх реплик или обменов:

A: Hier ist ein Stuhl, bitte.
B: Danke!
A: Bitte.

В английской языковой культуре подобная интеракция состоит обычно из двух репликовых шагов (turns):

A: Here's a chair, please.
B: Thanks!
A: – –

Речевой акт комплимента сопровождается, как правило, в большинстве европейских культур вербальным выражением благодарности, тогда как в Японии реакцией на комплимент будет извинение. Так, на комплимент по поводу вкусной еды хозяин-японец ответит: «Извините, у меня было очень мало времени для подготовки» (Andree, 2004: 154).

К национальной составляющей дискурса исследователи относят также краткие нарративные формы (фразеологизмы, пословицы, поговорки, шутки, анекдоты), осознанно

или неосознанно употребляемые в общении (Roth, 1996: 68). В идиоматическом фонде языка отражаются ценностные установки и культурно обусловленные нормы народа. «Система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» (Телия, 1996: 215). Именно это делает пословицы, поговорки и подобные им краткие «нарративные единицы дискурса» (в терминологии Müller, 1995) важным источником информации о различных сторонах жизни людей. В этой связи представляется возможным проследить отражение в идиоматике определённого языка особенностей коммуникативного стиля носителей этого языка, рассматривая краткие нарративные формы как метакоммуникативное сообщение о принятых в лингвокультуре коммуникативных правилах и предпочтениях. Например, по данным русской фразеологии, можно говорить о разных аспектах общения, принятых в русской среде: высоком уровне языковой компетенции (язык хорошо подвешен, за словом в карман не лезет, пальца в рот не клади), искренности и правдивости (говорить без обиняков, называть вещи своими именами, хлебсоль ешь, а правду режь), отрицательном отношении к отсутствию информативности в разного рода праздноречевых жанрах (переливать из пустого в порожнее, разводить тарыбары, точить лясы) и т. д. (см. Леонтович, 2002: 194; Балашова, 2003: 95). Известные немецкие пословицы «Mit Ver-

wandten sing` und lach`, aber nie Geschäfte mach», «Ordnung ist das halbe Leben», «Wie einer redet, so ist er», «An der Red erkennt man den Mann» отражают приоритеты коммуникативного поведения носителей немецкого языка и значимость речевого стиля для общей характеристики человека.

Национально-маркированными в дискурсивной деятельности языковой личности являются, наряду с вербальными, также невербальные и паравербальные элементы. Напомним, что термин «невербальное» понимается обычно как «несловесный язык», объединяющий большой круг явлений: движения тела человека, звуковую модальность речи, мимику, прикосновения, различные элементы окружающей среды и т. д. Известно, что во многих культурах Среднего и Дальнего Востока люди уделяют больше внимания именно невербальной коммуникации (в широком смысле – невербальному поведению), в том числе паралингвистическим средствам общения. Приведём некоторые примеры, иллюстрирующие значимость невербальной составляющей в коммуникативных взаимодействиях.

Предметом обсуждения и интерпретаций культурологов и политологов некоторое время назад стала встреча британского премьер-министра Т. Блэйера и одного из лидеров арабского мира М. Каддафи. На вербальном уровне разговор прошёл достаточно ровно, но невербальное поведение ливийского политика (по оценке международных экспертов) свидетельствовало о выражении пренебрежения и неуважения к английскому собеседнику. М. Каддафи сидел во время переговоров, сложив ногу на ногу и развернув ступню в сторону Т. Блэйера, что является в арабской культуре оскорбительным знаком (Новости НТВ,

27.03.04). Безусловно, понимая культурную специфику этого невербального знака, специалисты проявили тревогу и обеспокоенность по поводу фактических результатов и последствий этой встречи.

Подобный пример, со ссылкой на работы Г. Триандиса (Triandis, 1994), приводит Н.М. Лебедева (Лебедева, 1999: 33). Речь идет о встрече министра иностранных дел Ирака Азиза и госсекретаря США Бейкера, темой которой стала попытка найти компромисс и избежать военного столкновения. В переговорах принимал участие брат президента Ирака Саддама Хусейна, в функции которого входило информировать президента о ходе встречи. Используя только вербальный способ коммуникации, Бейкер прямо и ясно дал понять, что если Ирак не покинет Кувейт, США применят военную силу против Ирака. Брат Хусейна, обратив минимум внимания на то, что сказал Бейкер, но максимум – на то, как он это сказал, доложил в Багдад следующее: «Американцы не станут нападать. Они спокойные, они не сердятся, они только говорят». Итогом этой кросс-культурной ошибки стала жестокая операция «Буря в пустыне», принёсшая тысячи жертв населению Ирака. Очевидно, что одной из причин этой ошибки была культурно обусловленная интерпретация паралингвистических компонентов невербальной коммуникации в решающем переговорном процессе.

Самую большую группу среди невербальных знаков составляют жесты, значительное число которых конвенционально. Традиционный, казалось бы, для многих культур жест «до свидания» в Японии имеет значение «подойди

сюда». Классический американский «o´kay» -жест является оскорбительным в Италии, несёт в себе вульгарное сексуальное домогательство в Греции и в Турции, выражает смысл «ты – ноль, ничтожество» во Франции. Дружеское похлопывание по плечу может расцениваться как оскорбление в Японии, особенно если этот жест исходит от коммуникативного партнёра младшего по возрасту и имеющего более низкий социальный статус.

Национальная специфика заметно проявляется и в области социального символизма. Социальные символы непосредственно не участвуют в коммуникации, но они несут коммуникативно-релевантную информацию, тем самым опосредованно включаясь в процесс взаимодействия между людьми (Стернин, 2001: 91). Разное символическое значение имеют, например, цвета в разных культурах. Зелёный цвет, имеющий в европейских странах положительные коннотации как цвет природы, чистоты и свежести, связан с болезненными ассоциациями в странах, где большую площадь занимают дикие джунгли. Кроме того, зелёные оттенки практически запрещены во многих частях мусульманской Индонезии. Чёрный, как известно, не универсальный знак траура, в большинстве азиатских культур траурным является белый цвет, в Бразилии – пурпурно-красный, а в Мексике – жёлтый. Число 13 считается несчастливым не везде, в Японии несчастье символизирует цифра 4, в Кении и Сингапуре – 7. Полным коммуникативным фиаско в Сингапуре будет подарок родителям к рождению ребёнка, имеющий какую-либо связь с аистом, поскольку аист в этой культуре символ детской смерти. Запах ли-

мона (например, в используемых косметических средствах) может стать помехой общения на Филиппинах, где он ассоциируется с болезненным состоянием.

Культурно обусловленным в коммуникативном взаимодействии является также его пространственная организация, приемлемая и комфортная дистанция в общении между партнёрами. Проксемика как область, изучающая один из аспектов невербальной коммуникации, разработана американским антропологом Э. Холлом. Подробнее этот вопрос освещается далее.

Итак, все процессы коммуникации происходят в определённом культурном контексте и, соответственно, детерминированы им. Таким образом, коммуникативно значимое поведение индивида обусловлено его принадлежностью к определённой социокультурной и языковой общности. Расмотренные в данном параграфе концепции изучения национальной специфики коммуникации и некоторые иллюстрирующие эту специфику примеры объединены единством подхода к исследованию коммуникативного стиля и его особенностей в рамках разных лингвокультур. В следующем параграфе представлен взгляд на коммуникативный процесс с точки зрения категоризации межкультурных феноменов, развиваемый в теории и практике достаточно новой для научного гуманитарного знания дисциплины «межкультурная коммуникация».

1.5. Предпосылки возникновения и направления развития дисциплины «межкультурная коммуникация»

Термин *межкультурная коммуникация* впервые появился в 1954 году в недрах американской научной школы культурантропологов. Предвосхищая будущие межэтнические и межкультурные исследования, представители этой школы – Эдуард Т. Холл и Г.Л. Трэгер – опубликовали статью «Культура и коммуникация» (*Trager*, *Hall* 1954), в которой обозначили научно-прикладную перспективу данной проблематики. Дальнейшее развитие новое направление получило позднее, после выхода известной и многократно переизданной книги Э.Т. Холла «Немой язык» (*The Silent Language*, 1959), в которой автор убедительно обосновывал непосредственную связь между культурой и коммуникацией и возможность для сравнения культур, исходя из общих для всех культур основ. Проводя аналогию с изучением иностранных языков при помощи универсальных грамматических категорий, Холл делал вывод о доступности освоения подобным образом других культур и необходимости обучения им в современном мире. Идеи Холла до сегодняшнего дня являются основополагающими для разработки теории данной дисциплины и для создания учебных программ соответствующего профиля. Это касается прежде всего закономерностей невербального общения: жестикуляции, мимики, проксемики (пространственной организации общения).

Концепция Э. Холла о диалектическом единстве культуры и коммуникации, о культурной обусловленности ком-

муникативного поведения индивидуумов, принадлежащих разным культурным группам, получила широкое признание как в США, так и за рубежом. Однако эта концепция не сразу нашла отклик в официальных академических кругах (она была признана только после смены научной парадигмы, поскольку работы Холла долгое время считались слишком биологически и детерминистски ориентированными).

Импульсом для дальнейшего развития новой дисциплины стали труды американских культурантропологов Флоренса Клакхона и Ф.Л. Стродбека (*Kluckhohn F.R., Strodbeck F.L.*, 1961), касающиеся проблем ценностных ориентаций, а также этнолингвистов Джона Гамперца и Делла Хаймса (*Gumperz, Hymes,* 1972; *Gumperz,* 1982) о соотношении языка и культуры. С начала 1970-х годов межкультурные идеи Э. Холла были подхвачены коммуникационными науками США. Как часть теории коммуникации, межкультурная коммуникация получила значительное теоретическое обоснование со стороны психологических исследований, особенно кросскультурной психологии (*Gudykunst,* 1983, 1985).

В контексте генезиса межкультурной парадигмы знания особого внимания заслуживает теория или гипотеза лингвистической относительности американских лингвистов-антропологов Э. Сепира и Б. Уорфа, ставшая мощным толчком для развития концепций взаимосвязи языка и культуры задолго до того, как межкультурная коммуникация сформировалась в отдельное исследовательское направление. Как известно, сущность, главная идея гипотезы Сепира-Уорфа заключается в том, что мышление, мировоззрение и поведение людей лингвистически детерминированы, то есть обусловлены характером и природой того языка, на котором они говорят. Избегая абсолютизации и гиперболизации этого положения, можно считать огромной заслугой учёных то, что они «акцентировали особое внимание на специфических особенностях возникновения «языкового восприятия мира», на познании мира, прежде всего, через арсенал языковых средств и на влиянии такого понимания окружающей действительности на другие формы познания людей и их деятельность» (Брутян, 1969: 61).

Большинство исследователей, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, придерживаются мнения о несомненной плодотворности идей Сепира и Уорфа для разработки её теории, особенно в части тесного взаимовлияния языка, мировоззрения и поведения людей (Maletzke, 1996; Леонтович, 2003 и др.).

Прослеживая историю и условия формирования межкультурной коммуникации как новой дисциплины, необходимо отметить, что её возникновение и утверждение было обусловлено реальными процессами современного мира, практическими потребностями людей самых разных культур, профессий, социальных институтов. Глобализация и интернационализация экономики и сферы услуг, развитие туризма и бизнеса, образовательная интеграция, многочисленные миграционные процессы и возникающие на этом фоне проблемы непонимания и недопонимания, ошибки в общении, культурные недоразумения пробудили интерес специалистов разных областей гуманитарного

знания к вопросам международной, межкультурной коммуникации.

Практическая ориентация данного научного направления повлияла на определение предмета исследований межкультурной коммуникации, который кратко и прагматически определяется как взаимодействие представителей различных культур, или как коммуникация, детерминированная культурной вариативностью (ср.: *Roth, Roth,* 2001). Таким образом, к концу 70-х годов в США сформировалась новая междисциплинарная область научного и практического познания проблем межкультурного взаимодействия с собственным предметом исследования и соответствующими методами.

В европейских странах, в частности в Германии, интерес к исследованию межкультурных ситуаций появился значительно позже. Прежде всего, он был вызван конфликтными ситуациями в образовательной и производственной сферах в связи с трудностями языковой и социальной интеграции иммигрантов и их детей в немецкоязычное культурное пространство (*Knapp*, 1990: 68). Ни в один другой регион Европы во второй половине XX в. не переселялось столько людей, как на территорию Западной Германии (*Deutschland.* № 6. 2000).

Говоря об образовательной и собственно научной концепции межкультурной коммуникации в современной Германии, следует отметить, что данная дисциплина не получила пока здесь окончательной разработки и потому остаётся в некотором роде дискуссионной. Тем не менее, немецкие исследователи внесли в течение двух последних

десятилетий значительный вклад в общую теорию и методологию межкультурной коммуникации, а также в практический опыт исследований различных культурных систем и коммуникативных стратегий с точки зрения культурноантропологического подхода (см. Rudolf, 1968, 1992; Moosmüller, 1996; Roth, 1996; Quasthoff, 1989; Nicklas, 1991, 1999; Kohl, 1993; Helmold, 1993; Schmalz, Jacobsen, 1995; Wierlacher, 1993; Maletzke, 1996, Herbrand, 2002). Несколько отличаются в концептуальном плане исследования, в которых межкультурная коммуникация рассматривается преимущественно в контексте лингвистической, лингводидактической теорий или теории коммуникации (Bausinger, 1985; Knapp, Knapp – Potthof, 1990; Bolten, 1992; Mog, Althaus, 1996; Mayrose-Parovski, 1997; Wierlacher, Albrecht, 1998, 2003; Ehrhardt, 2003; Lüsebrink, 2005).

В России новая дисциплина находится в стадии научного и практически ориентированного осмысления в фокусе лингвистических, этнопсихолингвистических, этнопсихологических, культурологических исследований (см. Уфимцева, 1998; Клюканов, 1998; Лебедева, 1999; Грейдина Н.Л., 1999; Шамне, 1999; Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002). Справедливости ради, необходимо отметить, что одними из первых в нашей стране непосредственно проблемами межкультурного общения в связи с преподаванием иностранных языков начали заниматься на факультете иностранных языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Павловская, 1998; Тер-Минасова, 2000; Бергельсон, 2001). В последние годы появились публикации по различным аспектам межкультурной комму-

никации: лингвистическому (Донец, 2001; Межкультурная коммуникация, 2001; Леонтович, 2002; Цурикова, 2002; Гудков, 2003; Зубкова, 2003), психологическому (Кочетков, 2002), менеджменту (Персикова, 2002), дидактическому (Астафурова, 1997; Халеева, 1999; Рот, Коптельцева, 2001; Прохоров, 2003; Гришаева, Цурикова, 2003). Однако эмпирические исследования специфики коммуникативных различий конкретных пар культур в отечественном теоретическом и практическом опыте пока достаточно редки (Стернин, 2002; Стернин, Ларина, Стернина, 2003; Леонтович, 2002; Куликова, 2004).

Анализ отечественных и зарубежных публикаций по проблемам межкультурной коммуникации отчётливо показывает, что данное понятие используется сегодня авторами в трёх значениях, реализуя разновекторность направлений её изучения. В первом случае речь идёт о поле академических изысканий в сфере гуманитарных наук. Наряду с этим разрабатывается дидактический аспект в контексте университетского преподавания «межкультурной коммуникации» как отдельного предмета и как элемента, инкорпорированного в другие дисциплины. В третьем значении объектом внимания становится непосредственный процесс общения между представителями разных культур. В настоящей монографии в целях исследования и моделирования национального коммуникативного стиля обсуждаются как первый, так и третий аспекты значения понятия «межкультурная коммуникация».

1.6. Основные подходы к пониманию термина «межкультурная коммуникация»

Начнём с констатации того факта, что межкультурная коммуникация – это часто эксплуатируемое сегодня словосочетание, сигнификат которого, к сожалению, пока амбивалентен и не имеет желаемой дефиниционной ясности (однозначности). В разных источниках можно встретить палитру родственных наименований самого термина «межкультурный» в соответствии с дисциплиной, его рассматривающей, предпочтениями и целями авторов публикаций.

Так, корни английского обозначения «кросскультурный» распознаются в общей и социальной психологии. Центр тяжести кросскультурного подхода лежит в области сравнительного (компаративного) изучения определенного феномена культуры на основе интракультурного анализа (Hinnenkamp, 1994).

Термины «межэтническая / межрасовая / кроссрасовая коммуникация» используются при рассмотрении отношений различных этнических групп и рас внутри одного государства. Чаще всего при этом принимаются во внимание цвет кожи и происхождение (типично для процессов взаимодействия между чёрным и белым населением США). Основные проблемы, исследуемые этими направлениями, – дискриминация и расизм (Smith, 1973; Kochman, 1981, 1996; Kim, 1986).

Понятие интернациональная коммуникация относят прежде всего к сфере информационных средств, а также к

сфере политики и дипломатии. Данный термин употребляется преимущественно в общественных, социологических и коммуникационных науках. Кроме того, межкультурная коммуникация и интернациональная коммуникация разграничиваются на основе другого критерия. В первом случае речь идет о «пересечении» представителей разных культур, во втором – разных национальностей (Maletzke, 1996: 37). Если определенные культура и национальность совпадают, то вопрос терминологической двойственности исчезает. Однако в современном мире подобное совпадение встречается не везде и не всегда. Люди, принадлежащие одной культурноэтнической группе, могут являться гражданами разных государств и национальностей (например курды). И наоборот, представители разных культур живут часто в границах одного государства и формально являются членами одной нации (вспомним бывшую австро-венгерскую монархию или Югославию после Второй мировой войны).

Для обозначения форм межкультурного взаимодействия, рассматриваемого не как межличностное общение, а как информационно-технический способ коммуникации, употребляются термины «транскультурная» и «панкультурная коммуникация» (Hinnenkamp, 1994).

В русскоязычных и немецкоязычных исследованиях чаще других встречается термин межкультурная/интеркультурная коммуникация.

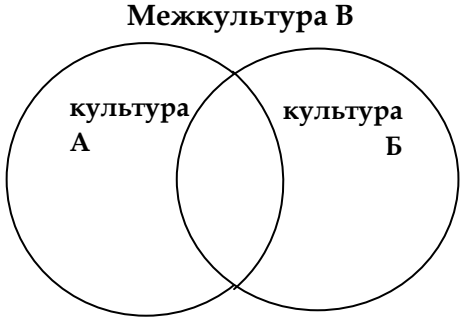
Обращение к этимологии слова интеркультурный (межкультурный) способствует пониманию сущности процессов, обозначаемых этим словом. Латинский префикс «ин-

тер» подразумевает «между». Понимая под культурой в широком смысле слова весь окружающий человека мир, мы рассматриваем понятие межкультурный/интеркультурный как то, что разыгрывается, происходит между человеческими мирами. Этот процесс взаимодействия не абстрактное явление, он всегда опосредован действиями конкретных индивидуумов, один из которых представляет, например, культуру А, а другой принадлежит культуре Б. В результате развития их отношений и пересечения двух культур А и Б возникает новая межкультура (интеркультура) В, которая не соответствует в полном объеме ни первой культуре А, ни второй – Б. Третья межкультура В представляет собой новое качество, своего рода синергию[1] (схема).

Вышесказанное можно продемонстрировать на конкретном примере. При встрече коммуникантов из разных культурных групп, в одной из которых (А) ритуал приветствия обязательно сопровождается пожатием руки, не практикуемым в другой культуре (Б), достаточно непредсказуемым является оформление ситуации общения или, другими словами, содержание межкультуры (интеркультуры), возникающей на пересечении. Какая из форм приветствия будет выбрана в итоге – рукопожатие, отсутствие такового, третий вариант (например, кивок головой) или еще какая-либо форма, – зависит в каждом конкретном случае от разных факторов: от того, насколько продумана

[1] Под культурной синергией (от греч. Synergeia – сотрудничество, содружество) понимается объединение культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов.

или спонтанна встреча; от степени знакомства и доверительности общающихся, их возраста, социального статуса, распределения социальных ролей и т. д.



Межкультурная коммуникация как научно-прикладная дисциплина занимается проблемами понимания и взаимопонимания: понять чужое (другое), адекватно объясниться с чужим, правильно интерпретировать иные, не свои культурные знаки. В плане своего генезиса, предметной соотнесенности, а также с точки зрения исследовательского инструментария, межкультурная коммуникация имеет междисциплинарный статус. Она интегрирует знания ряда наук, таких как культурная антропология, лингвистика, прагмалингвистика, теория коммуникаций, этнопсихология, социология.

Обзор литературы показывает, что существуют, по крайней мере, два основных подхода к определению сущности межкультурной коммуникации:

– лингвистический, относящий процессы межкультурной коммуникации по природе к речевой деятельности;

– культурно-антропологический (собственно её и породивший как термин и как новую дисциплину), акцентирующий культурную составляющую в межкультурном взаимодействии.

Лингвистический подход к определению основ межкультурной коммуникации оперирует дефинициями, в которых подчеркивается первостепенное значение языка в процессах межкультурного общения. Так, немецкие лингвисты Калфрид Кнапп и Аннели Кнапп-Поттхофф рассматривают межкультурную коммуникацию как «межличностное взаимодействие между представителями различных групп, которые отличаются друг от друга багажом знаний и языковыми формами символического поведения, характерными для всех членов каждой из этих групп» (Knapp; Knapp-Potthoff, 1990: 66).

Французские исследователи в области коммуникации и социальной психологии Ж. Ладмираль и Э. Липьянский также относят процесс межкультурной коммуникации в большей степени к сфере вербальной коммуникации (Ladmiral, Lipiansky, 2000: 29). Доступ к любой культуре, особенно к чужой культурной идентичности, открывается, по их мнению, посредством языка: «Отсюда все начинается». Под межкультурной коммуникацией они понимают отношения, возникающие между индивидуумами и группами, принадлежащими разным культурам. Эти отношения всегда развиваются на фоне определяемых этими культурами репрезентаций, кодов, своеобразного жизненного уклада и способа мышления (там же: 21).

Отечественные лингвисты В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин в рамках разработанной ими в 80-х годах лингвострановедческой теории слова определяют межкультурную коммуникацию как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» (Верещагин, Костомаров, 1990: 26).

Наряду с термином межкультурная коммуникация в исследовательском дискурсе современных отечественных психолингвистов существует понятие «межкультурное общение» (см. Тарасов, Уфимцева, Залевская, 1996; 2000), понимаемое как общение «носителей разных культур», сопровождаемое неизбежными коммуникативными конфликтами (конфликтами неполного понимания) из-за недостаточной общности сознания. При этом, как подчеркивает Е.Ф. Тарасов, «главной причиной непонимания в межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов» (Тарасов, 1996: 8). Автор трактует межкультурное общение «как случай функционирования сознания в аномальных («патологических») условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов» (Тарасов, 1998: 30). В русле данного подхода межкультурное общение входит в объектную область стыковых дисциплин: лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики.

С позиций когнитивно-коммуникативного аспекта рассматривает сущность процесса межкультурной коммуникации В.В. Красных, концентрируя внимание на разнице национальных когнитивных баз, к которым в процессе об-

щения апеллируют представители разных национально-лингво-культурных сообществ (Красных, 2003: 96).

В концепции О.А. Леонтович межкультурная коммуникация представляет собой сложную неаддитивную систему, понимаемую как результат взаимодействия и взаимовлияния языка, культуры и коммуникации в феноменологическом поле творения человеческих смыслов (Леонтович, 2002: 7).

В понимании ряда отечественных исследователей единицей межкультурной коммуникации является концепт, а выделение круга национальных концептов, образующих концептосферу, или национальный культурный мир, позволяет разграничивать и сближать «своё» и «чужое» (Ю.С. Степанов, В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, В.М. Бухаров и др.).

Немецкий специалист по теории коммуникации Герхард Малетцке, разрабатывающий теорию межкультурной коммуникации в контексте культурной антропологии, отмечает: «Мы говорим о межкультурном взаимодействии и межкультурной коммуникации, когда партнеры по коммуникации являются представителями различных культур и осознают это, то есть когда присутствует взаимное ощущение «чужеродности» партнера. Под межкультурными отношениями подразумеваются все отношения, участники которых используют не только собственную систему кодировки, нормы, установки и формы поведения, принятые в родной культуре, но сталкиваются с иными кодировками, нормами, установками и бытовым поведением» (*Maletzke,* 1996: 37; по: Рот, Коптельцева, 2001). Как очевидно, ключевыми, определяющими сущность данного подхода, явля-

ются концепты «культура» и «чужеродность/инаковость». Кроме того, акцентируемые в определении понятия нормы и поведения включаются как базовые элементы и в наше понимание культурно обусловленного коммуникативного стиля.

Помимо названных подходов к пониманию сущности МКК, значительный вклад в развитие её теоретических и практических основ внесла кросс-культурная (или сравнительно-культурная) психология. В русле американской и европейской традиций (Benedict, 1946; Brislin et al., 1986; Triandis, 1994; Вундт, 1998; Гердер, 1959) отечественная кросс-культурная психология уделяет особое внимание эмпирическим исследованиям в сфере психологии межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия (Лебедева, 1999; Стефаненко, 2000). Межкультурный (межэтнический и межконфессиональный) аспект психологических исследований затрагивает разработку проблем культурной обусловленности познавательных процессов (восприятия, мышления, памяти), личности в контексте культуры (понятие о национальном характере, процессах атрибуции и стереотипизации), этнической миграции и связанных с ней последствий. Признавая одной из основных целей межкультурной коммуникации как исследовательской парадигмы менеджмент культурных различий, отметим существующую, на наш взгляд, разницу культурно-антропологического и психологического сравнительно-культурного подходов. В первом случае в центре внимания, прежде всего, сам коммуникативный процесс, с его помехами и нарушениями. В перспективе кросс-культурной психологии

анализируются, как правило, отдельные параметры и факторы взаимодействия, вне коммуникации как таковой.

Все приведенные подходы и определения, несмотря на некоторые разночтения и разницу исходных позиций, сходятся в одном: межкультурная коммуникация есть интерактивный процесс, процесс межличностного взаимодействия, участниками которого являются представители разных культур. При этом речь идет о непосредственном личном взаимодействии, что часто позволяет рассматривать межкультурную коммуникацию как частный (особый) случай межличностной коммуникации (Samovar, Porter, 1991: 2) и определять его как микроуровень межличностного взаимодействия, в отличие от макроуровня прямого или опосредованного общения между этническими группами или нациями (Roth, J., Roth, K., 2001: 2). При этом если первые исследования в области межкультурной коммуникации затрагивали культурные различия только в интернациональном контексте, с точки зрения контактов с иностранцами, то современный подход к теории и практике дисциплины разрабатывает также особенности общения в рамках одной страны, даже внутри разного рода структур и организаций, что рассматривается культурантропологами как взаимодействие субкультур на фоне единой общей культуры (Maletzke, 1996) и подразумевает межкультурную коммуникацию в узком смысле (Redder, Rehbein, 1997). «Межкультурный» момент возникает в этом случае в связи с разницей возраста, профессий, интеллектуального «багажа» коммуникантов, манеры поведения и выбора

языковых средств (например, употребление жаргонизмов, профессиональной лексики, языковая грамотность и т. д.).

Под межкультурной коммуникацией в широком смысле некоторыми авторами понимается общение между представителями разных лингвокультурных сообществ (Redder, Rehbein, 1987: 18). Однако, как показывает анализ публикаций по этой проблематике, большинство исследователей не придерживаются данного подхода, рассматривая процесс межкультурной коммуникации от микроуровня межличностного взаимодействия (face-to-face) до макроуровня взаимоотношений между лингвокультурами как межкультурную коммуникацию в широком смысле (Roth, Roth, 2001: 2).

Итак, представив основные направления в определении основ межкультурной коммуникации, подчеркнем, что при существующем в научном мире разнообразии точек зрения в рассмотрении её сущности неоспоримой является культурно-определяющая доминанта как ключ к пониманию межкультурных взаимодействий.

Под межкультурной коммуникацией в дальнейшем изложении мы понимаем межличностное общение между представителями различных культурных, а также субкультурных групп, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнёров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия. При этом одним из главных факторов проявления чужеродности коммуникантов в межкультурном взаимодействии мы считаем фактор коммуникативного стиля в его национально-культурной детерминированности.

1.7. Культура как макроконтекст коммуникации

Когда мы находимся в чужой стране, то все возникающие проблемы непонимания и разного рода недоразумения (от шокирующе-неприятных до комических) мы приписываем обычно (либо только) недостатку или полному отсутствию языковых знаний. Безусловно, тесная связь и взаимозависимость между владением иностранным языком и возможностью общаться с представителями другой культуры совершенно очевидны и не требуют никаких доказательств. Но только ли незнание или недостаточное знание иностранного языка являются причиной межкультурных недоразумений? Сегодня этот вопрос является риторическим. Единая языковая «поверхность» создаёт лишь иллюзию взаимопонимания и эффективности общения между представителями разных культур, поскольку не обеспечивает адекватности глубинной структуры. Ярким примером тому могут служить непростые процессы немецко-немецкого воссоединения, многочисленные проблемы непонимания между восточными и западными немцами, связанные с разной социальной и культурной жизнью, которая формировалась несколько десятилетий в условиях двух немецких государств (см., напр., Hellmann, 1989; Fritzsche, 1992; Weidenfeld, 1993; Greiffenhagen, 1994, 1997, 2002; Lehmbruch, 2002; Luscher, 1997; Maaz, Moeller, 1991; Thierse, 1994; Kaase, 1998; Wagner, 1999; Westle, 1999; Thumfahrt, 2000; Wehling, 2002). Язык не существует вне культуры, в «плену» у которой находимся и все мы. Поэтому источни-

ком или непосредственной причиной большинства конфликтов в межкультурном общении является, как считают многие исследователи, сама культура с присущим ей национально-специфическим образом жизни (см., напр., Тер-Минасова, 2000:18; Маслова, 2001: 12). А.А. Залевская отмечает: «…видение мира людьми всегда определяется культурой, то, что признаётся «объективным», на самом деле несёт на себе отпечаток «субъективности», хотя в качестве субъекта в таком случае выступает культура» (Залевская, 2003: 61). Особую значимость для нашей работы имеют представления о коммуникативном содержании культуры, поскольку её реальное существование проявляется только во взаимодействии, информационном обмене между людьми.

В основе большинства межкультурных исследований лежит понимание культуры в широком антропологическом/этнологическом смысле (Hall, 1985; Kohl, 1993; Rudolf, 1992; Kroeber, Kluckhohn, 1959; Geertz, 1973, 1987; Тер-Минасова, 2000 и др.). Широкое понимание культуры необходимо для осмысления межкультурного общения, прежде всего потому, что оно охватывает не только воспринимаемый внешне, видимый (объективный) образ жизни человека (языковой личности), но и скрытый, внутренний (субъективный) мир, определяемый ценностями, ценностными ориентациями, специфичными способами восприятия и мышления, нормами поведения и морали.

Культура в данном подходе резюмируется в одной из многочисленных дефиниций как «совокупность субъективаций (*Subjektivationen*) – ценностей, норм, представлений,

мировоззренческих установок – и объективаций (*Objektivationen*) – деятельности, способов поведения, языка, артефактов, которые люди усваивают в процессе инкультурации и которые используются ими для освоения жизненного пространства и повседневной ориентации в нем (ср. Roth, Roth, 2001: 10).

Как коллективный феномен, как ментальное программирование личности, принадлежащей определенной культурно-языковой группе, определяет культуру в широком контексте голландский социолог Г. Хофстеде (Hofstede, 1997: 5). Это значит, что культура не наследуется, а усваивается. Разграничивая в культуре социальный уровень, биогенетический уровень, личностные качества каждого отдельного индивида, Хофстеде представил данный феномен с помощью такой схемы (схема 2).

Схема 2

Ранее аналогичная схема была разработана в американской культурантропологии (*Kluckhohn,* 1949) (см. схему 2).

Схема 3.
Человек – продукт наследственности и социализации

Каждый человек в определённой степени как:

Рождаясь и воспитываясь в определенной культурной среде, каждая языковая личность усваивает принятые в ней регулятивы (правила или требования, в соответствии с которыми люди строят свое коммуникативное поведение). В результате её действия оказываются в значительной мере обусловленными ими. Представитель каждой языковой культуры реализует в своих поступках, в своей речевой деятельности предписанные ему культурой программы поведения, часто даже не сознавая этого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что одни и те же коммуникативные действия приобретают в разных лингвокультурах иногда совершенно различные смыслы. Кроме того, каждая личность уникальна и неповторима, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на культурно обусловленное коммуникативное поведение любого индивида.

Ещё одна модель культуры, предложенная Г. Хофстеде, представляет собой «луковичную» диаграмму (*Zwiebeldiagramm*) (Hofstede, 2001: 9) как целостность четырех основных проявлений любой культуры: символов, героев, ритуалов, ценностей.

Схема 4

Внешний, самый поверхностный слой занимают символы (слова, жесты, артефакты и т. д.), имеющие определенное значение и смысл, воспринимаемые как таковые только членами одной и той же культурно-языковой группы. Символы быстро развиваются и быстро исчезают, регулярно копируются у разных культурных общностей (например, *Coca-Cola,* как знак модного качественного напитка, принят в разных странах). Поэтому символы в структуре Хофстеде предстают в виде поверхностного слоя «луковицы».

Герои (личности) воплощают в себе качества, достойные признания и уважения в соответствующей культуре. Их можно рассматривать как примеры, образцы для подражания. К этой категории Хофстеде относит также фантастические или комические фигуры, олицетворяющие дух нации и эпохи.

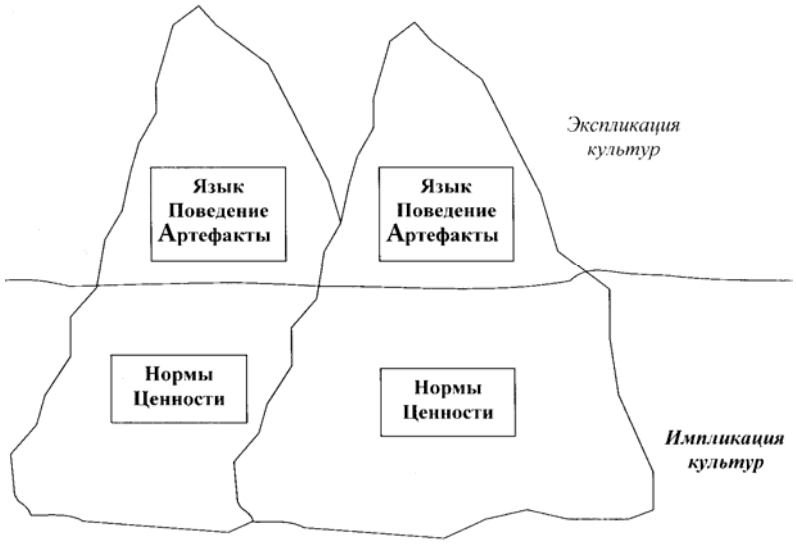
По нарастающей к центру культурного прообраза располагаются ритуалы: материальное воплощение норм и правил реальной действительности. Ритуалы представляют собой определенные последовательности символических действий и актов общения при заданности порядка действий и четком распределении ролей участников (Стернин, 1996: 110). Любой ритуал, передаваемый от поколения к поколению, выступает как материальный носитель культуры, как форма ее физического существования, например, политические действия, религиозные церемонии, свадьба, день рождения, похороны, ритуалы приветствий и прощаний, речевой этикет и т. д.

Как читается из диаграммы, символы, герои и ритуалы объединены в категорию практических проявлений лингвокультуры. Они представляют собой видимые для внешнего (не принадлежащего к данной культуре) наблюдателя явления. Однако внутреннее, обосновывающее культурное значение этих явлений скрыто для аутсайдера. Невидимый слой культуры сконцентрирован в ее ценностном ядре. Именно ценности и нормы определяют поведение людей, которое манифестируется в символах и ритуалах и руководят им.

Из американской методической литературы известен еще один визуальный прием, демонстрирующий видимую (осознаваемую) и невидимую (неосознаваемую) составные культуры. Это прием «айсберг-аналогии» (Grosch/Groß/Leenen, 2000: 48). Любая культура может быть представлена в форме айсберга, имеющего подводную и надводную части. Подводная (имплицитная) часть скрывает ценности, нормы, мировоззрение представителей данной культуры. Иначе говоря, это ее ментальная составляющая. Надводная (эксплицитная) часть выражается в многообразной, в том числе речевой деятельности людей.

Встреча двух айсбергов символизирует встречу двух культур, процесс межкультурного общения. Происходящие при этом реальные процессы наглядно демонстрирует схема:

Схема 5



Взаимодействие представителей двух разных культурных групп осуществляется, в первую очередь, на уровне скрытой, «подводной» части каждой культуры, там, где сталкиваются специфичные для каждого народа нормы, ценности, мировоззренческие взгляды. Этот ментальный, «имплицитный» контакт носителей разных языковых культур, как правило, не осознается. Межкультурные различия, «конфликт» проявляются на уровне эксплицитного выражения культур: в «странном» коммуникативном поведении партнеров, в интерпретациях этого поведения, в речевой деятельности и т. д.

Усвоение норм и ценностей (в широком смысле слова включающих как поведенческие, так и коммуникативно-языковые проявления) собственной лингвокультуры начинается в раннем детстве, причем, как правило, неосознанно, как само собой разумеющийся процесс. Ребенок приобщается к ценностям своей культуры, представлениям о нормах поведения и взаимоотношений и развивается по мере накопления и обогащения жизненного опыта. Этот процесс вхождения ребёнка в культуру своего народа определяется как процесс инкультурации[1]. Основное содержание инкультурации состоит в усвоении культурно обусловленных особенностей мышления, действий, моделей поведения, в результате чего формируется языковая, когнитивная, эмоциональная и поведенческая идентичность

[1] Понятие, введённое в культурантропологию американским учёным М. Херсковицем. В разных источниках, в зависимости от перевода, встречаются термины «инкультурация» и «энкультурация».

личности с членами данной лингвокультуры и отличие от членов других лингвокультур (Херсковец (Herskovits), 1955; Белик, 1998; Стефаненко, 2000). В процессе инкультурации формируется и коммуникативный стиль человека общающегося как совокупности неких устойчивых речеповеденческих норм и стандартов, адекватных и востребованных в рамках родного культурного окружения.

Попадая в новое культурно-языковое пространство, коммуникативная личность оказывается в ситуации, когда привычные способы и нормы вербального и невербального поведения, усвоенные в результате инкультурации, могут быть неприемлемы или, по крайней мере, неэффективны. Как отмечают исследователи, именно в условиях межкультурного общения происходит осознание партнерами этого общения, специфичности собственных ценностных установок и своего стиля коммуникации. Довольно типичный пример демонстрирует, что, несмотря на имеющуюся языковую компетенцию, но при отсутствии общих нормативных представлений или пресуппозиционного фонда, общение между носителями разных коммуникативных стилей чревато недопониманием и неадекватной реакцией. Коммуникативное событие «приглашение» реализуется в немецкой лингвокультуре в ситуации случайной встречи двух приятелей, один из которых иностранный студент, типичным речевым клише: «Komm doch mal vorbei». При этом приглашающий, представитель немецкой культуры, и приглашённый, иностранец, каждый по-своему интерпретируют эту фразу-приглашение. Подобная «неконгруэнтность интерпретации действий» вполне объяснима. Культурная норма ожидания инос-

транного студента проявляется в том, что в ближайшее воскресенье без предварительного телефонного предупреждения он приходит в гости к немецкому приятелю. Тот, однако, в соответствии с нормами немецкой культуры следует коммуникативному сценарию, нарушающему контекстные ожидания гостя, сообщая ему, что вынужден уйти в связи с назначенной ранее встречей. Разнокультурные нормативно-ценностные представления о коммуникативном событии «приглашение-визит», актуализованные в вербальных и невербальных действиях коммуникантов, приводят к серьёзному сбою в общении:

G. Hallo, Peter.

D. (erstaunt) Hallo, Hassan. (nach einer Weile bittet er ihn zögernd herein) Komm herein.

G. Danke. Sonntags habe ich immer viel Zeit. Da dachte ich, ich komm mal bei dir vorbei.

D. Du, ich habe aber heute leider keine Zeit. Gleich kommt meine Freundin, und wir wollten eigentlich Freunde von uns besuchen.

G. (sehr enttäuscht) Ach so, dann gehe ich gleich wieder.

D. Es tut mir leid. Aber kannst du nicht ein anderes Mal kommen? Ruf am besten vorher an… (Haddad, 1987: 229).

Комментируя данную ситуацию, необходимо отметить, что в немецкой перспективе приглашение такого рода обычно интерпретируется как декларация доброго отношения к собеседнику и желание поддерживать с ним дружеские отношения. При этом предполагается, что краткий визит «на кофе» состоится только после предварительного телефонного звонка с уточнением его точного времени.

Отсутствие этих пресуппозиционных знаний у иностранного партнёра, не связывающего приглашение с каким-либо дополнительным согласованием и ожидающего гостеприимства согласно своим культурным нормам[1], является тем самым «камнем коммуникативного преткновения», который вызывает межкультурное недоразумение.

Таким образом, культурно обусловленные нормы и ценности играют релевантную роль в обеспечении взаимопонимания при коммуникации. В концепции Ю. Хабермаса система норм социального поведения выступает основой языковой коммуникации (Марков, 2000: 313). При этом коммуникативная нормативность культуры поддерживается в ходе межличностных, массовых взаимоотношений людей и в результате функционирования различных социальных институтов.

В этой связи с позиций современного социо- и прагмалингвистического подхода каждую национальную лингвокультуру метафорически, с определённой долей условности можно рассматривать как глобальный национально-специфический дискурс, конституируемый национальным коммуникативным стилем и представляющий собой систему взаимосвязанных и взаимопроникающих частных дискурсов культуры. В определённой мере подобное уподобление соответствует взглядам американского культурантрополога Э. Холла, отождествляющего

[1] В терминах теории речевых актов (классификация по: Романов, 1988: 55) данное действие можно отнести, скорее всего, к регламентативам (формулы социального этикета), а не к инвитивам (приглашение) в чистом виде.

культуру и коммуникацию. «*Culture is communication*», – писал Холл (Hall, 1959: 97), подразумевая идентичность культуры и коммуникации. Прежде всего, учёный подчеркивал при этом, что любое поведение людей, жест, любой материальный продукт имеют в человеческом общении знаковую, информирующую функцию. Параллельно с лингвистическим кодом сосуществует культурный код в невербальной системе координат.

Немецкий лингвист Ф. Хинненкамп (Hinnenkamp, 1994: 6), с осторожностью относясь к отождествлению культуры и коммуникации по Холлу, формулирует идею их соотношения следующим образом:

– существуют различные, отличающиеся друг от друга культуры (подразумевая под культурой нестатичную величину, которая не ограничивается только интернациональными рамками);
– культура и коммуникация находятся в тесной взаимосвязи;
– участники коммуникации представляют всегда одну из культур;
– культура отражается в коммуникации;
– культурная принадлежность определяет специфический способ коммуникативного взаимодействия;
– общая культурная принадлежность облегчает процесс коммуникации, различная – усложняет его.

1.8. Макрокатегории культурно-коммуникативной вариативности

Очевидно, что при межкультурной коммуникации взаимодействие «отягощено» национально-детерминированной спецификой личностей коммуникантов. Кроме того, в таком типе общения начинает работать принцип разграничения «свой – чужой», особенно ярко проявляющийся в коммуникативном стиле общающихся. Вспомним пример Э. Сепира: «Он говорит, как мы, – значит, он наш» (Сепир, 1993: 232). При этом сам факт того, что наш инокультурный визави говорит и ведёт себя не так, как мы, использует другую манеру, другой стиль взаимодействия, опосредован базовыми для каждой культуры характеристиками, образующими «в своей структурированной общности специфический профиль одной отдельно взятой культуры» (Халеева, 1999: 10). В научной литературе, посвящённой исследованию культурно-коммуникативной вариативности, рассматриваются различные систематизации культурных переменных, обусловливающих своеобразие коммуникативных процессов в разных лингвокультурах. Под культурными переменными в общем понимаются аспекты культуры, которые можно соотнести (сравнить) с подобными в других культурах. Так, известный немецкий психолог А. Томас (Thomas, 2003a: 22) выделяет в качестве таковых «культурные стандарты», образующие в своём единстве типичную для культурного сообщества систему ориентации, позволяющую носителям языка и культуры осуществлять адекватную повседневную и институциональную коммуникацию на основе традиционных специфи-

ческих символов (языка, жестикуляции, мимики, одежды, разнообразных ритуалов и т.д.). В концепции Ю.С. Степанова определённый облик культуры формирует совокупность культурных доминант как наиболее значимых для данной культуры смыслов, поддерживаемых и сохраняемых в языке. Отечественный лингвист говорит в этом случае о «константах культуры» (см. Степанов, 1997). С точки зрения лингвистического же подхода, разработана аналитическая матрица культурных компонентов немецкого исследователя Б. Мюллера-Жаке (Müller-Jacquier, 1999), включающая 10 составляющих, значимых для ситуаций межкультурного общения: социальные значения лексических единиц, речевые действия, конвенции дискурсивной организации, темы, прямой/непрямой речевой стиль, регистры коммуникации, паравербальные и невербальные факторы, культурно-специфические ценности и установки, культурно-специфические действия. Американский учёный Р. Льюис дифференцирует культуры по трём основным типам: монокультурные, поликультурные и реактивные, – каждый из которых отличается особыми чертами и, соответственно, влияет на коммуникативное поведение представителей этих культур (см. Льюис, 1999). В классификации Г. Малетцке представлены десять релевантных «структурных признаков», имеющих значение для «оформления» межкультурного коммуникативного взаимодействия (Maletzke, 1996: 42). В терминологии американского исследователя Триандиса речь идёт о «культурных синдромах» как определённом наборе ценностей, установок,

верований, норм и моделей поведения, которыми одна культурная группа отличается от другой (Triandis, 1994).

Анализ вышеперечисленных и некоторых других таксономий культурных измерений (см., напр., Кон, 1979; Berry et al., 1992; Trompenaars, 1993; Stephan, Stephan, 1996) показывает, что большинство из них основывается на подходах, разработанных американским культурантропологом Э. Холлом (Hall, 1959; 1968; 1997) и голландским социологом Г. Хофстеде (Hofstede, 1980; 1993) на основе привлечения разнообразного теоретического и эмпирического опыта. Не потерявшие и сегодня своей актуальности, концепции названных учёных являются ключевыми в современной парадигме науки о межкультурной коммуникации[1]. В соответствии с целью и задачами настоящей работы мы рассматриваем идеи данных авторитетных авторов как исходные концептуальные ориентиры для моделирования и интерпретации национального коммуникативного стиля. В связи с этим представим кратко основные положения теории «культурной грамматики» Э. Холла и результаты сравнительно-культурного исследования Г. Хофстеде, привлекая к анализу выводы и других исследователей. Согласно коммуникативной модели культуры Э. Холла, специфичность последней опосредована основными параметрами или первичными информационными системами

[1] Основные положения данных теорий см. подробнее: Куликова, 2004.

(Primary Message Systems) [1], являющимися своего рода системами информации:

– общение;
– социальная организация людей (включая иерархию отношений);
– обеспечение условий жизни (от удовлетворения первичных потребностей до экономического устройства целого государства);
– сексуальные отношения (гендерные роли);
– отношение к пространству (территориальность);
– представления о времени (темпоральность);
– учеба (обучение – передача знаний);
– игра;
– защита (способы и умения защиты своей группы);
– использование материальных ресурсов (артефактов).

Из десяти перечисленных категорий только первая включает в себя вербальную коммуникацию (язык), все остальные являются формами невербальной коммуникации. Признавая язык важнейшим средством общения, Холл, тем не менее, считал, что 90 % всей информации передается невербально. Обозначив десять параметров культурной модели, американский исследователь разрабатывал в основном четыре из них:

время (представления о времени);
пространство (отношение к пространству);

[1] Анг. 10 *Primary Message Systems*: 1. *interaction*, 2. *association*, 3. *subsistence*, 4. *bisexuality*, 5. *territoriality*, 6. *temporality*, 7. *learning*, 8. *play*, 9. *defense*, 10. *exploitation* (*Hall*, 1959, 95).

иерархия социальных отношений;
общение.

Каждая культура, по Холлу, имеет свой «язык» времени: «Время говорит. Оно говорит проще слов. Смысл, который оно передаёт, проявляется громко и ясно. Так как временем манипулируют менее осознанно, оно подвергается меньшему искажению, чем разговорный язык. Оно может кричать о правде там, где слова лгут» (Hall, 1973: 1). Причиной недоразумений в межкультурном общении часто является перенесение своего понимания времени на отношение к нему представителей других культурных групп. В понятийно-семантический «инвентарь» времени как культурно обусловленной категории входят такие важные составляющие, как планирование, временная перспектива и деление времени. В немецкой культуре, как подчеркивает Холл, принято строго придерживаться составленных планов. Изменения, особенно внезапные, вносят хаос и вызывают отрицательную реакцию. Календарный план (*Terminplan*) для немецких менеджеров представляет собой своего рода «священную корову». Подобное жесткое планирование времени свойственно, по мнению Холла, большинству культур западного мира. Культурные различия в представлениях людей о времени проявляются также в их отношении к пунктуальности. Во многих странах пунктуальности придается большое значение, например в странах Западной Европы, особенно в Германии, также в Северной Америке. Своевременное появление ожидается, согласно договоренности, к назначенному времени. Типичным для этих стран является существование так называемой градации опозданий и подходящая форма извинений для каждой ее ступени. Соответ-

ственно, специфика представления о концепте «пунктуальность» в разных лингвокультурах проявляется на уровне лексических, фразеологических, паремиологических единиц (см., напр., Зубкова, 2003).

Многочисленные наблюдения восприятия времени в различных культурах позволили Холлу выделить еще один существенный аспект темпоральности: временная перспектива. Согласно выводу американского антрополога, разные страны имеют различающиеся временные перспективы, ориентированные на прошлое, настоящее или будущее. Так, он относит страны Ближнего и Дальнего Востока к культурам с ориентацией в прошлое; латиноамериканские страны определяются им как ориентированные частично на прошлое, но и на настоящее; в США преобладают перспективы настоящего и близкого будущего. В Федеративной Республике Германия большое внимание уделяется прошлому – не случайно многие публикации и выступления предваряются историческими экскурсами.

Основополагающим выводом Холла о концептуальном различии использования времени в разных лингвокультурах является его вывод о существовании, несмотря на большую вариативность, двух основных способов деления времени и, соответственно, двух типов систем времени. Культуры, в которых люди обычно концентрируются на выполнении только одного дела в один отрезок времени, Холл называет монохронными. Тенденция выполнять несколько дел одновременно свойственна культурам с полихронной системой времени. Данная микроперспектива культурно обусловленного отношения ко времени рассматривается

как одна из существеннейших составляющих культурной теории Холла и давно стала стандартным репертуаром всех учебников и монографий по межкультурной коммуникации. Монохронная система времени типична для большинства промышленных западных стран. Такая система господствует в Германии, в США. К типичным «полихронным» культурам относятся страны Латинской Америки, Ближнего Востока и государства Средиземноморья.

Приведенная далее таблица демонстрирует основные тенденции в поведении людей, относящихся к культурам с разными способами деления времени:

«Монохронное» поведение	«Полихронное» поведение
Очередность выполнения дел (одно дело делается за другим)	Одномоментность выполнения дел (несколько дел выполняются одновременно)
Сосредоточенность на одном деле	Допустимость отвлечения от дела, его прерывания
Идентификация с выполняемым поручением	Идентификация с семьёй, друзьями, родственниками
Обязательность выполнения планов	Необязательность соблюдения договоренностей
Пунктуальность как норма поведения	Непунктуальность как норма деятельности
Вовлеченность в дело, приоритет обязательств	Растворяемость в межличностных отношениях, предпочтение интересов родственников и друзей
Восприятие времени как материальной ценности	Отношение ко времени нематериально, как к вечно существующей данности

Темпоральность как категория, детерминированная культурой, рассматривалась американским культурантропологом в тесной связи с двумя другими выделенными им первичными информационными системами, а именно – общением и организацией социальных отношений. Анализ общения и поведения людей из разных систем времени привел его к выводу о наличии как минимум двух вариантов коммуникативных стратегий, то есть способов обмена информацией между людьми. По Холлу, все культуры подразделяются на культуры с низким контекстом и культуры с высоким контекстом[1] согласно разнице в степени информированности участников коммуникации.

В высококонтекстных культурах (*high-context-culture*) людям необходимо лишь незначительное количество дополнительной информации, для того чтобы хорошо понимать происходящее и ориентироваться в событиях, так как плотность существующих здесь неформальных информационных сетей позволяет им практически всегда быть информированными. Под высокой плотностью информационных сетей подразумевается постоянное тесное общение между членами семьи, родственниками, друзьями, коллегами и т. д., что даёт возможность людям в этих культурах «аккумулировать» большое количество информации. Высокая зависимость коммуникации от контекста, характерная для многих восточных культур, а также для Франции,

[1] Американский термин **контекст** определяется в немецкой теории МКК как «плотность информационных сетей» (*Dichte der Informationsnetze*).

Испании, Италии, сосуществует с полихронным типом использования времени. В противоположность высококонтекстным культурам в культурах с низким контекстом роль неформальных сетей информации невелика, поскольку представители таких культур достаточно жестко отделяют сферу своего личного мира от служебного и от других аспектов повседневной жизни. Как следствие, они плохо или недостаточно информированы и часто нуждаются в детальной дополнительной информации, приступая к новому. К низкоконтекстным Холл относит прежде всего Германию. Культура Северной Америки сочетает в себе, по его мнению, средний и низкий контексты. В странах со слабой сетью информационных сетей преобладает монохронное деление времени.

Общение, организация совместной деятельности между представителями этих двух типов культур могут оказаться достаточно проблематичными. К одной из важных коммуникативных стратегий в связи с этим Холл относит умение адекватно «дозировать» информацию, учитывая специфику той страны и культуры, которая является партнером по сотрудничеству.

Значительное место в концепции культурной грамматики Э. Холла занимает разработка категории пространства. Американский культурантрополог является основоположником специальной дисциплины – проксемики, изучающей роль пространства в коммуникативном поведении человека.

Согласно концепции Холла можно определить, по меньшей мере, четыре аспекта использования людьми пространства, и это использование варьируется от культуры к

культуре: личное пространство; ориентация в пространстве; межличностная дистанция; организация пространства.

Каждому человеку необходимы собственные, в зависимости от ситуации изменяющиеся границы, сохраняющие его личное пространство. Вторжение в личную зону воспринимается, как правило, негативно. Не случайно известная английская пословица утверждает: «Мой дом – моя крепость». Американцы используют двери как сигнал своей доступности или потребности к уединению. Открытые двери являются знаком расположенности к общению; закрытые, соответственно, указывают на желаемую дистанцированность. Приватный объем пространства оберегается не только отдельными лицами, но и группами людей. В США считается неукоснительным правилом соблюдение невидимой границы вокруг двоих или троих беседующих людей. Небольшая дистанция, отделяющая их от остальных, служит своего рода защитой их личностной сферы.

По мнению многих исследователей (Maletzke, 1996; Bausinger, 2002; Hall, 1985), немцы воспринимают личное пространство как продолжение своего Эго, а Эго у немцев очень чувствительно, поэтому они всеми средствами стремятся оградить свою персональную территорию. Интересным примером в этой связи является актуализация концепта «Пространство» в аутентичном письме немецкого жителя, обращающегося к своему соседу по дому с претензией по поводу нарушения пространственных отношений и возникшего на этой основе имущественного ущерба.

Xaver Oberhueber, Am Feld l a, Postfach 1109,
8399 Schimpflingsöd
Herrn Dipl. Volkswirt
Dr. Joseph Schönleitner
und Frau Am Feld l b
8399 Schimpflingsöd

15. September 1989

Feuchtigkeitsschaden an der Mauer meines Freisitzes

Sehr geehrte Frau Schönleitner,

sehr geehrter Herr Dr. Schönleitner,

als ich seinerzeit gegen die Erdaufschüttung an der Mauer der Ostseite meines überdachten Freisitzes aus nachbarschaftlichen Gründen keinen Einwand erhob, machte ich dies davon abhängig, daß die Abstützung des Hanges so fachgerecht durchgeführt wird, daß die Mauer meines Freisitzes weder durch Erddruck, noch durch Feuchtigkeit Schaden erleidet – eigentlich eine Selbstverständlichkeit.

Da sich bereits eine Durchfeuchtung der Mauer zeigt, stellte ich bei der Besichtigung, die Sie mir freundlicherweise am 31. Juli 1989 ermöglichten, die nachstehend aufgeführten Mängel fest. Außerdem wurde durch das Landratsamt Ellmosen eine Ortsbesichtigung durchgeführt.

1., Der Sockel, mit dem die Palisaden gehalten werden sollen, ist ohne jegliche Isolierung zu meiner Mauer, betoniert worden. Dabei wurde die Mauer meines Freisitzes unzulässigerweise und unsachgemäß als Schalung benutzt. Nicht einmal Dachpappe und Styropor wurde dazwischen gelegt. Dies bewirkt, daß das Gasbeton-Mauerwerk bereits durchfeuchtet ist. Dies ist bereits eine Sachbeschädigung. Außerdem ist abzu-

sehen, daß dieses Gasbeton-Mauerwerk durch die Durchfeuchtung und das anschließende Ausfrieren im Winter in relativ kurzer Zeit zerstört wird.

2., Der Raum zwischen Mauerwerk und Palisaden ist so eng und teilweise mit Schutt angefüllt, daß eine Reinigung und Lüftung nicht möglich ist.

3., Der Hangdruck ist nicht durch entsprechende Verankerung abgesichert. Die Pfähle sind lediglich frei stehend in den Betonsockel gesetzt.

In Anlehnung an § 1004 BGB – Abwehransprüche des Eigentümers – ersuche ich Sie, bei Ihrem Bauträger zu veranlassen:

zu Punkt 1) Der beanstandete Betonsockel ist von der Mauer meines Anbaues so zu trennen, daß eine fachgerechte Isolierung der Mauer möglich ist.

zu Punkt 2) Der Raum zwischen Mauerwerk und Palisaden ist so zu vergrößern, daß eine Reinigung dieses Zwischenraumes möglich ist.

zu Punkt 3) Der Hangdruck ist entsprechend abzusichern.

Das Hangwasser ist durch Anbringen einer Dränage abzuleiten.

Diese Arbeiten sollten noch vor Winter-Einbruch durchgeführt sein. Sollte mein heutiges Ersuchen nicht zu einer Behebung der oben bezeichneten Mängel führen, sehe ich mich leider veranlaßt, dies auf dem Rechtsweg zu erwirken.

Ich möchte meinen Brief mit der Zusicherung schließen, daß ich, wie eingangs erwähnt, aus nachbarschaftlichen Gründen nach wie vor keine Einwände gegen die volle Nutzung

Ihres Gartens durch eine Anschüttung habe, sofern die Stützmauer fachgerecht so ausgeführt wird, daß das Mauerwerk meines Freisitzes weder durch Feuchtigkeit noch durch Hangdruck Schaden erleidet.

Mit freundlichen Grüßen

Xaver Oberhueber (Xaver Oberhueber)

В письме иллюстрируются различные аспекты немецкого восприятия собственного пространства, воплощённого здесь на примере отношения к своему дому и окружающей его территории. Эксплицитными сигналами концептуализации пространственных отношений пишущим являются дейктические элементы («…*meines* Freisitzes», ««…*meines* überdachten Freisitzes», «…meines Anbaues»), лексические единицы тематического поля «пространство» (die Mauer, Isolierung zu meiner Mauer, der Raum zwischen Mauerwerk und Palisaden, eng, des Anbaues, Ihres Gartens, das Mauerwerk meines Freisitzes, des Zwischenraumes, aus nachbarschaftlichen Gründen), неоднократное повторение лексемы «стена». Детальное описание предыстории событий и наступивших последствий можно рассматривать как имплицитную коммуникативную стратегию, передающую чувства обеспокоенности и возмущения хозяина дома по поводу нарушения его пространственных границ.

Согласно теории проксемики в разных культурах поразному структурируется и пространство межличностного взаимодействия. Это проявляется как в символике «языка тела» (жесты, прикосновения), так и в способах персонализации пространства. Э. Холл выделяет четыре дистанцион-

ные зоны, подразумевая под этим дистанцию в общении по отношению к другому человеку или группе лиц:

– интимная дистанция (от полуметра до непосредственного телесного контакта);
– зона личного общения (до одного метра); это расстояние позволяет обмениваться рукопожатием, похлопывать друг друга по плечу;
– социальная дистанция (от двух до трёх метров), характерная для ведения деловых разговоров;
– зона публичного общения (более трёх метров), типичная для ситуации общения в режиме оратор – публика.

Эти дистанции можно соотнести с пятью стилями общения – интимным, непринуждённым, консультативным, формальным и ледяным (Joos, 1962: 13).

Выделенные Холлом дистанции межличностного общения естественны для большинства американцев, немцев и англичан. Однако латиноамериканцы, греки, французы общаются, как правило, на более близком расстоянии. В связи с этим участники коммуникативного процесса, представляющие разные типы культур, часто безуспешно пытаются найти комфортную зону общения друг с другом. Чтобы избежать вторжения в своё личное пространство, собеседники из США в разговоре с латиноамериканцами нередко увеличивают дистанцию за счет любых вспомогательных средств, например письменного стола. Администрация одного из конных клубов в Сан-Паулу, где часто организуются различные приемы для представителей зарубежных фирм, была вынуждена после ряда несчастных случаев сделать выше перила терассы и укрепить их. Проблема возникла в связи с особенностями пространственной организации общения между бразильцами и американцами. Первые, стремясь к проявлению чувства близости, уместного для коммуникативного поведения в бразильской культуре, «наседали» на своих партнёров по разговору. Американцы же, согласно норме, принятой в американской культуре, пытались воспрепятствовать вторжению в свою «интимную дистанционную зону», постоянно отстраняясь от собеседника. В результате они опирались на перила и падали спиной вниз (ср.: Knapp, 1988). Для описания подобных ситуаций в специальной литературе используется термин латиноамериканский вальс (Rumpel, 1988).

В азиатских культурах, а также в некоторых случаях, как замечает Холл, и на Западе регуляция межличностного пространства зависит от статусного уровня участников коммуникации. Подчёркивание своего более высокого социального положения проявляется в «соблюдении дистанции» по отношению к подчиненным или людям другого социального класса. Расстояние в общении между преподавателями и учениками, характерное для стран Азии, также значительнее, чем в американских и европейских, поскольку учитель является представителем более высокой касты, и уважительность по отношению к нему выражается прежде всего в уважении его личного пространства.

Итак, согласно основным положениям концепции культурной грамматики Э. Холла, все параметры культурных систем, включая темпоральный фактор, контекстность культуры, отношение к пространству, специфичны, как и языки разных народов. В совокупности с вербальными спо-

собами каждый из этих элементов участвует в коммуникации, неся в себе разнообразную информацию.

Существенным фактором, детерминирующим процессы межкультурной коммуникации, считается также позиционирование культур в зависимости от их приближения или отдаления от полюсов четырёх континуумов, выделенных Г. Хофстеде на основе обширного экспериментального изучения производственно-ориентированных ценностных представлений сотрудников мультикультурной корпорации IBM более чем в 50-ти странах мира (Hofstede, 1997).

По результатам исследования Хофстеде разработал свою параметрическую модель, выделив четыре культурных измерения (параметра), значительным образом определяющих коммуникативное поведение людей в межкультурном общении. Таковыми являются дистанция власти, коллективизм/индивидуализм, терпимость к неопределенности и степень социальной дифференциации полов (в работе Г. Хофстеде этот параметр называется феминность/маскулинность, в более поздних публикациях некоторые авторы определяют его как соревновательность).

Параметр дистанция власти отражает особенности отношения людей к неравенству в обществе, существующему в разной мере выраженности в каждой стране. Этот аспект культурных различий определяется Хофстеде как степень приемлемости подчинёнными неравномерного распределения власти в различных общественных структурах той или иной страны. Основными структурами общества считаются семья, школа, место работы и т. д. (ср.: Hofstede,

1997: 32). Дистанция власти – это своего рода эмоциональная дистанция, разделяющая нижестоящих и вышестоящих членов коллектива. Согласно комментарию Г. Хофстеде в странах с малой дистанцией власти степень зависимости подчинённых от управленческих кадров невелика. Предпочитается консультативный стиль общения, то есть принятие решений происходит, как правило, на консультативной основе, когда принимаются во внимание мнения сотрудников. В культурах такого типа нет большой эмоциональной дистанции между работниками и начальством, руководитель всегда доступен. Подчинённый вправе противоречить власти, не соглашаться с её мнением (Hofstede, 1997: 32). К странам с небольшой дистанцией власти относятся Австрия (наименьший индекс), Швеция, Швейцария, Великобритания, Германия, Голландия, США. При этом следует отметить расхождения в величине индексного показателя между названными странами, что свидетельствует о некоторой разнице в восприятии общественного неравенства и в этих культурах. В странах с большой дистанцией власти констатируется высокая степень зависимости нижестоящих от власть имущих. Неравенство и ярко выраженная социальная иерархия считаются неотъемлемой частью общественного дискурса. Соответственно, эмоциональная дистанция между подчинёнными и облечёнными властью велика, принимается авторитарный или патриархальный стиль управления. Возражения или выражение недовольства своему начальству – явления практически исключённые. Культуры подобного типа – азиатские, арабские и африканские страны, большинство латиноаме-

риканских стран, а также Франция, Греция и Испания в Европе.

Данная Хофстеде характеристика отношений в обществах с разной дистанцией власти представляет собой, по его мнению, конструкт идеального плана. Все примеры явно тяготеют к одной или другой крайности. В реальности большинство культур имеют особенности того и другого типа, находясь где-то в середине континуума.

Параметр индивидуализм/коллективизм выделяется Г. Хофстеде как второе глобальное измерение национальных культур. На основе собственных данных и исследований других авторов голландский социолог констатирует, что преобладающее число людей в мире живёт в обществах, в которых интересы группы ставятся выше интересов индивидуума. Такие общества определяются им как коллективистские. При этом Хофстеде подчёркивает, что данный термин не имеет в контексте культурных различий политических коннотаций, поскольку речь идёт не о государственной власти по отношению к личности, а о влиянии группы на личность. В культурах подобного типа человек с рождения интегрирован в замкнутые, устойчивые «мы-группы», которые поддерживают его в течение всей жизни в обмен на безоговорочную лояльность к группе.

Меньшая часть населения на планете живёт в так называемых индивидуалистских обществах, в которых цели и интересы индивида приоритетны по сравнению с целями и интересами группы. Для таких культур характерны свободные социальные связи. Нормой является забота каждого прежде всего о себе и своём непосредственном окружении.

Сравнив показатели двух культурных измерений (дистанция власти, индивидуализм/коллективизм), Хофстеде пришёл к выводу о том, что они находятся в обратной корреляции друг к другу. Это значит, что страны с большой дистанцией власти, как правило, представляют собой коллективистские культуры; и наоборот, страны с малой дистанцией власти являются в большей степени индивидуалистскими культурами.

Следующий обзор представляет значимые различия в коммуникативном поведении представителей индивидуалистских и коллективистских культур, отражающие разные контексты взаимоотношений (ср.: Hofstede, 1997: 78–100) (см. таблицу).

На вербальном уровне оппозиция коллективизм/индивидуализм связана среди прочего с особенностями проявления стиля коммуникации в низко- и высококонтекстных лингвокультурах. Известные специалисты в области межкультурной коммуникации (Samovar, Porter, 1991: 152) отмечают в этой связи: «В низкоконтекстных культурах идеи идентифицируются с определёнными говорящими людьми, что позволяет различать говорящих по их способности влиять на других. В высококонтекстных культурах основной функцией идей является усиление социального равенства и миниминизация значимости индивидуальности говорящего».

Таблица

Основные различия в обществах разного типа

Коллективистские культуры	Индивидуалистские культуры
1	2
Большая семья и «мы-группы» как преобладающий тип социальных связей	Нуклеарная (малая) семья и собственное «Я» определяют тип социальных отношений
Явное противопоставление «мы – свои» – «они – чужие»	Дифференциация «Я»-идентичностей на основе индивидуальных качеств
Принадлежность к группе – основной признак самоидентификации	Личные достижения являются основным признаком самоидентификации
Мышление с детства строится на «мы»-категориях	Осознание своего «Я» с детских лет
Высоко ценятся соблюдение гармонии в группе и уклонение от конфронтации в общении	Высоко ценятся собственное мнение и личная точка зрения
Процесс коммуникации обусловлен высоким контекстом	Процесс коммуникации обусловлен низким контекстом, предпочитается вербальный стиль коммуникации
Проступки отдельных членов группы грозят потерей «лица» для всей группы	Нарушение правил и проступки связаны с чувством вины и потерей самоуважения
Главный механизм социального контроля – стыд (культуры стыда)	Вина как основной регулятор поведения (культуры вины)
Цель воспитания – получение готовых знаний, позволяющих стать полноценным членом коллектива или	Концепция воспитания заключается в формировании навыков самостоятельного обучения, приветствуется постоян-

группы	ное повышение квалификации

Окончание табл.

1	2
Диплом об образовании расценивается как «пропуск» в высокостатусные группы	Свидетельства об образовании подчёркивают степень индивидуального успеха и профессиональной ценности
Рекомендации знакомых или родство играют большую роль при решении кадровых и производственных вопросов	Кадровые вопросы регулируются на основе предписаний и объективных критериев кандидатов на должность
Межличностные отношения ценятся выше, чем дело	Выполнение поставленной задачи превалирует над личными взаимоотношениями
Преобладают коллективные мнения и решения	Ценятся самостоятельность в суждениях и индивидуальная инициатива
Доминирующая роль государства в экономике	Ограниченная роль государственного регулирования в экономике
Низкая доля валового национального продукта на душу населения	Высокая доля валового национального продукта на душу населения
Государство контролирует средства массовой информации	Свободная пресса
Приоритет идеологии равенства	Доминирует идеология личностной свободы
Мир и гармония в обществе считаются его высшими дос-	Саморазвитие индивидуальности каждого является целью

тижениями	общественного развития

Третье культурное измерение своей параметрической модели Хофстеде определил как «маскулинность/фемининность». Этот аспект его классификации связан не с биологическими различиями между мужчинами и женщинами как абсолютной категорией, а соотносится с выполнением ими типичных для каждого общества социальных ролей. Соответственно, маскулинные, или «мужские», культуры характеризуются исследователем как общества с высокой степенью ролевой дифференциации полов, члены которого ориентированы на достижение успеха, конкуренцию, материальное благополучие. В феминных, или «женских», культурах степень ролевой дифференциации полов выражена неярко. Основными ценностями являются семья, качество жизни, человеческие взаимоотношения (ср.: Hofstede, 1997: 110–113). Кратко можно сказать, что в рамках этого параметра речь идёт о желаемом в каждой культуре типе поведения: приоритетности уверенности и решительности или нерешительности и умеренности.

Возможность межкультурного недоразумения при встрече представителей разных видов культур Хофстеде описывает на примере общения голландских и американских служащих. Для первых (относящихся к культуре с женским началом) нормой коммуникативного стиля является скромное, сдержанное, невызывающее коммуникативное поведение. Подобная подача себя вызывает обычно недоверие и сомнение в профессиональной компетентности со стороны американских работодателей, что чревато для

голландцев отказом в приёме на работу. В свою очередь, стиль американцев, проявляющийся в их самоуверенном, напористом, открытом коммуникативном поведении (в этом обществе преобладают ценности мужской культуры), оставляет, как правило, негативное впечатление у голландцев (там же: 108).

Хофстеде подчёркивает, что понятийная пара маскулинность/фемининность имеет относительный характер, поскольку черты мужского поведения иногда проявляются в поведении женщины, и наоборот, характерные для женщин качества присущи некоторым мужчинам. Кроме того, само понимание традиционности мужских и женских ролей не является универсальной величиной и может по-разному восприниматься в различных культурах. Однако основная тенденция социального репертуара мужчин и женщин в современных сообществах позволяет говорить о разнице ценностных ориентаций культур по этому принципу.

Приоритет «мужских» или «женских» качеств в обществе регулирует коммуникативное поведение его членов, что, прежде всего, отражается в семейном дискурсе. Воспитание мальчиков и девочек в так называемых маскулинных культурах направлено на формирование независимости, честолюбия, успешности, результативности. Здесь ценятся сильные, способные личности.

В так называемых фемининных культурах больше внимания уделяется воспитанию скромности, умению сотрудничать, взаимопомощи. Стремление выделиться производит негативное впечатление. Эта черта отчётливо проявляется в поведении школьников. Приводя пример, Хофстеде вновь сравнивает культуры Голландии и США. Лучший

ученик в классе голландской школы вызывает насмешки со стороны большинства, поэтому нормой считается «быть середнячком». В ученической среде культивируется дух сотрудничества и добрых бесконфликтных отношений. В американских школах нормой является борьба за лидерство, состязательность как форма человеческого взаимодействия.

Параметр маскулинность/феминность отражает также культурные различия в восприятии значимости труда в жизни человека. Отношение к работе в обществах мужского типа определяется чаще девизом: «Жить, чтобы работать», – в обществах женского типа более популярен подход: «Работать, чтобы жить». Представители этих культур придерживаются, соответственно, разных коммуникативных стилей при решении производственных вопросов. В странах с маскулинными тенденциями преобладает конкретный, наступательный, даже агрессивный стиль общения. Взаимоотношения строятся на основе соревновательности, проявления индивидуальности. Решения принимаются, как правило, единолично. В феминных культурах предпочтение отдаётся компромиссному общению, нахождению консенсуса, совместному преодолению проблем.

Четвёртый аспект культурных особенностей, выявленный Г. Хофстеде на основании статистических данных, отражает степень тревожности (боязливости) членов общества по отношению к неясным, незнакомым ситуациям. Эмоциональное восприятие людьми неожиданных, непредсказуемых событий определяется параметром «терпимость к неопределенности». Культуры дифференцируют-

ся в зависимости от того, как их представители реагируют на неопределённость и какую стратегию преодоления неопределённости выбирают. При этом правила и нормы, принятые в одной культуре, могут не соответствовать стратегиям избегания опасности в другой, что часто вызывает недопонимание и раздражение в межкультурном общении.

Страны, в которых непредусмотренные события и ситуации принимаются как должное и поведение строится на основании конкретных обстоятельств, Хофстеде относит к категории культур с высокой терпимостью к неопределённости (или со слабым избеганием неопределённости). Как правило, в таких культурах необычное, неясное воспринимается всего лишь как странное.

В странах с низкой терпимостью к неопределённости (или сильным избеганием неопределённости) неожиданные ситуации и незнакомые люди вызывают эмоциональное беспокойство, дискомфорт. Для таких культур характерно кредо ксенофобии – чужое считается опасным. В подобных обществах огромное значение имеют определённость, структурированность, долгосрочное планирование.

Наибольшей тревожностью и стремлением к предотвращению стрессовых ситуаций отличаются латиноамериканские, романские и средиземноморские культуры. Немецкоязычные страны (Германия, Австрия, Швейцария) занимают среднее положение в данной иерархии. США, Великобритания, северные европейские государства и большинство азиатских стран, за исключением Японии и Кореи, имеют тенденцию терпимого отношения к неизвес-

тному будущему и незапрограммированным ситуациям. Германия и Великобритания, совпадая в аспектах «дистанция власти» и «маскулинность/фемининность», незначительно расходясь по степени индивидуализма, наибольшее различие показывают по параметру «терпимость к неопределённости».

Это культурное расхождение ярко проявляется в учебной деятельности немецких и английских учащихся. Немецкий учебный процесс характеризуется точным целеполаганием и чёткими учебными планами, детально продуманными заданиями и структурированностью учебных ситуаций. Учителя воспринимаются здесь как эксперты, знающие ответы на все вопросы. Научная компетентность преподавателя оценивается по «академичности» его стиля. Большинство немецких студентов считают, что если он говорит «простым» языком и его объяснения легко понять, то это сомнительно и, возможно, ненаучно. Британские учащиеся предпочитают, как правило, спонтанные учебные ситуации, без чётко сформулированных целей и без строгого плана. На занятиях приветствуется дух творчества и оригинальности. Преподаватель необязательно должен знать правильные ответы на все вопросы. Считается, что материал учебников и лекций должен быть изложен доступным для понимания языком (ср.: Hofstede, 1997: 166–167).

Различия между культурами в их отношении к неопределённости определяют, в первую очередь, поведение представителей этих культур в институциональной сфере. В обществах с низкой терпимостью к неопределённости

очень высоко стремление к формализации жизни и, соответственно, отношений на рабочем месте. Здесь большое значение придаётся законам, письменным правилам и инструкциям, которые регулируют права и обязанности как работодателей, так и наёмных работников. Кроме того, существует множество внутренних правил, норм и ритуалов, обеспечивающих стабильность и надёжность производственного процесса. Такая структурированность существования позволяет людям максимально избегать случайностей. Их коммуникативное поведение в рамках институционального дискурса характеризуется как поведение людей упорных, активных, ценящих время, но консервативных, беспокойных и часто даже агрессивных. Эмоциональная потребность представителей культур с низкой терпимостью к неопределённости в строгом соблюдении законов и предписаний реализуется, как правило, в пунктуальности и точности. Примером тому может служить Германия, в которой, как известно, графики движения автобусов и поездов поддерживаются максимально точно, снижая тем самым степень беспокойства и стресса у населения.

В странах с высокой терпимостью к неопределённости правила и инструкции, сформулированные в письменном виде, не рассматриваются как обязательные, и наблюдается скорее эмоциональное противостояние формальному регламентированию общественного и профессионального дискурсов. Люди в подобных культурах производят впечатление спокойных, выдержанных, инертных, даже ленивых, не придающих большого значения времени. Поскольку уровень терпимости к новым идеям, непредсказуемым событиям в таких обществах достаточно высок, их предста-

вители отличаются большей способностью к инновациям, открытиям и творческому риску.

При анализе данного культурного измерения Хофстеде проводит параллель с параметром дистанции власти. Наличие чётких правил поведения в культурах с низкой терпимостью к неопределённости соотносится с небольшой дистанцией власти, и наоборот. Директивные решения и властные полномочия руководящих структур в странах с большой дистанцией власти частично заменяют внутренние правила, и потребность в них в обществах с высокой терпимостью к неопределённости невелика.

Степень выраженности аспекта избегания неопределённости зависит также от индивидуалистских или коллективистских тенденций культур. В индивидуалистских культурах с низкой терпимостью к неопределённости, являющихся, кроме того, низкоконтекстными, строго придерживаются письменных правил. Для подобных коллективистских культур с высоким контекстом типичны неявные, имплицитные нормы и правила, имеющие природу устоявшихся традиций. Эта обусловленность отчётливо заметна в японском обществе, что часто порождает конфликтные ситуации в общении между представителями западных стран и Японии.

Россия в силу объективных причин не входила в число стран, участвовавших в сравнительно-культурном исследовании Хофстеде. Однако дополнительные данные, опубликованные институтом «*For training in intercultural management*» ещё для 18-ти стран, включая Россию, позволяют говорить о параметрах, характеризующих особенности рус-

ской культуры (см. W. Weidmann). Очевидно, что выделенные измерения культур облегчают понимание и объясняют культурные различия, несмотря на высокую степень их генерализации (обобщения), поскольку индивидуальные особенности конкретных участников коммуникативного процесса и конкретные условия ситуации общения могут не соответствовать «стандартному» варианту. Однако выводы исследователей можно рассматривать как прогнозы на поведение представителей той или иной лингвокультуры в условиях межкультурной коммуникации.

Далее измерения культур определяются в рамках концепции данного исследования как культурно-коммуникативные макрокатегории, выступающие в качестве основных детерминант, формирующих специфический стиль коммуникации в каждой языковой культуре.

Выводы

Обзор и систематизация основных положений современной теории коммуникации, предпринятые в первой главе, обусловлены стремлением понять природу коммуникативного стиля, исследуемого в настоящей работе.

Обращение к проблеме коммуникации, анализ её составляющих с очевидностью демонстрируют сложность и многозначность этого феномена. Рассмотреть более или менее подробно позиции и трактовки всех авторов, занимающихся разными аспектами в области коммуникации, вряд ли возможно. В силу этого мы акцентировали внимание на содержании тех подходов и ключевых терминах,

которые соответствуют нашей исследовательской парадигме.

Итак, коммуникация как фундаментальный процесс пронизывает все аспекты социальной жизни общества. Теория коммуникация, формирующаяся сегодня как самостоятельная дисциплина, выступает в качестве комплексной области актуального научного знания, органически сочетающей в себе результаты исследований целого ряда наук. В связи с этим разграничиваются широкое понятие коммуникации, включающее технические и биологические аспекты, и социальная коммуникация в узком смысле, обращённая к проблемам общения в человеческом обществе. Соответственно задачам и цели моделирования коммуникативного стиля наш исследовательский интерес направлен более всего на языковую коммуникацию, реализующуюся в четырёх основных формах: межличностной, групповой, организационной и массовой.

В рамках новой дискурсивно-коммуникативной онтологии всё большее распространение получает интерпретативно-интеракционный подход к коммуникации, который мы выбираем основой нашего понимания коммуникативного процесса. Таким образом, в работе подчёркиваются интерсубъективность общения, его социокультурный характер, интерактивность, а также символическая обусловленность «общих» смыслов.

Выделяя в структурно-содержательном плане релевантные стороны коммуникативного процесса и исходя из интересов настоящего исследования, мы рассматриваем коммуникативное взаимодействие как взаимозависимое един-

ство вербальных, невербальных, экстралингвистических и паралингвистических конституентов.

При этом любая коммуникация базируется на культурном знании, неотделима от процессов генерирования и передачи культурных смыслов и понимается, в свою очередь, как конститутивный элемент культуры. Данное положение имеет принципиально важное значение для нашей работы, в центре внимания которой национально-культурная специфика всех аспектов и уровней коммуникации. Её культурно-детерминированный компонент является тем «камнем коммуникативного преткновения», той точкой напряжения, которые делают проблемным общение коммуникантов из разных лингвокультур.

Осмысление и изучение причин межкультурных недоразумений побуждает специалистов-интеркультуралистов обращаться к данным многих наук, поскольку обсуждение проблем межкультурного взаимодействия выходит далеко за пределы собственно лингвистики в её традиционном понимании. Активно ведущиеся в последние десятилетия исследования в области межкультурного общения находятся на стыке таких дисциплин, как культурная антропология, теория коммуникации, этнопсихология, лингвистика, прагмалингвистика, социолингвистика, социология, семиотика и т. д. В связи с этим в главе представлен также взгляд на коммуникацию с точки зрения категоризации межкультурных феноменов в междисциплинарном аспекте и анализ основных современных подходов к пониманию и определению понятия «межкультурная коммуникация». При этом следует отметить, что всё многообразие направлений исследований межкультурного взаимодействия в интерпретаци-

ях зарубежных и отечественных авторов необходимо для ясности разграничить по трём основным блокам: сфера научно-теоретических изысканий, дидактический аспект в контексте университетского и неакадемического обучения и непосредственный процесс межкультурного общения как объект наблюдения и систематизации.

В рамках предлагаемого исследования под межкультурной коммуникацией понимается межличностное общение между представителями различных лингвокультур, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнёров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия. При этом одним из главных показателей проявления чужеродности коммуникантов в межкультурном общении мы считаем реализацию национально-специфичного коммуникативного стиля, конституирующего коммуникативное поведение человека общающегося. Выделенные в главе основные культурно-коммуникативные макрокатегории рассматриваются в контексте разработанной концепции в качестве главных стилеформирующих факторов.

Таким образом, предпринятый теоретический анализ позволяет говорить о том, что теория коммуникации объясняет природу коммуникативного стиля, а теория МКК даёт ключ к пониманию культурно обусловленных стилеформирующих детерминант.

Глава 2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ И МЕТОДЫ ЕГО ОПИСАНИЯ

> «Jede Kultur ist für einen Außenstehenden wie durch einen Geheimcode verschlüsselt. Wenn man nicht den passenden Schlüssel hat, um den Code der fremden Kultur zu «brechen», kann man sie niemals richtig verstehen».
>
> *(Hall/Reed-Hall, 1984)*

Термин «стиль» можно считать полисемантичным в связи с использованием его в разных сферах человеческой деятельности и, соответственно, в разных значениях и смыслах. Это становится очевидным, даже если принять во внимание многочисленные сочетания этого слова, например, с согласованным или несогласованным определением: стиль жизни, стиль эпохи, стиль руководства, стиль автора, стиль плавания, стиль одежды, стиль архитектуры, стиль летоисчисления, стиль мышления, стиль общения, индивидуальный стиль, русский стиль, интеллектуальный стиль, когнитивный стиль и т. д. Поэтому прежде чем представить наше понимание коммуникативного стиля как ключевой категории данного исследования, представляется логич-

ным уточнить само понятие «стиль» с позиций разных контекстов его употребления, а также ту общую часть, которая является объединяющим моментом во всех семантизациях слова.

2.1. Стиль как категория психологии общения

Анализ справочной и научной литературы позволяет выделить, по крайней мере, четыре основных направления, в которых традиционно локализуется термин «стиль»: мир творчества и искусства, психологическая наука, область лингвистики, коммуникативная парадигма. Отметим, однако, что, несмотря на такое многообразие, в основе всех дефиниций стиля в разных тематических блоках распознаётся прототипное определение его сущности как совокупности характерных признаков, своеобразия, особых черт и отличий.

Итак, стиль (лат. stilus, stylus, от греч. stylos – остроконечная палочка для письма, манера письма) в русле первого направления – «совокупность признаков, характеризующих искусство определённого времени, направления или индивидуальную манеру художника» (Малый толковый словарь, 1993: 574), а также «общность образной системы, средств художественной выразительности, творческих приёмов, обусловленная единством идейно-художественного содержания» (НЭС, 2002: 1163).

Данные трактовки не имеют особой релевантности в рамках нашего исследования и упоминаются лишь в связи

с желанием наиболее полно представить картину функционирования понятия «стиль» в разных сферах знания.

Рассмотрим далее подходы, которые тесно соотносятся с интересующей нас проблематикой и способствуют развитию предлагаемой здесь концепции коммуникативного стиля.

Безусловно, приоритет в разработке категории «стиль» принадлежит отечественным и зарубежным изысканиям в области психологии. В словарных изданиях этот аспект стиля в самом общем понимании определяется как «манера вести себя, говорить, одеваться», как «способ осуществления чего-либо, отличающийся совокупностью своеобразных приёмов» (Словарь русского языка, 1984. Том 4: 266).

В отечественной психологической литературе понятие «стиль» представлено в основном в рамках деятельностного подхода. При этом акцент делается на индивидуальный стиль, рассматриваемый как присущая данному человеку система психологических приёмов и способов деятельности с учётом природных, индивидных и личностных характеристик. Эта система используется человеком стихийно или сознательно в целях эффективного приспособления к существующим условиям и позволяет компенсировать те особенности личности, которые мешают успеху деятельности (Климов, 1969: 69; Куницина и др., 2000: 422). В этом же ключе стиль личности определяется как «устойчивая субъективно-специфическая система способов или приёмов осуществления человеком разных типов активности; интегральная характеристика формально-динамической сферы индивидуальности, проявившаяся в предпочтении

субъектом определённой формы взаимодействия с физической (предметной) и социальной (коммуникативно-символической) сферой» (Либин, 1998: 300). В.С. Мерлин выделяет в структуре индивидуального стиля три основных компонента: стиль операций, стиль действий/реакций и стиль целеполагания. Согласно его выводу стиль является следствием становления интегральной индивидуальности (Мерлин, 1986). Таким образом, в отечественной парадигме акцентируются две психологические сущности стилевой проблематики: индивидуальность человека и деятельность в их интегральном взаимодействии.

В западной психологии стиль и его проявления больше исследуются в связи с личностными факторами и аспектами поведения в межличностных отношениях. Известный австрийский психолог А. Адлер ввёл в психологию понятие жизненного стиля, рассматривая его как уникальное соединение черт, способов поведения и привычек, в совокупности создающих неповторимую картину существования индивида (Adler, 1927). По мнению Адлера, жизненный стиль формируется у ребёнка уже в возрасте 4–5 лет и, практически не поддаваясь серьёзным изменениям впоследствии, становится главным стержнем поведения человека. Безусловно, мы можем говорить в этом смысле о процессах инкультурации и социализации личности, подробно описанных выше. Выделив две движущие силы развития личности – социальный интерес и степень активности, – Адлер предложил типологию жизненных стилей или типы жизненных установок: управляющий тип, берущий тип, избегающий тип и социально-полезный тип. При

этом в своей классификации учёный не рассматривает людей как типы, потому что каждому человеку присущ индивидуальный стиль жизни, а выделяемые исследователем типы установок – лишь концептуальное средство для лучшего уяснения понятия.

Стили поведения в межличностных отношениях получили дальнейшее развитие в работах немецкого психолога К. Хорни. В основе её подхода лежит следующий тезис: человек прибегает к разным защитным стратегиям в обществе для достижения чувства безопасности и снижения тревоги. Каждой такой стратегии сопутствует определённая основная ориентация в отношениях с другими людьми: ориентация на людей, или уступчивый тип; ориентация от людей, или обособленный тип; ориентация против людей, или враждебный тип (Horney, 1945). Все стратегии обслуживаются специфическими тактиками взаимодействия с партнёром и формируют специфические черты стиля общения, придавая ему личностно-ценностный смысл.

Итак, с точки зрения психологических интерпретаций стиля, соотносимых с деятельностными и поведенческими аспектами личности, очевидны следующие методологические установки:

– стиль представляет собой проявление целостности индивидуальности;
– стиль связан с определённой направленностью и системой ценностей личности;
– стиль выполняет компенсаторную функцию, помогая индивидуальности наиболее эффективно приспособиться к требованиям среды.

В общем виде формулу стиля личности и/или стиля жизни в перспективе психологического подхода составляет сумма таких компонентов, как индивидуальность человека, организация межличностных взаимодействий, организация поведения или деятельности и картина мира личности (Бобрышева, 2004: 19).

В контексте психологических исследований с доминантой личностного фактора активно разрабатывается тема когнитивных стилей (Klein, 1970; Mc. Kenne, 1984; Witkin at. al., 1977). В широком смысле когнитивный стиль определяется «как предпочитаемый подход к решению проблемы, характеризующий поведение человека относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, не вне зависимости от интеллектуального уровня индивида…» (Демьянков, 1994: 27). Когнитивный стиль рассматривается также как стиль репрезентации, связываемый с типами личности. Кроме того, его можно определить и как стиль подачи и представления информации, особенностей её расположения и структурации в тексте/дискурсе. Для выделения когнитивного стиля существенным признаётся не цель деятельности, а то, как она достигается (Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 80). Важной, с точки зрения данного исследования, является следующая характеристика когнитивного стиля. А именно, «его отношение к принципиальной способности человека осуществлять важнейшие когнитивные процессы, определяющие структуру его языковой деятельности: повествование, описание, аргументацию, экспликацию, инструкцию. В перспективе продуцента/автора текста когнитивный стиль свидетельствует об особенностях индивидуального отражательного процесса, о субъективном характере его оценок, о знаниях, используемых и активизируемых в этом процессе, а также об индивидуальном опыте самой текстовой деятельности» (там же). В этом смысле когнитивный стиль – это комплекс вербально реализуемых когнитивных процедур обработки знаний, стратегия обработки информации и её оценка (Leech, Short, 1981: 35; Дейк, 1989: 295). С точки зрения адресата текста, когнитивный стиль имеет отношение к осознанию того, как изложен текст, к пониманию различий в использовании когнитивных процедур текста, а также к некоторой предрасположенности реципиента к обработке информации определённым способом, к поиску и запоминанию предпочтительной информации (КСКТ, 1996: 80). В этой функции когнитивный стиль весьма значим для анализа процессов политической коммуникации, особенно её содержательной стороны.

Исходя из когнитивных стилей, некоторые исследователи рассматривают познавательные или интеллектуальные стили, свойственные личности (Сочивко, 1986), а также культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности, присущие коллективному субъекту, – этногруппе и метагруппе (Бобрышева, 2004).

В западной психологии одну из категорий когнитивных стилей составляют стили мышления (после восприятия, памяти и т. д.). В нашем понимании, если не вникать глубоко в разницу психологических нюансов по поводу этих двух понятий, можно рассматривать их как нестрогие синонимы, что в дальнейшем мы и будем делать. Особый интерес для нас представляет вопрос о культурной обуслов-

ленности стилей мышления прежде всего потому, что они реализуются, главным образом, в речевой деятельности.

По утверждению Г. Малетцке, значительная часть проблем межкультурного коммуникативного взаимодействия возникает на основе различий когнитивных стилей (Maletzke, 1996: 63). Достаточно упрощённо таксономию стилей мышления немецкий коммуникативист представляет в виде таких оппозиций:

– логический–прелогический (псевдологический);
– индуктивный – дедуктивный;
– абстрактный – конкретный.

При этом с очень большой долей осторожности исследователь соотносит левую колонку классификации со стилем мышления в западных лингвокультурах, в частности, с немецким когнитивным стилем. Соответственно, противоположные параметры коррелируют со стилями мышления в восточных культурах, в число которых большинство авторов относит русскую языковую культуру.

Срединное (промежуточное) положение между психологическими и коммуникативными концепциями стиля занимает, на наш взгляд, подход, сформировавшийся в рамках психологии общения, концентрирующий внимание на особенностях речи, направленных на обеспечение взаимодействия людей в общении. В.В. Латынов выделяет несколько основных подходов к задаче разработки типологий стилей общения (Латынов, 1995). Один из них связан со стремлением выявить наиболее общие, ключевые индивидуальные тенденции в аспекте межличностного общения (Руденко, 1988; Субботский, 1979). В другом подходе

основой классификации выступают несколько базисных тенденций, сочетания различной степени выраженности которых и образуют стили (Огарь, 1989; Kiesler, 1983). Третья систематизация характеризуется иным (по сравнению с двумя первыми) принципом выделения стилей. Основанием становятся не базовые, глобальные параметры, а совокупность эмпирически выделенных мелких характеристик общения (Стрелкова, 1989). Подобный принцип построения типологии используется в работах В.С. Мерлина и других авторов (Люкин, 1981; Мастилискер, 1989; Мерлин, 1986), осуществивших наиболее глубокий теоретический и экспериментальный анализ стиля общения в отечественной психологии. Четвёртый подход, используемый при построении классификации стилей общения, может быть назван социально-психологическим (Ерастов, 1981). Главным системообразующим фактором здесь определяется степень соответствия стиля общения общепринятым нормам поведения в ситуации.

Итак, под стилем общения понимается индивидуальная стабильная форма коммуникативного поведения человека, проявляющаяся в любых условиях взаимодействия – в деловых и личных отношениях, в избираемых приёмах психологического влияния на людей, в методах разрешения межличностных и деловых конфликтов (Куницына, Казаринова, Погольша, 2001: 422). При этом сформированный устойчивый индивидуальный стиль общения свидетельствует об уровне коммуникативного мастерства, достигнутом данным человеком. Как отмечают авторы указанной монографии, в стиле общения многое определяется прирождёнными особенностями личности, арсеналом

используемых им вербальных и невербальных средств. Стиль общения обладает также содержательными характеристиками, в которых отражаются:

а) доминирующая мотивация личности (потребность в общении и принятии, в эмоциональной поддержке, в самоутверждении);

б) специальные способности к сопереживанию и пониманию других людей (другими словами, эмпатические способности);

в) уровень собственного достоинства (навязывание своих мнений, навязчивое и публичное самооправдание или естественность и спонтанность; признание своих ошибок и недостатков или амбиция и отстаивание «чести мундира»);

г) направленность личности и в связи с этим избираемый характер воздействий на людей (манипуляторский, демократический, партнёрски-уступчивый стили) (Куницына и др., 2001: 423).

Стиль общения в понимании, представленном выше, рассматривается также в отношении совместной профессиональной деятельности, в так называемом деловом общении, что включает в качестве составляющей и стили руководства. К общей характеристике делового стиля относят ориентированность на получение конструктивного результата, связанного с обсуждением спорного положения (Курбатов, 1995: 59). Исходя из этого, определяется конструктивный стиль общения, который складывается из оптимального комбинирования позиций участников коммуникативного процесса. В противоположность ему выделяется

силовой стиль общения, имеющий целью подавление или подчинение одной позиции и торжество другой. Разновидностями силового стиля называют твёрдый (конфликтный) стиль и борьбу (конфронтацию), указывающие лишь на меру конфликтности, связанную с пределами допустимых действий. Альтернативами силового стиля являются мягкий стиль и сотрудничество, достигающие соглашения оптимизацией конструктивных результатов, компромиссами, манёврами позиций, конвенциями (там же: 60). Подобными по сути можно считать, очевидно, партнёрский и непартнёрский стили общения, главное различие между которыми заключается в умении и желании учитывать позиции, мнения, оценки партнёра по коммуникации.

Приведём ещё одну классификацию стилей общения в профессиональной сфере, в которой представлены гибкий, ригидный и переходный стили (Аргентова, 1984). Гибкий стиль отличается быстрой ориентацией в ситуации взаимодействия, пониманием подтекста общения, умением управлять обстановкой общения. Ригидный стиль характеризуется недостаточностью анализа своего поведения и поведения партнёра. Человеку с ригидным стилем общения трудно найти нужный тон.

Основными стилями руководства, в зависимости от которых в каждом варианте специфически организована область человеческих контактов, определяют авторитарный и демократический стили. По степени вмешательства в деятельность и поведение личности, характеру избираемых средств воздействия и преследуемых целей выделяются альтруистический, манипуляторский и миссионерский

стили (см. Куницына и др., 2001: 433). В рамках психологии общения анализируются также стили слушания, понимаемые как активный процесс, предполагающий наличие сложного комплекса навыков. Разграничиваются нерефлексивный, рефлексивный (активный) и эмпатический стили слушания, в основе которых лежит использование определённых речевых приёмов (Куницына и др., 2000: 92). Нерефлексивное слушание состоит в умении внимательно молчать, не вмешиваясь в речь коммуникативного партнёра своими замечаниями. По форме нерефлексивное слушание представляет собой использование кратких реплик типа «Да?», «Продолжайте, продолжайте. Это интересно», «Понимаю» (в нем. «Wirklich?», «Echt?», «Ja», «Gut», «Klar», «So» usw.) и т. п. или невербальных жестов поддержки (например, утвердительный наклон головы).

Рефлексивное или активное слушание – это обратная связь с говорящим, используемая для контроля точности восприятия услышанного. В таком режиме слушающий более активно использует словесную форму для подтверждения понимания сообщения. Основными видами рефлексивных реакций являются выяснение, перефразирование и резюмирование. Выяснение вербализуется в вопросах типа: «Вы что-то ещё хотели сказать?» («Möchten Sie noch was sagen?»), «Не повторите ли ещё раз» (Könnten Sie wiederholen?»). Перефразирование состоит в передаче говорящему его же сообщения, но словами слушающего. Типично для таких формулировок использование метакоммуникативных сигналов: «Как я вас понял…» (Wie ich verstanden habe…), «Другими словами, Вы считаете…» (An-

ders gesagt, meinen Sie…»). В резюмировании подытоживаются основные идеи и чувства говорящего. Резюмирующее высказывание помогает соединить фрагменты разговора в смысловое единство: «Если суммировать сказанное Вами…» («Zusammenfassend…»).

Эмпатическое слушание как особое проявление поведения слушающего тесно связано с понятием эмпатии. Соответственно, данный тип слушания основывается на понимании чувств, переживаемых другим человеком, и ответном выражении своего понимания этих чувств. Поэтому в структуре эмпатического высказывания исключены речевые обороты, в которых содержатся оценка, требование, совет. При этом важны фразы, допускающие коррекцию сказанного: «Если я не ошибаюсь» («Wenn ich mich nicht irre»), «Возможно», «Вероятно» («Vielleicht», «Kann sein»). Очевидно, что эмпатическое слушание весьма значимо в ситуациях межкультурного общения.

Суммируя разговор о стилевой проблематике в спектре психологических исследований, в том числе психологии общения, следует подчеркнуть их теоретическую и методологическую ценность для разработки этого направления в целом, а также для развития идей данной конкретной работы. Однако представленные стили и их классификации в большинстве своём (за исключением, пожалуй, когнитивных стилей) рассматриваются только в связи с индивидуальными вариантами речевого коммуникативного поведения, обусловленными личностным фактором, социальной иерархией, ситуацией взаимодействия, целями и мотивами общающихся. Основной акцент в нашем исследовании делается на культурно специфическое видение стиля ком-

муникации как устойчивой величины, зависящей, в первую очередь, от социокультурных параметров, а не от индивидуальных качеств личности.

2.2. Стиль в парадигме лингво-коммуникативного подхода

Термин «стиль» в языкознании имеет несколько основных значений, зафиксированных в справочной лингвистической литературе. Приведём некоторые из принятых толкований стиля по данным Лингвистического энциклопедического словаря, имеющих точки соприкосновения с пониманием коммуникативного стиля в рамках нашей концепции. Прежде всего, стиль рассматривается как разновидность языка, закреплённая в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам, а именно лексикой, грамматикой, фонетикой. В современных развитых национальных языках существуют три наиболее крупных стиля языка в этом значении: нейтральный, более «высокий» – книжный, более «низкий» – разговорный. Далее стиль дефинируется как общепринятая манера, обычный способ исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, статья в газете, научная лекция, судебная речь, бытовой диалог и т. д. Стиль в этом смысле характеризуется не только набором языковых средств, но и композицией акта. Кроме того, в одном из определений стиль отождествляется с языковой парадигмой эпохи, состоянием языка в стилевом отношении в данную эпоху (ЛЭС, 1990: 494).

Несмотря на различия приведённых пониманий стиля, в каждом из них присутствует основной общий инвариантный признак. Стиль всегда характеризуется принципом отбора и комбинации наличных языковых средств, а также их трансформацией. Различия стиля определяются различиями данных принципов. Каждый стиль характеризуется некоторыми дифференциальными признаками, отличиями от другого, сопоставимого с ним, т. е. отклонениями. «Изнутри» же стиль отмечен некоторыми постоянными компонентами, «интегральными» признаками, что в нашем подходе обусловлено макрокатегориями каждой конкретной лингвокультуры.

Чаще всего, как представляется, понятие стиль в лингвистической литературе встречается в значении «функциональный стиль», что восходит к работам классика отечественного языкознания В.В. Виноградова (Виноградов, 1986). Нельзя обойти вниманием в этом смысле также многочисленные современные работы по стилистике и риторике (Сиротинина, 1996; Одинцов, 1980; Куликова, Милехина, 1993; Стернин, 1993; Введенская, Павлова, 1999 и др.). Функциональная стилистика изучает стили литературного языка и речи, порождаемые сферами социально-коммуникативной деятельности людей, такими, как наука, производство, образование, администиративно-политическая деятельность, массовая коммуникация (пресса, радио, телевидение), обиходно-бытовое речевое взаимодействие. В каждой из этих сфер складывается круг языковых средств и правил их выбора для построения оптимального дискур-

са/текста, диктуемых устной или письменной формой его осуществления, официальностью/неофициальностью обстановки общения, её эмоциональностью/неэмоциональностью, спонтанностью/неспонтанностью, нормативностью/ненормативностью, социальным статусом и ролями участников коммуникации (Формановская, 2002: 9; Долинин, 1978: 110). При таком подходе, как отмечает, например, Н.Н. Миронова, наблюдается сходство понятий «дискурс» и «стиль», хотя понятие дискурса всё-таки значительно шире (Миронова, 1997: 18).

Возможно, в связи с подобными параллелями в рамках дискурсивного направления лингвистических исследований существует мнение о том, что термин «функциональный стиль» относится к числу наименее удачных терминов в лингвистике, в частности, в отношении жанрово-стилистической категоризации дискурса. Как считает В.И. Карасик, продуктивным для понимания сущности функционального стиля может быть жанровый канон, т. е. стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах. При этом в качестве альтернативного варианта для обсуждаемого понятия исследователем предлагается обозначение «формат дискурса», рассматриваемый как разновидность дискурса, выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств (см. Карасик, 2002, 294).

С позиций современных социо- и прагмалингвистических исследований дискурса, разрабатываются категории

способа и тональности общения, регистра и «ключа» коммуникативного процесса (Hymes, 1977; Mead, 1990; Карасик, 2002), в определённой степени соотносимые со стилем коммуникации в нашем понимании. Под способом общения подразумевается, прежде всего, средство общения – язык во всём многообразии порождаемых текстов. Способ включает также режим взаимодействия коммуникантов, определяемый дистанцией между ними (тип диалога). В трактовке М. Халлидея используемые способы и средства общения именуются понятием «регистр» как функциональное переключение языка в обществе, объединяющий, в свою очередь, три релевантных измерения: поле, тональность и модус. Поле – это предметная область общения, не только тематика речи, но и вся деятельность говорящего или участника общения. Модус характеризует канал общения: коммуникация устная или письменная, подготовленная или спонтанная, с помощью технических средств или без них. Тональность, в первоначальном авторском варианте как «стиль дискурса», относится к отношениям между коммуникантами и отражает степень формализованности этих отношений, наличие иерархии, сходство или различие по личностным характеристикам (Halliday, 1978: 33). К параметрам тональности предлагается относить также серьёзность/несерьёзность, обиходность/ритуальность, содержательность/фатичность (информативность/фасцинативность), конструктивность/конфликтность, открытое (прямое)/завуалированное (косвенное) выражение интенций (ср. Карасик, 2002: 278). В настоящей работе тональность рассматривается как эмо-

циональная атмосфера, «климат» коммуникативного взаимодействия в определённой ситуации общения.

Продолжая разговор о регистре коммуникации, добавим, что данная категория, под которой в общем понимаются возможные речевые альтернативы, считается одной из достаточно осложнённых категорий в ситуациях межкультурного взаимодействия. Выбор правильного, соответствующего ситуации и её участникам регистра общения (с учётом возраста, статуса, гендерной принадлежности коммуникантов), способствует конструктивному развитию диалога или его деструктивному блокированию (ср. Helmolt, Müller, 1993: 533). Например, иностранец, входящий в бюро немецкого менеджера, с которым существует договорённость о встрече, приветствует его словами «Guten Tag», определяя тем самым один регистр отношений. Ответная реплика: «Ich grüße Sie, Herr …», – свидетельствует о совершенно ином регистре, типичном для официально маркированного общения. Игнорирование при обращении в немецком формально-ритуализованном дискурсе титулов «господин/госпожа» является своеобразным сигналом выбора небрежного разговорного регистра, как правило, имеющего негативный эффект в подобном общении.

Наряду с понятиями тональность и регистр в работах соответствующей проблематики встречается в известной мере дублирующий термин – «ключ» – коммуникативного процесса как манера передачи сообщения и сигнал для адресата (см. Hymes, 1977). Другими словами, под данной переменной понимается психологическая, эмоциональная окраска или тональность коммуникативного события, ре-

ализующегося в определённой социокультурной ситуации. «Ключ» рассматривается как объединяющий элемент таких коммуникативных параметров, как сцена, код, жанр, участник. С одной стороны, этот показатель однозначно ассоциирован с некоторыми социокультурными ситуациями, например, серьёзность события оглашения приговора в суде, приведения к присяге, похорон и т. п. С другой стороны, «ключ» может выступать переменной величиной. Так, в неформальной беседе манера общения колеблется от шутливой, задушевной до серьёзной и холодной. «Ключ» коммуникативного взаимодействия позволяет людям различать ситуации общения по их функциональной направленности, а также варьировать эмоциональную окраску в однотипных функциональных сценах (Орлова, 1994: 100).

Безусловно, продуктивным для анализа сущности стиля является подход, известный из интерпретативной социолингвистики, в рамках которого категория стиль понимается как интерпретативно-социолингвистическая категория par excellence (Cook-Gumperz/Gumperz, 1976; Auer, 1986; Sandig, 1986; Hinnenkamp, 1989; Selting, 1989). В русле данной концепции конверсационные стили рассматриваются в тесной взаимозависимости с имиджевой «работой» коммуникантов («face-work» по Goffman) и представляют собой комплекс контекстуализирующих указателей. Поскольку, как подчёркивает О. Коттхоф, стиль общения связан с поддержанием своего «лица» партнёрами по коммуникации, стиль всегда является, во-первых, выражением личности говорящего, во-вторых, отражением его отношения к собеседнику, а также, в-третьих, к интерактивно

конструируемому ситуативному взаимопониманию (ср. Kotthoff, 1989: 187). В этой связи достаточно ёмким и точным представляется следующее определение стиля: «Вопрос о стиле фокусирует внимание на тех качествах текста, которые имплицитно выступают свидетелями контекста в широком смысле, т. е. прагматического фона языкового высказывания. Стиль позволяет делать выводы о говорящем, основывающиеся не только на эксплицитно выраженной информации или даже иногда противоречащие ей. Речь идёт об имплицитном самопредставлении адресанта, его гипотезах по поводу адресата, о его восприятии коммуникативной ситуации и отношении к цели, которая должна быть достигнута посредством реализации соответствующего высказывания или текста» (ср. Franck, 1984: 123).

Очевидно, что подходы к стилевой проблематике в рамках социо- и прагмалингвистических исследований выходят за пределы традиционной лингвистики и вторгаются в сферу относительно нового, коммуникативно-прагматического направления в языкознании, в парадигме которого внимание концентрируется на категории «коммуникативный стиль» или близких ему по природе явлениях. Для их обозначения авторы используют разные термины.

Рассмотрим далее содержание данного понятия, имеющего центральное значение в нашей концепции, остановившись вначале на известных нам немногочисленных дефинициях и классификациях коммуникативного стиля, соотносимых с подходами в настоящей работе.

И.А. Стернин определяет коммуникативный стиль как «доминирующую манеру общения, проявляющуюся в

большинстве коммуникативных ситуаций» (Стернин, 2003а: 97). В понимании В.В. Латынова стиль представляет собой систему ближайших коммуникативных целей и способов их достижения. На основе программы экспериментального исследования, в задачи которого входило создание и обоснование типологии стилей речевого коммуникативного поведения в ситуациях неформального взаимодействия, Латыновым выделено пять стилей. В качестве единицы анализа речевого коммуникативного поведения использовался речевой акт (речевое действие). Выбранные автором наиболее частотные речевые действия, например такие, как обещает, убеждает, советует, просит, сожалеет и т. д., можно считать таксономическими признаками, на основе которых были установлены следующие стили:

1. Отчуждённый (уступающий – недружелюбный). В ситуациях речевого взаимодействия его носитель дистанцируется, «отгораживается». Ведёт себя настороженно, несколько пассивно, уступая коммуникативному партнёру; стремится не вызывать собственной речевой активностью отрицательных эмоций у собеседника.

2. Послушный (уступающий – дружелюбный). Говорящий скромен, предупредителен в речевом общении. Доброжелателен, общается на равных, поддерживает, одобряет собеседника, отмечается неконвенциональность, личностность речевого поведения.

3. Сбалансированный (средние значения по факторам доминирования и дружелюбия). Такие характеристики речевой активности, как доминирование в разговоре, личностность, стремление общаться на равных, активная доб-

рожелательность, хотя и присутствуют, но выражены не очень сильно.

4. Опекающий (доминирующий – дружелюбный). Стремится к сотрудничеству, независим и самостоятелен в ситуациях общения. Ведёт разговор на равных. Проявляет активную доброжелательность и желание поддержать собеседника.

5. Властный (доминирующий – недружелюбный). Говорящий стремится к соперничеству, доминированию в общении; его речевая активность вызывает негативную оценку собеседника, что связано с большой её длительностью и использованием речевых актов, направленных на снижение престижа собеседника. Недружелюбен, общается не на равных, не поддерживает собеседника (Латынов, 1995: 92, 93).

Экспериментально разработанная В.В. Латыновым убедительная таксономия стилей речевого поведения основывается на анализе индивидуальных различий в коммуникации. Насколько полно она может быть экстраполирована на разные лингвокультуры, ответить без эмпирической проверки достаточно сложно. Думается, однако, что это допустимо в отношении модели анализа.

Различные коммуникативные стили исследовались американским психологом В. Сатир, которая акцентировала внимание на описании паттернов коммуникации, т. е. используемых вербальных и невербальных знаков и приёмов. Пытаясь найти соответствие моделей поведения, а именно, интонации, движения и позы тела, выражения лица и характерной лексики тому или иному стилю, ею были

установлены четыре достаточно устойчивых паттерна, в описании установок которых очевидно влияние работ немецкого психолога К. Хорни:

– плакатор (угодливый тип) – всегда говорит, как бы заискивая, пытаясь благодарить, извиняться; он никогда не выражает несогласия независимо от предмета разговора. Внутренняя установка: «я – ничтожество»;
– блеймер (обвиняющий тип) – это диктатор, хозяин; ведёт себя как человек, превосходящий всех. Голос, как правило, грозен, напряжён, часто пронзителен и громок. Внутренняя установка: «я одинок, я неудачник»;
– компьютер (безэмоциональный тип) – всегда очень корректен, разумен, спокоен, хладнокровен и собран, в нём не заметна ни одна эмоция. Голос его невыразителен, глух, монотонен; словарь насыщен абстракциями. Внутренняя установка: «я чувствую себя уязвимо»;
– дистрактор (неуместный тип) – никогда не отвечает по существу. Его голос может быть певучим, ударения в словах часто неправильны, интонации могут повышаться и понижаться совершенно без причин, потому что он ни на чём не фокусируется. Внутренняя установка: «никому до меня нет дела, нигде мне нет места» (Основы теории коммуникации, 2005: 363). Использование коммуникативных стилей плакатора, блеймера, компьютера и дистрактора в той или иной степени укрепляет в человеке чувство низкой самооценки и приниженности. Альтернативой этим типам, по мысли Сатир, является конгруэнтное поведение, при котором все составляющие сообщения соответствуют друг другу: голос про-

износит слова, соответствующие выражению лица, интонации и положению тела (там же: 364).

Несмотря на оригинальность и нестандартность номинирующих стили терминов, классификация В. Сатир, как представляется, носит несколько упрощённый (не охватывающий всех проявлений стиля) и умозрительный характер, поскольку основывается не на эмпирическом изучении, а на гипотетических посылках автора.

В прагматике традиционно различаются «сильный» и «слабый» стили речи (Макаров, 1998; Ng, Bradac, 1993: ch. 1; Lind, O´Barr, 1979; Kalin, 1982). Сильный вариант имеет много общего с предварительно подготовленным дискурсом, хотя и не совпадает с ним полностью. Он обычно соотносится с мужским языком, как назвала этот стиль Р. Лаков (Lakoff, 1990). Слабый вариант ассоциируется с женским языком, для которого характерны интенсификаторы, «пустые» прилагательные типа pretty, частые повышения интонации, вводные слова и фразы, точность в грамматике, избыточная вежливость и т. д. Слабый вариант стиля речи коррелирует также с низким статусом говорящих. Сильный язык свойственен официальному, или формальному, дискурсу, символизируя собой высокий статус коммуникантов данного социального института и ситуации (см. Карасик, 1992). Значимый для нас вывод в этом отношении делает М.Л. Макаров: «стиль речи и стиль интеракции выполняют важную социально-дейктическую функцию: они функционируют как индексы социально-психологических реалий, имеющих символическую значимость для культуры» (Макаров, 2003: 214).

В терминологии Т. Лукманна применительно к рассматриваемому нами явлению речь идёт об институциональном речевом стиле, понимаемом исследователем как разновидность языка, используемого в определённом сообществе. При этом стиль в рамках институционального дискурса обладает следующими характеристиками: обусловленность определённым стилем жизни; закреплённость за определёнными сферами общения; выработка специфических маркеров соответствующего речевого стиля – особой коннотативной насыщенности в отношении слов, выражающих ценности данного сообщества, особых переосмыслений слов, особых правил речевого этикета и др. (Luckmann, 1975: 34–39). Отмеченные показатели коммуникативного стиля, соотносимого с конкретным дискурсивным пространством, представляются важными, с точки зрения анализа проявлений стиля коммуникации, как в определённой институциональной сфере общения, так и в рамках данной культурной общности.

Итак, выделенные в предыдущих параграфах направления изучения стиля в перспективе разных дисциплин, безусловно, взаимопересекаются и отражают степень разработанности отдельных проблем, связанных с предметом нашего исследования.

2.3. Коммуникативный стиль в межкультурном аспекте

Коммуникативный стиль в том смысле, который придаётся ему в настоящей работе, связан с межкультурным

аспектом коммуникации. Соответственно, при таком подходе данная категория получает качественно новое наполнение как одна из наиболее важных составляющих межкультурного взаимодействия, «эксплицирующих чужеродность партнёра по коммуникации» (ср. Knapp, Knapp-Potthoff, 1990: 73).

Анализ имеющейся по теме литературы показывает, что обсуждение проблемы коммуникативного стиля именно в этом ключе началось в американской интеркультуралистике (как, собственно, и всего круга вопросов, относящихся к межкультурной коммуникации), получив некоторое продолжение в западных и отечественных публикациях (см. Barnlund, 1979; Altman, Gauvain, 1981; Tannen, 1981; Gumperz, 1982; Gudykunst, Ting-Toomey, 1988; Knapp-Potthoff, 1990; Samovar, Porter, 1991; Knapp, 1992; Bennett, 1986, 1998; Kartari, 1997; Орлова, 1994; Лебедева, 1999; Стефаненко, 2000; Стернин, 2003).

В приводимых далее концепциях для нас принципиально важно то, что коммуникативный стиль в них рассматривается в перспективе культурной обусловленности как неотъемлемый элемент межкультурного взаимодействия.

Как уже неоднократно отмечалось, значимые в каждой культуре нормы и ценности проявляются в коммуникативных действиях представителей культуры. Используемые при этом коммуникативные средства комбинируются особым, типичным для данной лингвокультуры способом, определяя генерализованные языковые паттерны (образцы), которые следует рассматривать как коммуникативный стиль лингвокультуры (Helmold, Müller 1993: 527). Сходное

понимание находим в работах немецких лингвистов К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхоф, по мнению которых языковые предпочтения в рамках конкретного лингвокультурного сообщества «уплотняются» до специфичных коммуникативных стилей (Knapp, Knapp-Potthoff, 1990: 73). В другой терминологии ту же мысль, как представляется, выражает А. Вежбицкая: «В каждой культуре существуют свои собственные правила ведения разговора, тесно связанные с культурно-обусловленными способами думать и вести себя» (Вежбицкая, 2001: 152).

К репертуару культурно-маркированных стилей относят многословность или лаконичность, интенсивность или расслабленность речи, фактическую или аналитическую направленность высказывания, пессимистическую или оптимистическую тональность (Стернин, 2003б: 13); преобладание эмоционального или делового подхода в общении, стратегии открытого прямого или вежливо- косвенного стиля, этикетно- формального или свободного неформального, с обязательным зрительным контактом или избегая последнего (Flechsig 2001, 10). Признаками коммуникативного стиля считаются также паралингвистические и просодические средства: громкость звучащей речи, длина пауз, правила ударения и интонации. Любопытен в этой связи классический пример, описанный в одной из работ Дж. Гамперца, по поводу межкультурного недоразумения, вызванного ложными интерпретациями интонационных моделей. На персонал кафе лондонского аэропорта, состоящий в основном из пакистанских и индийских сотрудниц, возросло количество жалоб, обвиняющих иностранных официанток в неприветливости и даже грубости. Суть

проблемы, однако, заключалась в следующем. Используемый сотрудницами в соответствии с интонационными нормами индийского варианта английский язык неправильно истолковывался посетителями. Так, вопрос: «Нужен ли соус?», – задаваемый с нисходящей интонацией, там, где согласно правилам британского английского ожидается восходящая мелодия, вызывал лишь досаду и недовольство. Таким образом, обыкновенное предложение продукта со стороны иностранных сотрудниц воспринималось носителями языка как невежливое высказывание, что и провоцировало конфликт, основной причиной которого было просодическое недоразумение (ср. Gumperz, 1982: 173; Günthner, 1993: 35).

Оригинальную и, на наш взгляд, точную метафору о сути стиля коммуникации[1] приводит Д. Таннен, анализирующая в своих известных работах гендерные, социальные и культурно обусловленные различия в стилях общения. Американская исследовательница рассматривает речевой стиль не как что-то дополнительно добавляемое в коммуникативный процесс (например, как сахарный крем на торт). Стиль общения в её понимании представляет собой тестовую массу, из которой лепится «коммуникативный пирог» (Tannen, 1999: 54).

Одно из первых конкретизированных определений коммуникативного стиля как явления, детерминированного культурой, принадлежит Д. Барнленду: «Под коммуникативным стилем понимаются темы, которые люди выбирают для обсуждения; предпочитаемые ими формы взаимодействия – формальная, неформальная (остроумная, шутливая), конфронтационная, откровенная (самораскрывающая); и уровень вовлечённости, взаимно необходимой общающимся. Коммуникативный стиль отражает ту степень общности коммуникантов, которая обеспечивает выбор ими одинаковых средств (каналов) общения: акустический, вербальный, физический. Кроме того, коммуникативный стиль демонстрирует, в какой мере коммуниканты настроены на один уровень понимания, воспринимая фактическое или эмоциональное содержание сообщения» (ср. «By communication style is meant the topics people prefer to discuss, their favorite forms of interaction – ritual, argument, self-disclosure – and the depth of involvement they demand of each other. It includes the extent to which communicants rely upon the same channels – vocal, verbal, physical – for conveying information, and the extent to which they are tuned to the same level of meaning, that is, to the factual or emotional content of messages». – Barnlund, 1979; цит. по: Samovar, Porter, 2001: 281).

В наиболее развёрнутой дефиниции обсуждаемое понятие раскрывается через следующий набор релевантных составляющих: «1) когда говорить, 2) что говорить, 3) просодические паттерны, 4) самый распространённый тип адресата 5) типичные речевые формулы, 6) правила вежливости, 7) общая организация дискурса, 8) эмфатические нормы (коммуникативный фокус), 9) особенности вербальной агрессии и допустимые средства иронии» (ср.

[1] В своей работе Д. Таннен использует термин «речевой стиль», имеющий общие точки пересечения с нашим пониманием коммуникативного стиля.

«when to talk; what to say; prosodic patterns; listenership; formulaicity; politeness; organization of discourse; accent accommodation, and swearing, insults and irony». – Scheu-Lottgen, Hernandez-Campoy, 1998: 379). Приведённые определения можно считать ключевыми для нашей работы, поскольку они в наибольшей степени соответствует предлагаемой в ней концепции.

Усвоение коммуникативного стиля происходит в процессах инкультурации и социальной интеракции. В этой связи американский психолог У. Гудикунст и др. отмечают, что в результате опосредованной языком социализации индивид познаёт, во-первых, основы уместного коммуникативного поведения, его правила и нормы для специфических ситуативных контекстов общения; во-вторых, осваивает необходимые способы деятельности, обеспечивающие достижение поставленных целей и удовлетворение своих потребностей; и, в-третьих, усваивает вербальные коммуникативные стили, позволяющие проявлять себя компетентным коммуникатором в рамках различных бытовых и институциональных дискурсов, реализуя при этом свои интенции (ср. Gudykunst/Ting-Toomey, 1988: 99). Таким образом, в актах обычной, нормальной коммуникации, если только нет сознательной установки на отказ от привычного и на отступление от собственных традиций, участники общения демонстрируют стандартное поведение носителя языка на основе сформированного в своей лингвокультуре устойчивого коммуникативного стиля. Так, многочисленные наблюдения разных авторов позволяют говорить о том, что, например, в немецком дискурсе

по сравнению с английским более распространены прямые речевые акты, а выражение благодарности за услугу является менее эмфатическим (выразительным), чем это принято в английской речеповеденческой норме. Японцы в межличностном общении ценят немногословность и придают большое значение невербальной коммуникации, чем значительно отличаются от немцев. В повседневном дискурсе японцы избегают абсолютных, категорических высказываний, предпочитая чёткости неопределённость даже в самых тривиальных сообщениях, поскольку однозначные выражения являются, с точки зрения японского коммуникативного поведения, нескромными и невежливыми. В политических дебатах американские собеседники выделяются, скорее, индуктивной аргументацией (от частностей к обобщениям), в то время как русские склонны к дедуктивному способу убеждения (от общепринципиальных к конкретным случаям). В китайском коммуникативном стиле преобладают косвенные и многословно-витиеватые высказывания, что явно диссонирует с эмоционально-ровной, преимущественно деловой коммуникативной манерой немцев или англичан. В ситуациях межкультурных контактов подобное несовпадение коммуникативных стилей часто вызывает недоразумения. В соответствующей литературе можно встретить многочисленные примеры того, как наложение разных стилей отражается на интерпретации внеязыковой действительности.

Интересен в этой связи случай, описываемый К. Кнаппом. Речь идёт о реакции недоумения британского журналиста (невербальный перлокутивный эффект), получив-

шего отказ одной из пекинских газет на публикацию его статьи: «Мы прочитали Вашу рукопись с безграничным наслаждением. Но если бы мы напечатали Вашу работу, то лишили бы себя возможности в будущем публиковать работы более слабого уровня. Поскольку представляется совершенно исключённым увидеть что-либо равноценное в ближайшее тысячелетие, мы, к нашему глубочайшему сожалению, вынуждены отклонить Вашу божественную рукопись. Мы приносим тысячу извинений и просим снисхождения за нашу неосмотрительность и боязливость» (ср. Knapp 1998, 20). Очевидно, что письмо, сформулированное в соответствии с китайскими языковыми паттернами, имеет характер неоднозначности для английского адресата в силу размытости, с точки зрения английской коммуникативной традиции, его интенционального значения или его иллокутивной функции (восхищение или сарказм).

На фоне разрозненных эмпирических описаний проявления коммуникативного стиля в разных языковых культурах выделяется, на наш взгляд, попытка норвежского философа Й. Гальтунга (Galtung, 1985) представить типологию интеллектуальных стилей макрокультурного уровня, которые, как считают некоторые исследователи (напр. Spitzer, 2000; Burkat), можно рассматривать в широком смысле в качестве культурно обусловленных коммуникативных стилуй. Подобная корреляция видится оправданной в силу того, что, во-первых, интеллектуальная деятельность главным образом проявляется в речевой деятельности. Во-вторых, ни у кого уже не вызывает сомнения факт культурной специ-

фичности мышления вообще и научного мышления, в частности.

Й. Гальтунг выдвигает рабочую гипотезу о существовании трёх западных и одного восточного (ориентального) интеллектуальных стилей. К западным он относит саксонский, тевтонский, галльский (французский) стили. Восточный стиль представлен в его системе ниппонским (японским) стилем мышления. Избегая жёсткой идентификации стиля со страной, автор типологии считает центром саксонского научного стиля университеты Англии, а также Западного и Восточного побережьев США. Классические университеты Германии являются, по его мнению, центром тевтонского интеллектуального стиля. Кроме того, Гальтунг утверждает, что в связи с достаточно длительным влиянием западной культуры на восточную Европу, включая бывший СССР, последние также имеют традиции тевтонского научного дискурса. Страны романской группы в Европе и Южной Америке, включая Румынию, находятся в сфере галльского интеллектуального стиля. Японская культура как культура без перефирии пронизана ниппонским интеллектуальным стилем.

В нашей систематизации перечисленные стили по Гальтунгу имеют следующие характеристики:

Саксонский	Тевтонский / Галльский	Ниппонский
• Благоприятствует дебатам и поддерживает развитие научного дискурса в	• Речевой дискурсивный сценарий характеризуется меньшей палитрой разнообразия	• Культура дебатов и научного дискурса не имеет длительной традиции.

Саксонский	Тевтонский / Галльский	Ниппонский
целом. • Соблюдает принцип Gentlemen`s Agreement, несмотря на возможные значительные расхождения научных подходов собеседников. • Плюрализм определяется как генерализованная ценность дискурса • Намерение высказать критику сопровождается положительными вступлением. и завершением предложения, в форме «…, но…» – высказывания • Общая интенция научного дискурса – стремление стимулировать оппонента, а не	мнений, чем в саксонском стиле. • Дебаты воспринимаются как «социально-дарвинистская борьба за выживание». • Меньше внимания уделяется проявлениям вежливого и конструктивного отношения к дискутирующим оппонентам; докладчик в роли «жертвы». • Приоритет прямолинейности и сухой содержательности дискурсивных высказываний • В фокусе критической полемики чаще всего «слабые места» в докладе, при этом отсутствует прагмариторический ход «поддержки и одобрения дискутанта: «Je ne suis pas d` accord…», «Sie haben nicht	• Первое правило коммуникации-гармонизация социального взаимодействия. • Речевая демонстрация уважительного отношения к авторитетам (к мастеру), к вертикальной иерархии. • Организация дискурса в соответствии с принципами коллективизма и органичной солидарности. • Когнитивная специфика общения определяется в зависимости от участия в коммуникации только «своих» или присутствием «чужих». • Тематической и прагматической

Саксонский	Тевтонский / Галльский	Ниппонский
дискредитировать его; принцип конструктивной критики. • Выход из коммуникативной ситуации полемики часто сопровождается вербальными и невербальными знаками дружелюбия: юмор, шутки, похлопывание по плечу. • Приемлемым завершением дебатов считается достижение согласия или сближение позиций. • Позитивно оценивается способность изменять своё мнение в процессе дискуссии	erwähnt, dass…», «Ich bin nicht einverstanden…». • Демонстрация критического отношения дополняется паралингвистическими средствами: холодным взглядом, высокомерной или насмешливой мимикой. • Расхождения во мнениях интерпретируются часто в следующей парадигме: «Прав я, а не Вы»	доминантой диалога является принцип классификации: К какой школе Вы относитесь? Кто сказал это первым? – своеобразный лексико-энциклопедический способ интеллектуального комментарияю • Релевантность установления научных приоритетов (связей с научными школами) докладчика: «Каково Ваше мнение по поводу…? Как соотносится то, что Вы сказали по поводу X, с тем, что мистер B сказал о Y?»

Представленные в таблице основные черты, характеризующие особенности коммуникативных стилей научных дискурсов в разных культурно-языковых ареалах, позволя-

ют сделать вывод о сходстве коммуникативных традиций в саксонском и ниппонском стилях как о более толерантных и демократичных по сравнению с двумя другими. Справедливости ради, следует отметить, что в рамках саксонского интеллектуального стиля Гальтунг выделяет разницу между коммуникативными нормами американской и британской культур. Американский стиль коммуникации обнаруживает качества более демократичного и великодушного стиля, чем английский.

Тевтонский и галльский интеллектуальные стили описываются в типологии как достаточно жёсткие и конфронтационные. При этом существует тенденция в стремлении тевтонского научного дискурса к строгости речевого поведения в ущерб элегантности, а галльского, наоборот, – к элегантности за счёт строгости.

Классификация интеллектуальных стилей по Гальтунгу имеет также вербальные формулы, отражающие сущность разных культурно-специфических стилей мышления:

– *американо-саксонский стиль*: Как это можно операционализировать (применить в работе)?
– *англо-саксонский стиль*: Как это можно документально доказать (подтвердить)?
– *тевтонский стиль:* На основании чего Вы можете это объяснить?
– *галльский стиль:* Можно ли сказать это и на хорошем французском языке?
– *ниппонский стиль:* Кто Ваш Мастер (учитель)?

Достаточно подробно изложив выводы Й. Гальтунга о сущности выделенных им интеллектуальных (коммуникативных) стилей разных культур, подчеркнём, что находим это необходимым для анализа исследуемой нами категории. Несмотря на значительную степень генерализации описания норвежским исследователем четырёх стилей, можно говорить, об оригинальности и продуктивности его теории и рассматривать её как попытку характеристики культурных коммуникативных стилей в первом приближении. К сожалению, недостаточная доказательная база обобщений Гальтунга не позволяет делать вывод о полной достоверности предложенной им типологии, что, очевидно, и подразумевал сам автор, называя свою работу «сравнительным эссе…».

В рамках исследований проблем межкультурной коммуникации, посвящённых их лингвистической операционализации, хотелось бы отметить также модель дискурсивной вариативности М. Клайна. Предлагаемые учёным аспекты изучения особенностей дискурсов в разных языковых культурах по своему содержанию и номинациям позволяют соотносить их с подходом к анализу рассматриваемого здесь коммуникативного стиля, а именно:

1. Объём вербальной составляющей коммуникативного процесса (значение устных высказываний и их соотношение с письменной коммуникацией).

2. Степень формальности коммуникации (значение и облигаторность устных и документных рутин (устоявшихся процедур) в определённых коммуникативных ситуациях).

3. Ритм дискурса (длина реплик или фрагментов дискурса, их корреляция и распределение между коммуникантами).

4. Степень линейности дискурса (понимаемая с точки зрения англо-американской логики линейная организация дискурса, а также уклонение от избыточности и экскурсов в коммуникации) (ср. Clyne, 1981: 61–66).

Со ссылкой на Р. Каплана (Kaplan, 1972: 77) М. Клайн описывает типы национальных дискурсов (прежде всего в научной коммуникации) как отклоняющиеся от английского типа линейности. Немецкий дискурс, по его мнению, отличается доминантной ориентированностью на содержание, сильной избыточностью информации и стремлением «к экскурсам экскурсов» (ср.Clyne, 1982, 1987).

Одна из наиболее серьёзных и часто цитируемых классификаций коммуникативных стилей принадлежит американскому теоретику в области коммуникации Р. Нортону, разработанной им в отношении стиля коммуникатора. В его трактовке стиль коммуникации представляет собой предпочитаемый способ или манеру, в которой личность преподносит себя другим, сформированную под влиянием культурных и индивидуальных характеристик. Другими словами, коммуникативный стиль рассматривается как метасообщение, указывающее на то, как смысл сообщения следует понимать и интерпретировать. Р. Нортон выделяет девять основных коммуникативных стилей, передающих способы взаимодействия с другими людьми в процессе общения:

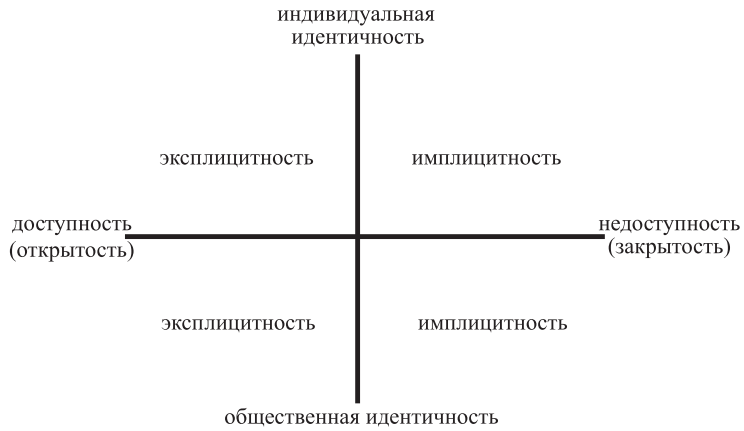
Стиль	Коммуникативные характеристики
Доминирующий	Говорит часто; перебивает и контролирует разговор. Стратегия на снижение роли других в коммуникации
Драматичный	Очень экспрессивный язык. Часто преувеличивает и приукрашивает
Соперничающий	Спорящий и часто враждебный (агрессивный)
Активный	Энергичный, с экспрессивными жестами и манерами
Оставляющий впечатление	Выражает идеи и чувства в незабываемой манере
Мягкий	Спокойный, расслабленный, редко проявляющий нервозность по отношению к другим
Внимательный	Хорошо умеет слушать. Предлагает вербальную и невербальную поддержку говорящему
Открытый	Раскрывает личную информацию. Проявляет эмоции и чувства
Дружелюбный	Положительно реагирует на партнёра, предлагает поддержку

Названные стили, как показывают кросс-культурные исследования, неравномерно выражены в разных культурах. Так, например, в США более развиты внимательный, соперничающий, доминирующий и впечатляющий коммуникативные стили, тогда как в Японии – мягкий, драматичный и открытый стили общения (см. Gudykunst et. al., 1988). Эти результаты вполне соотносятся с культурными измерениями Г. Хофстеде. Представители обществ с низким уровнем терпимости к неопределённости, к которым

относится и Япония, как правило, более открыты и драматичны в коммуникативном взаимодействии, чем члены культур с высоким уровнем терпимости к неопределённости, например США. Также можно ожидать, что в индивидуалистских сообществах более распространены соперничающий и впечатляющий стили, так как в вербальной коммуникации здесь ценятся ориентация на своё Я и стратегии самораскрытия.

Исследование культурной обусловленности коммуникативных стилей направлено не только на их вербальное проявление, но и на невербальную составляющую стилей общения. Известна типология невербальных коммуникативных стилей, разработанная американскими авторами (см. Altman, Gauvain, 1981) и представляющая собой своеобразную четырёхполюсную модель. В основе этой модели лежит идея о том, что характер коммуникации существенным образом зависит от оппозиции индивидуальной и общественной (коммунной) идентичностей личности, а также от её доступности (открытости) и недоступности (закрытости) в процессе взаимодействия. Авторы этой теории считают, что особенности окружающей среды (контекста) определяют позиционирование представителей разных культур между четырьмя противоположными полюсами:

Схема 6



Измерение индивидуальность – общинность (коммунность) позволяет понять, в какой степени человек проявляет себя в социокультурных ситуациях как индивидуалист или как лицо, включённое в многочисленные семейные, групповые, этнические связи. Тема индивидуализма в процессе невербальной коммуникации воплощается в стремлении к пространственной приватности, в монохронном способе деятельности. Общинность же проявляется в интеграции, коллективном пространстве взаимодействия и полихронной организации деятельности. Иначе говоря, континуум индивидуальность – общинность указывает на использование невербального контекста (окружающий мир, пространство, время) в целях утверждения индивидуалистской или групповой идентичностей общающихся.

Горизонтальные полюса доступности – недоступности показывают меру открытости коммуниканта по отношению к другим участникам ситуации. Показатель доступности – недоступности партнёров по общению становится очевидным на основе эксплицитного или имплицитного употребления специфичных невербальных сигналов, таких как паравербальные знаки, жесты, мимика. С их помощью в коммуникации демонстрируются смыслы, отражающие оценивание происходящего, проявление личностного статуса, активность, реакцию на коммуникативные события.

Сочетания выделенных И. Альтманом и М. Говейном измерений образуют следующие идеальные модели невербальных стилей коммуникации:

– индивидуально-эксплицитный невербальный стиль (регулирует личную приватность (интимность) с помощью выразительных жестов);

– индивидуально-имплицитный невербальный стиль (служит защите собственной идентичности, используя неявные жесты и телодвижения, указывающие на соответствующую дистанцию власти);

– общинно-эксплицитный невербальный стиль (способствует укреплению норм группы, сохранению публичного лица, демонстрируя экспрессивные жесты);

– общинно-имплицитный невербальный стиль (поддерживает групповые нормы и общественное лицо со ссылкой на существующую дистанцию власти) (ср. Gudykunst at. al., 1988: 120).

Безусловно, можно провести параллели между моделью американских исследователей и параметрической моделью Г. Хофстеде. Соответственно, измерения индивидуальность – общинность перекликаются с оппозицией индивидуализм – коллективизм, а открытость – закрытость с – параметрами дистанции власти и терпимости к неопределённости. Как следствие, представители индивидуалистских культур с небольшой дистанцией власти склонны к индивидуально-ориентированному, преимущественно эксплицитному невербальному стилю коммуникации, демонстрируя тем самым свою доступность. В то время как в коллективистских обществах с большой дистанцией власти, как правило, доминирует общинно-ориентированный, чаще имплицитный невербальный коммуникативный стиль, регулирующий значимые в этих культурах статусные позиции.

Итак, рассмотрев наиболее известные и авторитетные подходы к интерпретации стиля коммуникации в контексте культурной обусловленности, можно сделать следующие выводы. Очевидна обоснованность развития концепции коммуникативного стиля как явления, специфичного для каждой отдельной культуры, поскольку вполне допустимы универсальные обобщения в отношении особенностей речевого поведения представителей разных лингвокультур. Несмотря на определённую степень разработанности данной проблематики, анализ источников обнаруживает терминологическую амбивалентность самого понятия «коммуникативный стиль», отсутствие чёткой дифференциации между ним и родственными с ним явле-

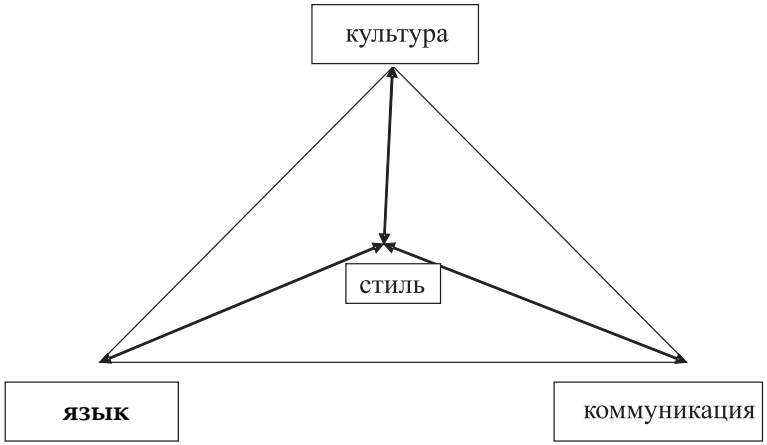
ниями, а также системного описания стиля коммуникации в межкультурном аспекте.

2.4. Понятие национального коммуникативного стиля и его дискурсивная реализация

В настоящей работе предлагается понимание не коммуникативного стиля вообще, а *национального коммуникативного стиля*, представленного как конкретная языковая реальность на примере (модели) немецкого коммуникативного стиля. Известно, что определение любого явления, особенно не имеющего точной научной «прописки», в значительной мере зависит от исходных позиций исследователя. В фокусе нашего интереса национально-культурная специфика коммуникации, непосредственно влияющая на успешность межкультурного общения. Исходя из этого, национальный коммуникативный стиль рассматривается нами как устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка. В такое понимание стиля коммуникации как явления национального уровня включены не только его метакоммуникативный аспект, затрагивающий план интерсубъективности в коммуникативном взаимодействии, но и пропозициональное содержание, а точнее макропропозиция как своеобразный культурный код глобальной организации смысла в национальном дискурсе.

В рамках нашей концепции категория национальный коммуникативный стиль локализуется в пограничном пространстве на пересечении коммуникативистики, культурологии и прагмалингвистики, что обусловливает его интерпретацию как интегральной сущности, имеющей культурно- и лингвистически детерминированную природу. Схематически данный подход можно представить следующим образом:

Схема 7



При этом механизм взаимодействия национального коммуникативного стиля и трёх основных семиотических систем, участвующих в его формировании, характеризуется, на наш взгляд, как процесс интерпенетрантности (взаимопроникновения). Все обозначенные феномены существуют в такой взаимосвязи и взаимозависимости, что изменение каждого из них влечёт трансформацию другого,

являясь одновременно причиной и следствием, формирующим и отражающим факторами происходящих сдвигов.

Национальный коммуникативный стиль формируется под воздействием культурных макрокатегорий и усваивается языковой личностью в процессе инкультурации и социализации. Являясь компонентом национального сознания, стиль коммуникации проявляется в действиях коммуникантов, как в монокультурном окружении, так и в межкультурном взаимодействии, неосознанно, в режиме автоматической, стереотипизированной речевой деятельности. Именно в связи с этим, коммуникативный стиль можно считать наиболее ярким экспликатором культурной чужеродности в контактах с представителями других языковых культур. Кроме того, конфронтация коммуникативных стилей в ситуациях межкультурного общения является одной из главных причин возникающих помех, проблем, недоразумений в коммуникации.

Теоретический анализ, предпринятый в первой главе, позволяет сделать вывод о том, что коммуникативный стиль содержит конвенционально-поведенческую составляющую и обнаруживается не только в вербальном оформлении коммуникации, но и на уровне неязыкового контекста, в невербальном поведении участников общения.

Данный подход представляется оправданным, поскольку вербальная и невербальная реализация коммуникации есть процесс симультанный (синхронный). В этой связи можно говорить о том, что национальный коммуникативный стиль отражает существующие в лингвокультуре преференции (предпочтения) по выбору вербальных, невер-

бальных и паравербальных средств в организации межличностного взаимодействия. В терминах социопрагматики формулу национального стиля коммуникации можно передать следующим образом: что – как – кому – где – когда (сообщается/умалчивается/ретушируется) – с какой интенцией социального действия. Такая интерпретация позволяет утверждать, что национальный коммуникативный стиль специфицируется в разных социально-коммуникативных сферах, в контекстах разных институциональных дискурсов, сохраняя базовые культурно обусловленные коммуникативно-языковые характеристики и приобретая при этом специфические черты в зависимости от конкретного типа дискурса и сложившейся ситуации. Следует уточнить также, что национальный коммуникативный стиль рассматривается нами как своего рода гипероним по отношению к такому явлению, как коммуникативные стратегии, являющиеся культурно маркированными частными проявлениями стиля, выступающими в качестве некоторой последовательности коммуникативных шагов.

Согласно концепции, развиваемой в нашей работе, национальный коммуникативный стиль понимается как конституент национально-культурного пространства, как основа коммуникативного поведения соответствующего народа.

Национальный стиль коммуникации реализуется в речевой деятельности и – шире – в коммуникативном поведении языковой личности, являющейся представителем данного конкретного этнокультурного социума. Исходя из обозначенного в настоящем исследовании понимания на-

ционального коммуникативного стиля, последний проявляется на всех уровнях структуры языковой личности (по Караулову, 1987). При этом необходимо отметить, что каждая языковая личность демонстрирует себя, прежде всего, на уровне идиолекта, который представляет собой индивидуальную лингвистическую систему с вариациями на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях. Кроме того, вступая в коммуникацию, человек общающийся демонстрирует свою систему коммуникативных ценностей. Как точно замечает Н.И. Формановская, есть коммуникативные личности многословные и немногословные; говорящие по теме и отклоняющиеся от неё; говорящие логично, ясно, убедительно, выразительно и не обладающие такими способностями; скромные и нескромные; лидеры и ведомые и т. д. (Формановская, 2002: 65). Однако, несмотря на индивидуальный стиль каждой личности, её речевая деятельность как представителя определённого культурного сообщества подчинена негласным законам вербального и экстралингвистического оформления коммуникативных ситуаций в этом сообществе. В сознании носителей лингвокультуры присутствуют репрезентации всех возможных вариантов разных речевых событий (осуществление покупки, день рождения, служба в церкви и т. д.) и конвенциональных языковых форм, используемых для их осуществления в рамках своего привычного окружения. Иначе говоря, идиостиль человека тонко и незаметно регулируется особенностями национального коммуникативного стиля. Т. Лукман пишет по этому поводу: «Не зная как сформулировать правила, согласно которым

мы шутим, мы понимаем как, когда, с кем и по какому поводу можно пошутить» (ср. Luckmann, 1986: 203).

Считается, что более чувствителен к культурному компоненту корпус лексико-семантических средств, который составляет основу лексикона и грамматикона языковой личности. Если принять во внимание, что этот уровень отражает нормальное владение естественным языком, а языковые средства представляют собой «внешние» элементы коммуникации, то подобное допущение мыслится вполне обоснованным. Небольшой иллюстрацией сказанному может служить одно из проявлений национального коммуникативного стиля в Сингапуре, где, наряду с английским языком, широкое распространение имеют местные азиатские языки. По аналогии с грамматической нормой этих языков почти ко всем высказываниям на английском языке жители прибавляют частицу «-la» как языковой индикатор дружелюбия и солидарности по отношению к партнёру по общению (Altehenger-Smith, 1983). Наличие отражающих разные интенции модальных слов и частиц является также одной из неотъемлемых черт немецкого разговорного стиля. При этом модальные частицы в устной немецкой коммуникации имеют метакоммуникативный эффект. Так, например, иллокутивный индикатор *denn* выражает, как правило, коммуникативную готовность к общению и смягчает категоричность вопроса («Tag, Klaus, wie geht´s dir denn?»; «Hast du denn so viel Geld?»). «*Überhaupt*» интерпретируется слушающим как намерение говорящего перейти к основательному обсуждению темы («Ist deine Frau überhaupt damit einverstanden?»). Модальная частица *eigentlich*

расценивается обычно как сигнал ввода нового аспекта разговора («Woher nimmst du eigentlich immer die Zeit für so was?»). Используя в высказывании метакоммуникативный элемент *etwa* («Hast du etwa kein Geld mehr?»; «Muss ich dann etwa auch `ne Rede halten?»), говорящий апеллирует к коммуникативному партнёру с надеждой, что его опасения не подтвердятся, и стимулирует соответствующий ответ («Doch, natürlich hab ich noch welches»).

Сложно и, скорее всего, невозможно отследить, какой уровень структуры языковой личности более активен, проявляясь в коммуникативном стиле в процессах межкультурного общения. Очевидно, что в актах коммуникации обмен смыслами и их интерпретация происходят при взаимодействии всех составляющих «коммуникативного пространства личности» – вербально-семантического, когнитивного и прагматического одновременно.

Например, в каждой языковой культуре существуют правила культурно обусловленной логики, эксплицируемые в коммуникативном стиле посредством союзных слов и других коннекторов. Использование данных языковых маркеров, выражающих одно из ограниченного набора отношений и связывающих разные части высказывания, отражает не только языковую компетенцию коммуникантов, подразумевающую грамматически корректное употребление уступительных, целевых, причинных и т. д. союзов. Адекватный выбор специфических культурно-логических «связок» требует, прежде всего, тезаурусных и прагматических знаний, позволяющих партнёрам по коммуникативному взаимодействию идентично толковать контексты

обсуждения и деятельности. Так, в простейшем примере: «Мы танцевали, *чтобы* пошёл дождь» – союз цели не ошибочен, как это показалось бы европейцу. Речь идёт о культовом действии, значимом в некоторых культурных группах и, соответственно, две составляющие этого высказывания имеют естественную логику в определённом культурном контексте. Своя культурная логика прослеживается в немецком объявлении: «Solide arbeitender, *daher* mittelloser Zahnarzt möchte es doch noch einmal versuchen, eine ehrliche Partnerschaft aufzubauen», где союз «поэтому» отражает причинно-следственную связь, смысл которой сложно понять без конкретных культурно-специфических знаний[1]. На основе следующих иллюстраций по поводу немецкой культурно-специфической логики, фиксирующей содержательную зависимость двух частей высказывания, можно распознать определённые стандарты этой культуры, например, разграничение дела и личных отношений: «Zuerst haben sie sich schrecklich über das Computerprogramm *gestritten*, dann sind sie *aber gemeinsam* nach Hause gefahren«; «Darf ich Ihnen einen *Cognac anbieten*? Ja, *aber* ich habe etwas *ernstes* mit Ihnen zu *besprechen*» (Müller, 1980).

[1] В пресуппозиции носителя немецкой лингвокультуры в отношении этого примера отражаются следующие смыслы: Зубной врач, который работает ответственно и добросовестно (solide), тратит большее количество времени на одного пациента, поэтому в соответствии с немецкой системой медицинского страхования, учитывающей только количество обслуженных пациентов, а не время, затраченное на каждого, он получает невысокий гонорар (Sichtwechsel, 1999: 46).

Каждый носитель языка может автоматически «правильно» и уместно, с точки зрения внутрикультурной коммуникативной логики, выстроить структуру вопросно-ответного обмена. Так, если в немецком дискурсе на вопрос: «Gehst du gleich einkaufen?», – последует ответ также в форме вопроса: «Kannst du das nicht machen?», – любому немецкоговорящему очевидно, что обмен репликами не закончен и сегмент общения должен быть завершён как-то иначе. Например, следующей репликой: «Nee, ich muß zum Zahnarzt», – и реакцией на неё: «okay, ich mach´s». При этом в пресуппозицию носителей немецкого языка входит знание о том, что такая предпочитаемая последовательность высказываний является обычно маркером консенсуального речевого действия. Отсутствие сигналов обратной связи, например, выпадение предпоследней или последней реплики, имеет явные структурные импликации, свидетельствующие о диссонансе в интеракции.

Данная способность вероятностного прогнозирования возможных способов продолжения дискурса представляет собой важнейшую часть культурно обусловленной коммуникативной компетенции языковой личности.

Ярким актуализатором национального коммуникативного стиля являются паралингвистические явления, также обоснованно причисляемые к сфере дискурса, поскольку наблюдать их можно исключительно в разговорной речи. В терминологии П.Н. Донца паралингвистические феномены метко определяются как внешняя форма дискурса (Донец, 2001: 208). Без сомнения, данные дискурсивные средства ещё в большей степени, чем вербальные, отлича-

ются культурной детерминированностью. Г. Малетцке выделяет в этой связи тихие и громкие языковые культуры, что подразумевает типичную для носителей языка громкость речи в интеракции (Maletzke, 1996: 78). Так, американцы воспринимаются в Европе, в частности в Англии, как чересчур громкие и тем самым бесцеремонные. Громкими русские считают немцев, особенно подросткового и молодого возраста, за их привычку, не снижая голоса, обсуждать в общественных местах (на улице, в транспорте) свои дела. Темп речи также отмечен культурной спецификой. Высокая скорость речи присуща представителям романоязычного пространства. К числу медленно говорящих народов относятся финны, что определяет их общеизвестный имидж и порождает множество стереотипов о них как самых больших молчунах на европейском континенте. Их долгие паузы часто заставляют, например, немецких партнёров по общению предполагать, что те уже закончили свою реплику и наступила их очередь вступать в дискуссию. Преждевременная, с точки зрения финнов, смена говорящего нередко приводит к оценке немецкого стиля коммуникации как невежливого и бесцеремонного (Müller, 1991: 30). Немцы в этом смысле находятся где-то посредине континуума с типично быстрой манерой разговора в Берлине и некоторых южных территориях (Баден-Баден) и выраженной речевой медлительностью в северных Землях (Maletzke, 1996: 79). При этом долгие паузы, особенно в аргументативном общении, имеют негативные коннотации в немецком дискурсе, являясь сигналом неуверенности и даже некомпетентности говорящих. По отно-

шению к дискурсивным паузам можно провести определённые параллели между немецкой и русской коммуникативными культурами. Как в одной, так и в другой «повисшая» пауза вызывает чувство неловкости. Коммуниканты активно стремятся восстановить контакт и продолжить общение (Стернин, 2001: 208; Helmolt, Müller, 1993: 534). В качестве средств, временно заполняющих паузу в немецком языке, часто используются такие междометные слова и реплики, как also, tja, na ja, so ist es, mhm, puhhh, huch; в русском: ну, вот, значит, гм, так-так и т. д. Паузы рассматриваются как дискретные единицы более длительного дискурсивного сегмента – молчания, ещё одного коммуникативно значимого явления паралингвистики, с трудом поддающегося интерпретации представителями чужой культуры. Например, в китайской лингвокультуре молчание в ответ на вопрос служит контектуализирующим указателем на то, что обсуждаемая тема неприятна собеседнику или он не готов её обсуждать. В японском коммуникативном стиле молчание как «нулевой речевой акт» (Богданов, 1986) представляет собой неотъемлемую составляющую процесса общения. По наблюдениям И.А. Стернина, в русском групповом общении молчание, как правило, недопустимо. В компании, в гостях, за столом, не принято молчать (Стернин, 2001: 204).

Приведённые в параграфе примеры демонстрируют разные аспекты проявления национального коммуникативного стиля, распознаваемые коммуникантами в межкультурном взаимодействии как индикаторы чужеродности.

Итак, национальный коммуникативный стиль репрезентируется в коммуникативном поведении языковой личности, а конкретнее, в культурно обусловленной дискурсивной деятельности носителей языка.

Не подлежит сомнению, что основная доля дискурсивной специфики в разных языках и культурах обусловлена именно особенностями национальных коммуникативных стилей, образующих своего рода стержневое основание дискурсивных практик языковой личности.

2.5. Базовые характеристики дискурсивной актуализации национального коммуникативного стиля

С точки зрения проявления в национальных дискурсивных пространствах доминантных черт национальных коммуникативных стилей, остановимся на нескольких стилевых характеристиках, выделенных на основе анализа работ, посвящённых проблемам межкультурной коммуникации и релевантных для развиваемого нами подхода (Hall, 1983; Gudykunst, Ting-Toomey, 1988; Park, 1994; Demorgon, 1989; Trompenaars, 1993). Данные характеристики рассматриваются в настоящем исследовании в качестве базовых для моделирования национального коммуникативного стиля.

Наиболее известно противопоставление стилей коммуникации по параметру «контекстность культур» (низкий контекст/высокий контекст в терминологии Э. Холла, 1983), определяющему **прямой или непрямой способ** выражения сообщения. В специальной литературе встречает-

ся также оппозиция эксплицитный/имплицитный стили (терминология Деморгона, 1989). Мы считаем возможным приравнять названные дихотомии, так как анализ их содержания свидетельствует о совпадении их основных характеристик в отношении коммуникативного стиля. При этом отметим, что термин «контекстность» [1] трактуется, как показывают исследования разных авторов (см. Hall, 1983; Стефаненко, 2000; Glaser, 2003; Laeys, 2003), не совсем однозначно. Модель контекстности Холла соотносится прежде всего с социальными отношениями в коммуникативном процессе. А именно, речь идёт о плотности (возможно, более удачно в этом случае слово интенсивность – К. Л.) социального взаимодействия. Чем интенсивнее информационные обмены между людьми, тем выше степень информированности участников коммуникации, что соответствует имплицитному стилю высококонтекстных культур. В культурах с низким контекстом, а значит, преимущественно с эксплицитным стилем коммуникации, интенсивность сетей общения между членами социума невелика, что обусловливает их слабую информированность и потребность в дополнительных сведениях или знаниях.

В интерпретациях других авторов дифференциация стилей на основе контекстности коммуникации определяется, главным образом, по участию неязыкового контекста в ситуации интеракции, роли невербального поведения

[1] В данном случае мы намеренно разграничиваем «контекстность» и понятие «контекст», относящееся к теории коммуникации, которое, впрочем, также не имеет однозначного толкования у разных авторов.

участников общения. В культурах с высоким контекстом особая значимость придаётся форме сообщения, тому *как*, а не тому, *что* сказано. В культурах с низким контекстом высоко ценится *содержание* коммуникации, вербализуемое её участниками. В.В. Красных предлагает, с точки зрения собственно лингвистики и этнопсихолингвистики, использование в этом случае антиномии: ситуативно обусловленное и контекстно ориентированное общение, с одной стороны, и ситуативно независимое и контекстно свободное общение – с другой (Красных, 2003: 325).

В рамках нашего исследования принимается версия комплексного подхода к понятию «контекстность», что подразумевает его широкое толкование, включающее в семантику термина как объём информации, окружающей деятельность человека, и способы обмена данной информацией, так и роль невербального контекста в коммуникации.

Вербальный стиль *низкоконтекстной коммуникации* несёт на себе отпечаток индивидуалистских ценностей и линейного логического способа мышления. Это прямой эксплицитный коммуникативный стиль, ориентированный на адресанта. Главное значение в общении такого рода придаётся сказанному слову, содержанию сообщения, а не тому, как это сказано. Говорящий стремится наиболее точно, ясно и прямолинейно выразить своё мнение, свои мысли и интенции, вербально эксплицировать всю релевантную информацию, чтобы слушающий мог понять её достаточно однозначно, не прибегая к интерпретациям и домысливанию. Как отмечает Т.Г. Стефаненко, для низко-

контекстных культур характерен когнитивный стиль обмена информацией, при котором значительные требования предъявляются к беглости речи, точности использования понятий и логичности высказывания коммуникатора. Чтобы выделиться внутри группы и «блистать в обществе», представители подобных культур стремятся развивать свои речевые навыки (Стефаненко, 2000: 156). По мнению многих исследователей, прямой эксплицитный стиль доминирует в немецкоязычном мире, английской и американской лингвокультурах, а также в скандинавских странах. Здесь, однако, необходимо сделать концептуальное замечание. Согласно подходу, принятому в нашей работе, все феномены культуры, в том числе национальный коммуникативный стиль, не являются абсолютными величинами. Особенности их проявления зависят в значительной степени от специфики взаимодействующих лингвокультур, в связи с чем можно говорить о разной степени выраженности тех или иных черт стиля в межкультурных контактах. Поэтому, несмотря на то, что как немецкий, так и американский коммуникативные стили считаются стилями низкоконтекстной коммуникации, исследования выявляют определённую разницу их актуализации (см. Byrnes, 1986). Так, немцы по сравнению с американцами характеризуются более высоким уровнем прямоты высказываний и дискурсивной вовлечённости, концентрацией коммуникативного фокуса на информативность и истинность. Немецкий акцент на содержание коммуникации соперничает с американским стремлением соблюдать коммуникативные нормы дружелюбных межперсональных

отношений, поддерживая тем самым позитивную атмосферу общения. В переговорах американцы рассматривают тематическое обсуждение чаще как возможность создания социальных связей, чем как поиск решения. Такое несоответствие коммуникативных стилей закономерно вызывает обоюдные стереотипные представления: «немцы – агрессивны и эгоцентричны», «американцы – поверхностны». При этом, как отмечает американский автор, осознание разницы стилей коммуникации помогает понять, что «немцы не менее социальны, чем американцы, но они выражают свою социальность по-другому» (там же: 195–202).

Коммуникация, детерминированная стилем *высококонтекстной культуры*, ориентирована в большей степени на получателя сообщения, адресата. Непосредственно к его компетенции относится умение «читать между строк» и самостоятельно интерпретировать сказанное, поскольку говорящий, активно использующий также невербальный код, намеренно отдаёт инициативу раскодирования посланной информации слушающему (Glaser, 2003: 84). Процесс высококонтекстной коммуникации, в значительной мере связан с многочисленными экстралингвистическими факторами. Имплицитно в общение «вплетены» исторический контекст, социальные нормы и роли, статус коммуникантов, характер отношений между ними и многое другое. Высокая зависимость коммуникации от контекста, проявляющаяся в скрытых намёках, иносказательности, образных сравнениях, расплывчатости и неконкретности речи, изобилии некатегоричных форм высказывания, слов типа «*может быть*», «*вероятно*» ect., характеризует непря-

мой (косвенный), имплицитный коммуникативный стиль культуры. Данный стиль относится к такому характеру сообщений, когда говорящий в ситуации общения скрывает или камуфлирует свои истинные намерения с целью интерактивного конструирования гармоничных социальных отношений и максимального преодоления конфронтации в коммуникативном взаимодействии. Имплицитный стиль высококонтекстной коммуникации свойственен восточноазиатскому лингвокультурному пространству, арабским странам, а также большинству южно-европейских народов. Следует отметить, что это преимущественно культуры с коллективистскими ценностями.

Достаточно большое количество исследований, особенно американских и европейских авторов, занимающихся изучением культурно-детерминированной специфики коммуникации, традиционно посвящается выявлению особенностей японского и китайского коммуникативных стилей как ярких представителей восточных высококонтекстных культур по сравнению с кардинально противоположными стилями стран северной Европы и США. Так, обсуждаются разнящиеся по степени выражения прямоты стратегии несогласия и отказа, часто являющиеся причиной межкультурных диссонансов. По данным немецкого лингвиста С. Гюнтнер (Günthner, 1986; 1988; 1993), изучавшей «столкновения» немецкого и китайского стилей коммуникации, открытый, эксплицитный сигнал возражения или несогласия в общении можно считать специфически-европейским элементом прямого коммуникативного стиля. Особенностью китайской дискурсивной техники явля-

ется почти неуловимое, субтильное выражение несогласия, которое в ситуациях обсуждения редко распознаётся таковым западными партнёрами. Опытные переводчики, переводящие на встречах представителей китайских и немецких предприятий, прибегают в таких случаях к метакоммуникативному ходу, вербализуя косвенные интенции китайской стороны: «Die Chinesen sind mit Ihren Vorschlägen nicht ganz einverstanden». В этой связи немцы используют для характеристики китайского коммуникативного стиля понятия «Undurchschauberkeit», «Zirkularität», «um den Brei reden», «unlogische Äußerungen» (Young, 1986: 8).

Как отмечает С. Гюнтнер, коммуникативные идеалы представителей китайской языковой культуры – гармония и «сохранение лица» – определяют основные черты их косвенного коммуникативного стиля, например, традиция не отвечать на неудобные вопросы, склонность в общении к медленному развёртыванию фоновой информации, предшествующей переходу к главной теме с целью предотвращения конфронтации. Важной стратегией китайского стиля коммуникации является принцип Pi Lao Zheng («усталость в борьбе»), смысл которого заключается в целенаправленном затягивании времени обсуждения и попытке тем самым выиграть переговорный процесс (Günthner, 1993: 310–314).

Имплицитность коммуникативного стиля отражается также и в специфичной конструкции китайских предложений. Так, например, в обычном высказывании появлению агенса или действующего лица предшествует длительное описание каузальности (причинности) события. При этом

основной проблемой западных реципиентов в восприятии подобных фраз является отсутствие навыка толкования «контекстуализирующих указателей» (термин: Cook-Gumperz, 1976): союзов «так как», «потому что» для разъяснения фоновой информации; «поэтому» как сигнала основного аспекта темы (Günther, 1993: 311). Типичное китайское объяснение построено примерно таким образом: «*Так как шёл сильный дождь и улицы были затоплены водой, и так как, кроме того, на почте перед кассой стояло много людей, а кассу закрыли ещё до того, как дошла моя очередь, поэтому я не смог отправить посылку*» (Ting-Toomey, 1999). Не искушённый в культурных стилях европеец поймёт это высказывание как хитрую отговорку или притворство. Интерпретация услышанной фразы, например со стороны британца, совершенно не совпадёт с интенцией представителя китайской культуры, поскольку версия этого предложения в стиле английской коммуникации будет краткой, ясной и однозначной: «*I couldn't mail the package because the window at the post office closed before it was my turn*». Однако для слуха собеседника из китайской культуры манера общения британца граничит с невежливостью и нескромностью (там же).

Часто косвенный имплицитный стиль описывается на примере коммуникативного поведения японцев. Ориентация на партнёра по дискурсивному взаимодействию заложена в самом строе японского языка. Как отмечает Т. Стефаненко (Стефаненко, 2000: 156, 157), нормативность местоположения глагола в конце фразы помогает жителям Страны восходящего солнца соблюдать вежливость и сохранять гармонию межличностных отношений. Говоря-

щий, увидевший реакцию на свои первые слова, имеет возможность смягчить фразу или даже полностью изменить её первоначальный смысл. В деловых взаимоотношениях японцы обычно ведут разговор «вокруг да около», долго обсуждая незначительные детали и «передвигая» основной предмет дискуссии на заключительную часть встречи. Эта коммуникативная стратегия позволяет им лучше узнать о намерениях партнёров, чтобы либо подладиться к ним, либо противостоять, не уронив при этом достоинства противоположной стороны. По поводу японского стиля общения интересные метафоры приводит Вс. Овчинников: «…кажущаяся податливость японской натуры подобна приёмам борьбы дзюдо: уступить натиску, чтобы устоять, то есть идти на перемены, с тем, чтобы оставаться самим собой», а также «вежливость японцев подобна смирительной рубашке, стесняющей словесное общение между людьми» (Овчинников, 1988: 9, 106). Особенностью имплицитного стиля коммуникации в японской культуре является обычай не употреблять в разговоре слова «нет», стремление всячески уходить в своей речи от прямых вопросов и ответов, о чём ярко и подробно пишет в своей книге Вс. Овчинников: «…люди всячески избегают слов «нет», «не могу», «не знаю», словно это какие-то ругательства, нечто такое, что никак нельзя высказать прямо, а только иносказательно, обиняком» (там же: 104). Вместо «нет» японцы используют всевозможные мягкие обороты-отрицания: «*Я прекрасно понимаю Ваше идущее от сердца предложение, но, к несчастью, я занимаю иное положение, чем Вы, и это не позволяет мне рассмотреть проблему в нужном свете, однако я обяза-*

тельно подумаю над предложением и рассмотрю его со всей тщательностью, на какую способен» (Цветов, 1991: 287).

Итак, оппозиция национальных коммуникативных стилей по параметру прямой/непрямой представляется наиболее релевантным и ярко выраженным фактом, осложняющим процессы межкультурных контактов, что и предопределило достаточно подробное рассмотрение особенностей этих стилей. Резюмируя, можно предположить, что доминирующий в индустриальных западных лингвокультурах прямой эксплицитный стиль коммуникации обусловлен общим подходом к языку и общению как к деятельности в смысле «doing things with words» (Austin, 1962; Searl, 1969) и такими ценностными признаками дискурса (Карасик, 2002: 271), как его содержание и целесообразность. Косвенность и имплицитность коммуникативного стиля, распространённого в обществах другого типа, определяются социальными установками в коммуникации, сконцентрированными на поддержание неконфронтативной интерсубъективности.

Логично дополняющей вышеописанные коммуникативные стили представляется дихотомия **рациональный** vs. **интуитивный** вербальные стили, критерием противопоставления которых является направленность коммуникатора. Рациональный стиль коммуникации ориентирован на говорящего и на конечную цель интеракции. Такой стиль присущ аргументированному, насыщенному фактами общению. Для интуитивного стиля характерна ориен-

тация на слушающего и процесс коммуникации. Интуитивный стиль опирается на аналогии, сходства, используемые для убеждения и получения одобрения партнёра.

Рациональный стиль проявляется в стратегиях самопрезентации и самоутверждения личности, открытости коммуникативного поведения в дискуссиях. Фактическая информация чётко вербализуется, независимо от того, как она воспринимается адресатом. Поскольку интуитивный стиль регулирует общение, направленное на слушающего, его характерной чертой является осторожность высказываний, размывание значений, неточности и уклонение от прямых формулировок, в которых потенциально заложено оскорбление воспринимающего речь. При этом подразумеваются необходимость постоянной интерпретации сказанного, наличие скрытого смысла в каждом слове или фразе.

Исследователи соотносят рациональный коммуникативный стиль с индивидуалистскими низкоконтекстными культурами, а интуитивный – с высококонтекстными коллективистскими культурами (Gudykunst, 1988:115; Park, 1994: 121).

Согласно следующей антиномии выделяются **точный** (exacting style) и **детальный** (elaborate style) коммуникативные стили (ср. Gudykunst at. al., 1988: 105), отражающие в целом степень выразительности речевого общения. Точный стиль отличается целенаправленностью, ясностью и

чёткостью высказывания, тенденцией к такому дозированию информационных вкладов коммуникантов, при котором информации выдаётся «ни больше, ни меньше», чем этого требуется в данной конкретной ситуации.

Детальный[1] стиль коммуникации характеризуется экспрессивностью, насыщенностью, многочисленными выразительными средствами речи: метафорами, эпитетами, гиперболами, сравнениями в превосходной степени, разного рода идиомами, намёками и т. д. Подобная многоречивость, включающая также «окольные» вступления, подробные описания обстановки коммуникации (места, времени, внешнего окружения) и участвующих в ней лиц, требует более длительного времени для реализации дискурсивного события, чем общение с использованием точного коммуникативного стиля. Согласно исследованиям американских учёных, детальный стиль коммуникации является ведущим в высококонтекстных лингвокультурах большинства арабских стран, представляющих, как правило, коллективистские сообщества со средним или низким уровнем терпимости к неопределённости. Точный коммуникативный стиль распространён в низкоконтекстных индивидуалистских обществах, таких как Великобритания, Германия, США, Нидерланды, Австралия, имеющих высокий или средний уровень терпимости к неопределённости (Gudykunst, 1988).

[1] Для обозначения данного коммуникативного стиля в русском языке используются также понятия: развитый (см. Орлова, 1994: 101), искусный или вычурный (Лебедева, 1999: 152).

Известна близкая по подходу оппозиция культурно обусловленных характеристик общения, обозначенная Д. Левиным как *определённость – двойственность*. При этом однозначная вербальная коммуникация трактуется как аффективно нейтральная, цель которой – получить ясное представление о факте, смысле, чувствах или ожиданиях собеседника. Однозначность здесь служит средством лишения речи её экспрессивной окрашенности и внушающих функций. Двойственная или амбивалентная по смыслу коммуникация, напротив, служит средством «расцвечивания» и многократного усиления передаваемого чувства или эмоции. Смысловая амбивалентность вызывает посредством юмора и шуток широкую гамму чувств у слушателей, палитру эмоциональных реакций, а тайная двусмысленность способна быть «оружием сокрушающей силы (Левин; цит. по: Лебедева, 1999: 150).

В ряду названных находится, как представляется, ещё одна, по сути, подобная антиномия стилей общения, выделенная голландским исследователем Ф. Тромпенарсом на основе противопоставления *нейтральных и аффективных* лингвокультур (Trompenaars, 1993). В качестве критерия разграничения автор рассматривает степень выражения сильных чувств и эмоций в ситуациях общественного дискурса в той или иной культуре. В нейтральных языковых культурах существует тенденция управлять проявлениями эмоций в рамках институциональной коммуникации, уделяя основное внимание в дискуссиях и переговорах фактической аргументации. В культурах с ориентацией на аффективную коммуникацию считается вполне допустимым проявление спонтанных чувств. Демонстрация в общении

«человеческих» реакций, таких как громкий смех, гневный удар кулаком по столу, вскрики и рыдания, воспринимается как социальная норма. Особенностью данного варианта оппозиции можно считать привлечение к анализу не только вербальной, но и экстралингвистической составляющей коммуникативного стиля.

Ещё одна, релевантная в контексте нашей работы, базовая пара – **личностно-ориентированный и статусно-ориентированный** стили коммуникации. Явно выраженный в коммуникативном стиле говорящего вербальный сигнал своей индивидуальной идентичности, например, предпочтения в выборе дейктических элементов («я», «мой»), свидетельствует о его личностно-ориентированном характере. Статусно-ориентированный стиль прибегает к использованию лингвистических средств, подчёркивающих социально-ролевую идентичность. Системообразующим признаком такого стиля выступает статусная, представительская функция личности. Американские коммуникативисты Л. Самовар и Г. Портер комментируют эти различия так: «В низкоконтекстных культурах происходит идентификация идей с определенными людьми. таким образом, говорящих можно различить по их способности влиять на других. В высококонтекстных культурах идеи способствуют усилению социального равенства и принижают важность индивидуальности говорящего» (ср. Samovar, Porter, 1991: 152).

Итак, главной чертой личностного стиля, превалирующего в культурах с индивидуалистскими ценностями, является концентрация внимания на персональных качествах, заслугах, успехах, квалификациях. При этом положительно

воспринимаются высказанные личностные мнения, оценки, предложения («По моему мнению…», «Я считаю…» и т. д.). Язык личностно-ориентированного коммуникативного стиля подчёркивает эгалитарные социальные отношения и симметрично-рациональные позиции партнёров по коммуникации, имеющей место в культурах с незначительной дистанцией власти. Статусно-ориентированный язык отражает иерархически-маркированные социальные отношения и ассиметричные ролевые позиции общающихся, распространённые в обществах с большой дистанцией власти (Gudykunst u.a., 1988: 111).

Приведём в этой связи цитату из книги, посвящённой специфике делового дискурса китайской лингвокультуры, демонстрирующую статусно- ориентированный стиль в коллективистском обществе с большой дистанцией власти:

1. Традиционно каждую сторону представляет один говорящий, который, как правило, занимает высшую иерархическую позицию.

2. Этот представитель ведёт переговоры, в процесс которых не вмешиваются его коллеги. При желании высказаться они просят у него слова.

3. Не принято перебивать или «вторгаться» в речь выступающей стороны, выслушивая все пункты предлагаемого выступления.

4. Только после его окончания считается возможным задавать вопросы и уточнять интересующие моменты.

5. Не требуется отвечать сразу на все вопросы. Можно перенести их обсуждение на более поздний срок или вообще оставить их без внимания.

6. Важной признаётся атмосфера порядка и гармонии в деловом общении, которые сохраняются посредством статусно-ориентированного вербального коммуникативного стиля. При этом механизмом его обеспечения могут быть переформулировки высказываний, выбор альтернативных лексических вариантов, создающих возможность партнёрам сохранить в переговорном процессе своё «публичное лицо» (ср. Helms, 1986: 25).

Соотнося обозначенные коммуникативные стили с определённым типом культур, подчеркнём, что в индивидуалистских обществах с небольшой дистанцией власти (в США, Австралии, в странах Северной Европы) регуляция отношений осуществляется преимущественно посредством личностно-ориентированного вербального взаимодействия. В коллективистских культурах с большой дистанцией власти (в странах Юго-Восточной Азии, Африки) общение регулируется статусно-ориентированным стилем коммуникации.

На фоне выделенных оппозиций вербальных стилей коммуникации отметим ещё одну по аналогии с культурными параметрами **специфичность vs. диффузность** (Trompenaars, 1993) как невербальное проявление коммуникативного стиля, что коррелирует определённым образом с представленными выше невербальными стилями. Суть данного противопоставления заключается в степени коммуникативной активности и открытости личности не только в рамках институциональных дискурсов, но и за его пределами, т. е. в ситуациях бытового, повседневного общения. Так, в специфически ориентированных культурах коммуникативное взаимодействие в институциональной сфере, как правило, не распространяется на другие области жизни, например, совместный отдых, приглашение в гости и т. д. В противоположность этому в так называемых диффузных культурах велика роль неформального общения. Распространённой нормой здесь считается коммуникативная открытость, контактность коллег по профессии, которые поддерживают активные отношения также и в контексте личностного бытового дискурса. Очевидно, что названные аспекты в числе прочих отражают особенные черты коммуникативных стилей в разных типах культур.

Проанализированные в данном параграфе оппозитивные пары, номинирующие основные тенденции национальных коммуникативных стилей, сформировавшихся под влиянием культурных макрокатегорий, представляются нам крайне важными с позиций моделирования немецкого коммуникативного стиля. Безусловно, следует отметить, что в каждой лингвокультуре присутствуют разные варианты стилей коммуникации в той или иной мере выраженности, но любое сообщество в силу своей культурной специфики отличается стабильными доминантными признаками стиля коммуникативного взаимодействия. При этом, как показывают эмпирические исследования, в реальном функционировании национального коммуникативного стиля проявляется диалектическая взаимосвязь коррелирующих типов стилей, выступающих как аспекты единого целого.

2.6. Проблема моделирования немецкого национального коммуникативного стиля

2.6.1. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей

Поскольку природа коммуникативного стиля, в общем, определяется природой коммуникации, а его своеобразие проявляется на фоне взаимодействия представителей разных лингвокультур, это позволяет говорить о возможности изучения особенностей национального коммуникативного стиля на основе анализа ситуаций межкультурного общения. В центре нашего внимания немецкий национальный стиль коммуникации, в связи с чем в данном параграфе рассматривается культурная специфика немецкого общения в сравнительной перспективе с особенностями русской коммуникации, что соответствует идее данной работы о выявлении культурной детерминированности интеракции на основе соотношения коммуникативных систем конкретных национальных сообществ.

Прежде, однако, кратко остановимся на интересующих нас подходах некоторых авторов, изучавших особенности немецкой и русской коммуникации с позиций разных исследовательских парадигм.

Спектр описания специфики и различий в коммуникативных сферах русской и немецкой лингвокультур достаточно широк. При этом в фокусе анализа отечественных и

зарубежных учёных оказываются как языковые, так и дискурсивные, коммуникативные явления.

Как справедливо отмечает И.А. Стернин, фактов проявления национальной специфики в общении того или иного народа к настоящему времени накоплено множество, в высшей степени актуальным в этой связи является обобщение этих фактов для определённой национальной культуры (Стернин, 2002: 4). Предложенная отечественным лингвистом концепция системного описания особенностей коммуникации конкретного народа представляет собой описание коммуникативного поведения этого народа. В частности, на основе разработанных в русле данной концепции ситуативной и параметрической моделей И.А. Стернин и Ю.Е. Прохоров представляют опыт описания русского коммуникативного поведения, выделяя его наиболее яркие дифференциальные черты в сопоставлении с западным стандартом (Прохоров, Стернин, 2002).

Языковой аспект применительно к исследованию культурной обусловленности русской коммуникации рассматривается авторитетными лингвистами в отношении лексики, грамматики, синтаксиса (Вежбицкая, 1997; Падучева, 1997; Эккерт, 2002). Широко известны работы Н.В. Уфимцевой в области психолингвистики, изучающей образы русского языкового сознания (Уфимцева, 1996, 2000а, 2000б).

В рамках лингвокультурологии, лингвоконцептологии и межкультурной коммуникации выделяются сопоставительные, компаративные исследования, предоставляющие перспективный материал для анализа русско-немецкой комму-

никации. Так, представляют большой интерес нормативная сторона картины мира, репрезентированная в наивном сознании носителей немецкого и русского языков (Бабаева, 2003); эмоциональные концепты как многомерные вербализованные мыслительные конструкты человеческого сознания в русской и немецкой лингвокультурах (Красавский, 2001); описание русской и немецкой концептосфер на основе ключевых концептов этих народов (Межкультурная коммуникация, 2001). Объектом рассмотрения в контексте современной прагмалингвистики являлась немецкая общественно-политическая речь как разновидность речевой коммуникации, отражающей закономерности сложного феномена национальной культуры (Юдина, 2001).

Нелишне упомянуть также культурологические работы немецких авторов, знакомящих своих соотечественников с русским деловым миром и его традициями, с особенностями коммуникативного взаимодействия с русскими партнёрами и стратегиями общения в русской среде (Baumgart, Jänecke, 2000; Denz, Eckstein, 2001). Несмотря на некоторый налёт стереотипности в интерпретации русской действительности, авторы данных работ собрали и систематизировали значительное количество эмпирического материала, что делает их книги интересными и убедительными источниками сведений о России для немецких специалистов.

Таким образом, небольшой обзор исследований, посвящённых культурной маркированности коммуникативного процесса в русской и немецкой лингвокультурах, а также специфике их взаимодействия, иллюстрирует привлечение к анализу межкультурного общения коммуникативных, лингвистических, психолингвистических и культурологических подходов.

В связи с этим представляется логичным систематизировать наблюдения в отношении немецкого коммуникативного стиля на междисциплинарной основе с точки зрения выделенных ранее основных параметров культурных различий.

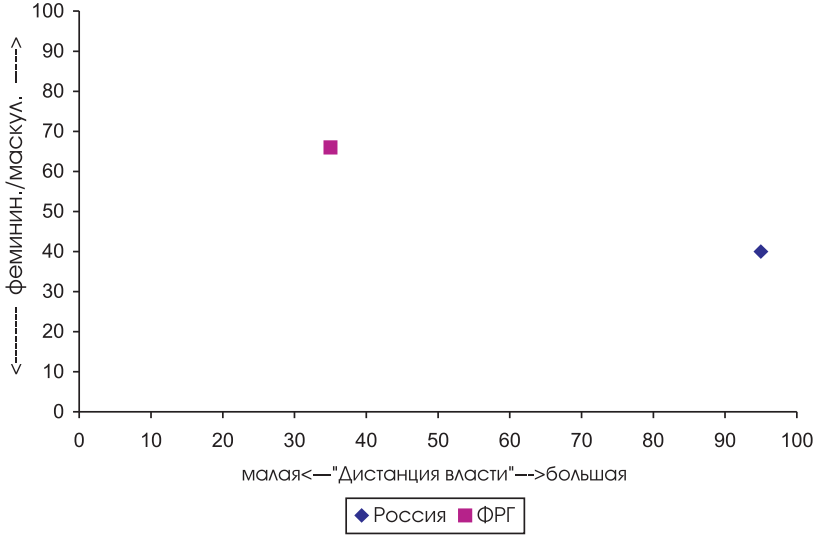
Для современного фона взаимоотношений русских и немцев характерна интенсификация контактов на политическом, общественном, экономическом и образовательном уровнях. Эффективность этих контактов находится, однако, как свидетельствуют многочисленные примеры, в отрицательной корреляции к интенсивности. Это в меньшей степени затрагивает сферу официального общения государственного уровня, регулируемого нормами международных стандартов, особого протокола и этикета. Межкультурные недоразумения и конфликты возникают чаще всего в ситуациях производственного сотрудничества, переговоров между представителями бизнеса, взаимодействия по линии образовательных программ.

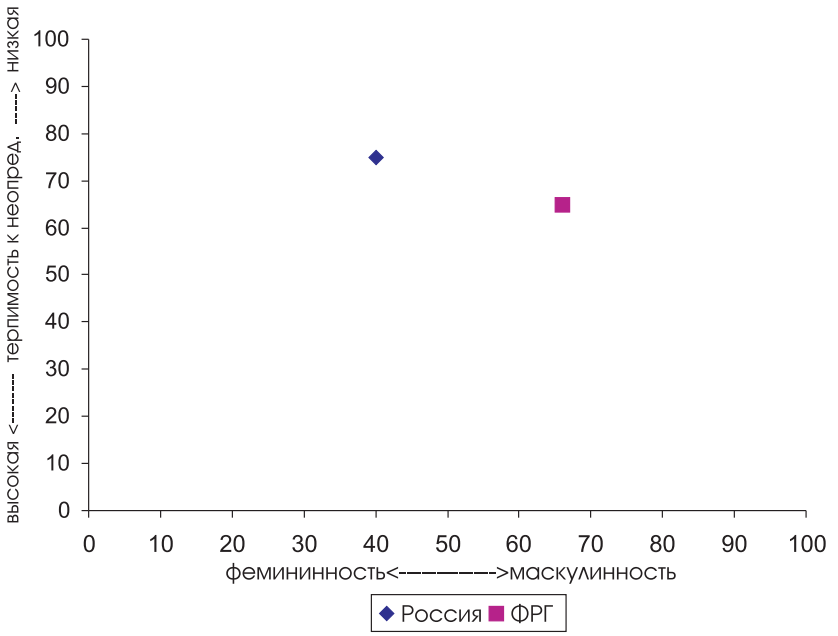
Часто проблемы непонимания сопровождают также контакты между русскими и немцами на уровне повседневного межличностного общения. При этом речь идёт не только и даже не столько о знании иностранного языка. В большинстве случаев неудачи происходят из-за того, что участники коммуникативного акта выстраивают своё поведение в соответствии с нормами и правилами национального коммуникативного стиля, сформировавшегося в результате процессов инкультурации в рамках собственного лингвокультурного окружения. Кроме того, во внимание

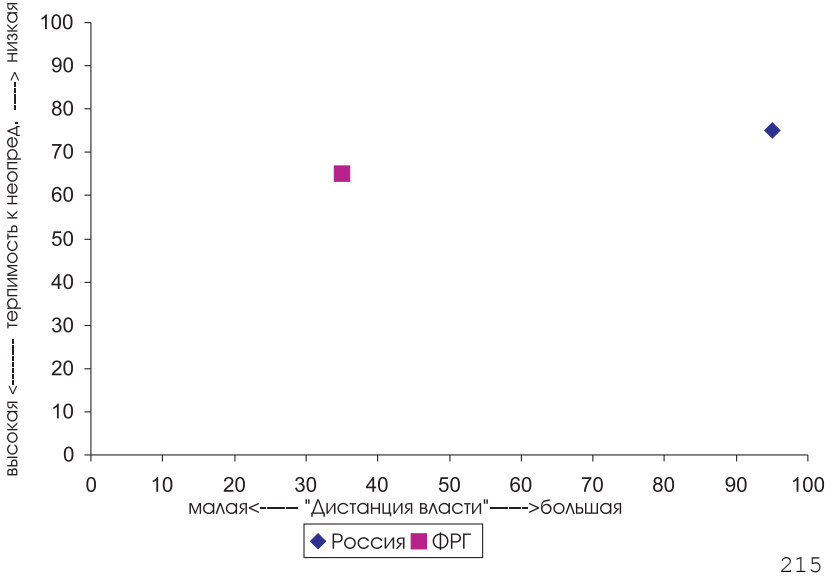
мало принимается разница в видении мира, в подходах к организации дела, в культурно обусловленных коммуникативных стратегиях и тактиках.

Оценивание взаимных коммуникативных неудач происходит часто только на эмоциональном уровне и не основывается на объективном анализе происходящего, на знании и понимании культурных различий, которые детерминируют национальные коммуникативные стили и, соответственно, дискурсивное поведение представителей двух культур в ситуациях межкультурного общения.

В соответствии с параметрической моделью Г. Хофстеде (Hofstede, 1997) Германия и Россия имеют разные позиции по большинству культурных параметров.







Немецкая культура характеризуется как индивидуалистская, с доминирующими маскулинными тенденциями, малой дистанцией власти и относительно невысокой терпимостью к неопределённости. В русской культуре на фоне немецкой традиционно сильны коллективистские тенденции, большая дистанция власти, превалируют феминистские ценности. Порог терпимости к неопределённости по индексу мало отличается в обеих культурах, но имеет в реальности разные формы выраженности и свою специфику в проявлении.

Данные типизированные особенности двух культур можно рассматривать как основу для их сравнения.

Как носители индивидуалистских либо коллективистских ценностных представлений, немцы и русские поразному проявляют себя в коммуникации, сотрудничая в тех или иных структурах. Как правило, немецкие коллеги предпочитают дискуссионность общения, допуская конфликтную тематику, стратегии конфронтации по отношению к мнению других, критический подход к выработке решений: «*Ich kann durchaus meine Meinung vertreten*», «*Er hat Durchsetzungsvermögen*», «*Ich behaupte…*», «*Dies ist meine Theorie*», «*Das Thema haben wir heute nicht fertig gekriegt*». Характерно для них чёткое разграничение проблемы и личности, что часто идентифицируется в русской среде, для которой смешение межличностных отношений и служебных ситуаций не редкость. Эффективность для немецких коллег заключается преимущественно в правильности, полезности и качественности принятого решения, а не в соблюдении статусной иерархии и обеспечении бесконфликтности общения, что часто встречается в русской коммуникации.

Одна из ярких особенностей коммуникации в системе русской культуры – существенная разница в стиле общения со «своими» и «чужими». Разделение на «своих» и «чужих» имеет здесь, как отмечает Ю. Рот, функцию поддержания групповой идентичности (Roth, 2003: 120). При этом граница между «ингруппой» и «аутгруппой» поддерживается переключением регистра коммуникации. Русские всегда общаются с иностранцами по-другому, чем с членами своих групп. Это выражается, например, в подчёркнутой вежливости с частым использованием речевых актов комплиментов и извинений, в чрезмерной опеке иностранных гостей через постоянное предложение своих услуг, особой предупредительности к ним и подчёркнутом выделении их во всём. Подобное коммуникативное поведение часто воспринимается представителями других, особенно западных культур, как излишняя навязчивость, покушение на их самостоятельность и автономию.

Русским трудно представить себе, что в других культурах, в том числе в немецкой, нормой считается соблюдение равнозначности партнёра по коммуникации, независимо от того, иностранец он или нет. В этом смысле, вероятно, можно говорить о том, что для русской лингвокультуры, используя термины исследователей П. Браун и С. Левинсона, характерна позитивная вежливость. Тогда как в немецкой языковой культуре большое значение имеет негативная вежливость (Brown, Levinson, 1987; Карасик, 1992: 78).

В отличие от русских, индивидуалистически ориентированные немцы не делают больших различий между от-

ношениями внутри группы и вне группы. Они могут одновременно являться членами разных групп, границы между которыми, в вербальном и невербальном выражении, жёстко не обозначены, легко рушатся и вновь воссоздаются. Однако в немецкой культуре идентификация с группой и зависимость от неё намного меньше, чем в коллективистской русской культуре. Эмоционально индивидуалисты обособленны от окружающих и имеют склонность к уединению. Это позволяет им чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве.

Поскольку немцы ощущают себя прежде всего как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо группы, в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии. Это проявляется как на уровне вербальных, так и невербальных сигналов. В частности, немецкое речевое общение отмечено рядом коммуникативных табу речевого и тематического характера, «охраняющих» границы индивидуального «пространства» личности. Опрос, проведённый нами среди немецких респондентов, позволяет в самом общем виде получить представление о ряде тем в современном общественном дискурсе Германии, маркированных той или иной степенью табуированности. Почти все опрошенные[1] выделили такие темы, как *«Tod»*, *«Krankheiten (AIDS)»*, *«Gehalt»*, *«Nazithemen»*, *«Ausländerfeindlichkeit»*, *«Judenfeindlichkeit»*, *«Intimes»*, *«obszöne Dinge»*

[1] Респондентами являлись студенты и преподаватели Мюнхенского университета им. Л. Максимилиана, всего 65 человек. Опрос проводился в 2003 г.

(«смерть», «болезни», «доходы», «нацизм», «враждебность к иностранцам», «еврейский вопрос», «интимные вопросы», «непристойности»), в качестве основных, не принятых к обсуждению между собеседниками. Зона личной автономии в немецкой культуре выражается также в невысокой, по сравнению с русской, степени контактности. Как правило, немцы ведут себя замкнуто, дистанцированно по отношению к незнакомым людям и очень редко сами проявляют инициативу в сближении с иностранцами. Создаётся впечатление, что они абсолютно не заинтересованы в знакомствах. Кроме того, явно выраженная активность иностранного партнёра, проявляемая при знакомстве, может расцениваться ими как назойливость или излишняя навязчивость.

Степень первоначальной сдержанности немцев в межличностных отношениях значительно обусловлена нормой разграничения личной и профессиональной сфер. На рабочем месте действуют достаточно жёсткие правила формальных отношений и официального тона, доминирует Вы-обращение, приватные дела обсуждаются очень редко и неохотно. Стиль и тон общения резко меняются в ситуациях неофициального взаимодействия, например, на вечеринках, праздниках, во время совместных путешествий и т. д. (Markowsky, Thomas, 1995: 34). В этой связи А. Моосмюллер замечает: «…При публичном обмене мнениями немцы тяготеют к формальной, обезличенной коммуникации. Когда немецкая предметная дискуссия ведётся на публике, эмоций стараются избегать, но она сильно заряжена эмоциями, когда имеет место в личном обще-

нии… В частном взаимодействии немцы склонны быть максимально открытыми и проникать в самые глубинные пласты личности партнёра» (ср. Moosmüller, 1995: 201).

В материалах межкультурных тренингов иностранцам часто рекомендуется знакомиться и устанавливать более тесные контакты с представителями немецких деловых кругов на разного рода неформальных встречах и развлекательных мероприятиях. Здесь, однако, тоже может скрываться межкультурный конфликт, на «удочку» которого нередко попадаются русские. Приведём пример подобного эпизода из опыта общения русских предпринимателей с их немецкими коллегами.

Стажировавшиеся в Германии представители русского бизнеса были приглашены немецкими партнёрами на небольшую вечеринку с традиционным фуршетом. Атмосфера party «без галстуков» была очень благожелательная и раскованная. На следующее утро при встрече с шефом немецкой фирмы в бюро русские, поздоровавшись с ним по имени и фамильярно похлопав его по плечу, с недоумением «наткнулись» на холодный взгляд и явную дистанцированность отношений. Перенеся настроение неофициальности вчерашнего вечера на уровень делового общения, представители русской лингвокультуры явно не учли разницу дискурсивных норм немецкой культуры в зависимости от формального или неформального коммуникативного контекста.

В русской языковой культуре, где ценятся общение и солидарность, зона приватности выражена не так ярко, как в немецкой. Сближение собеседников возможно до более

близкого расстояния, намного чаще допускается «вторжение» в чужое личное пространство (Прохоров, Стернин, 2002: 163; Леонтович, 2002: 166). Это проявляется в коммуникативной активности русских, лёгкости установления контакта с незнакомыми людьми, открытости, способности открыть душу незнакомому человеку. С этими коллективистскими качествами русских коммуникантов связан феномен «кухонного общения» в русской культуре, а также особый тип «вагонного общения» (Леонтович, 2002: 214; Шаповалов, 2001: 435).

Наряду с параметром «индивидуализм/коллективизм» процесс межкультурного взаимодействия опосредован двумя следующими измерениями: «дистанция власти» и «терпимость к неопределённости».

Степень расхождения русской и немецкой культур в отношении иерархического устройства общества и восприятия в нём неравенства очень существенна, что отражается прежде всего в управленческом стиле, способе организации деятельности, а также в коммуникативном поведении подчинённых.

Обозначим возможные случаи непонимания между сотрудниками немецко-русских совместных предприятий, спровоцированные разницей дистации власти в двух лингвокультурах и, соответственно, предпочтениями в использовании личностно- или статусно-ориентированного стилей коммуникации. В пресуппозиции немецкого руководителя согласно принятым в его культуре нормам – ожидание от русских подчинённых индивидуальной ответственности и инициативы в решении проблем. Русские, в

свою очередь, настроены только на распоряжения и указания начальника в соответствии с большой статусной дистанцией, типичной для производственных отношений в русской культуре. И наоборот. Немецкие работники воспринимают традиционного русского руководителя слишком авторитарным и некомпетентным. В то же время он расценивает их как недостаточно почтительных, слишком самостоятельных и даже как неуправляемых. Таким образом, взаимные ожидания и реальность не совпадают в связи с отсутствием общего пресуппозиционного фонда.

Скорость и продуктивность принятия решений в ситуациях русско-немецкого сотрудничества также зависят от дистанции власти и статусной иерархии, принятой в России и Германии. Полномочиями по принятию решений с русской стороны наделены обычно только представители, занимающие высокие должности в своих организациях, и чаще всего это высшие управленцы. С немецкой стороны участвовать в выработке и принятии решений могут компетентные специалисты даже среднего звена. Причиной скрытого или явного конфликта в подобных случаях является разница в статусах, которая вызывает у русских партнёров нежелание общаться с «нижестоящими» немецкими коллегами, а у немецких – недоумение по поводу бюрократических проблем русских.

Однако, несмотря на то, что иерархия в немецком обществе поддерживается, в основном, для его формальной организации, отношение к авторитетам имеет здесь свои устоявшиеся традиции. Нормы общения студентов с преподавателями, работников с начальством носят уважительно-вежливый, сдержанный характер. К вышестоящим принято обращение по фамилии в сочетании с имеющимся титулом: «Entschuldigung, Herr Professor«; «Herr Wild, ich möchte…».

В связи с вышесказанным интерес представляют исследования зарубежных авторов (Clyne, 1995; Wierzbicka, 2001), рассматривающих эту проблему с точки зрения этического подхода (внешней исследовательской перспективы). М. Клайн и А. Вежбицкая отмечают, что в последние десятилетия в немецких речевых стратегиях и, возможно, в лежащих в их основе культурных ценностях произошли изменения. Речь идёт о заметном расширении сферы употребления «фамильярной» формы обращения *(du* вместо *Sie*), а также о более редком использовании титулов (например, *Herr Müller* вместо *Prof. Müller*), что свидетельствует о значительных изменениях в межличностных отношениях в направлении большего равноправия и отказа от формальностей.

Полемизируя с М. Клайном, который связывает изменения в правилах выбора между du и Sie, особенно среди молодого поколения, с антиавторитарным переворотом, А. Вежбицкая указывает на отсутствие непосредственной семантической связи между этими двумя явлениями: «…в форме *Sie* нет ничего собственно авторитарного. Обращаясь к одним, употребляя местоимение *Sie*, а к другим – *du*, говорящий проводит различие между двумя типами межличностных отношений; грубо говоря, с одной стороны, между отношениями с теми, с кем он хочет общаться как с людьми, которых он хорошо знает или как с равными ему,

и, с другой стороны, с теми, с кем он не хочет общаться таким образом. Используя при обращении *Sie*, говорящий совсем необязательно хочет показать, что он расценивает собеседника как обладателя власти» (Вежбицкая, 2001: 165).

Продолжая далее эту мысль, А. Вежбицкая подчёркивает, что вряд ли более редкое использование титулов само по себе свидетельствует об уменьшении числа сторонников авторитаризма. По её мнению, титулы лишь определяют разницу в социальном положении, и тенденция к сужению их употребления в Германии отражает скорее распространение эгалитарных, чем антиавторитарных взглядов. «В одних странах люди могут ценить неравенство и статусные различия, не желая при этом подчинять свою волю воле тех, кого они считают занимающими более высокое положение; в других – люди могут быть готовы подчинять свою волю воле тех, кого они считают представителями «законной власти», не рассматривая их как находящихся выше по своему социальному положению» (Там же: 166).

В Германии, где дистанция власти намного меньше, чем в России, одним из главных принципов жизни является уважение правового порядка. Закон для немцев имеет абсолютный смысл. Здесь нет законов «существенных» и «несущественных». Все законы существенны и важны, все они должны неукоснительно исполняться. И этот вопрос не подлежит обсуждению (Frenkin, 1995).

С этим связана высокая регулятивность немецкой культуры. Кажется, что в Германии нет ни одного кусочка действительности, для которого бы не существовало какое-ли-

бо правило или ограничение. Все сферы жизни строго регламентированы. Первое, что часто бросается в глаза любому иностранцу в Германии, – это большое количество всевозможных предписаний в форме инструктивных или директивных речевых актов с интенциональным значением запрета. Например, из наших наблюдений: в студенческом городке «*Ballspielen verboten!*«; в городском парке «*Ente füttern bei Strafe verboten!*», «*Naturschutzgebiet: bitte nicht betreten!*», на стене магазина «*Plakatieren verboten!*», в помещении для переодевания на городском пляже «*Essen und Trinken in den Umkleidekabinen ist verboten! Sowie Rauchen*» и тд. При этом наряду с привычными и прямолинейными требованиями («*Durchgang verboten*!»; «*Der Zutritt durch nicht berechtigte Personen ist nicht gestattet!*») в сегодняшней Германии встречаются объявления, стилизованные под форму современного молодёжного языка, имплицирующие, тем не менее, стремление к традиционному немецкому порядку. Приведём пример такого объявления, замеченного нами на стенке примерочной кабины в одном из немецких магазинов*: «Hey Leute! Es wäre voll cool, wenn Ihr unsere Klamotten wieder «einigermaßen» **ordentlich** herausgebt. Das fänden wir echt geil!»*

Внешнему наблюдателю кажется, что в Германии законы и правила ценятся выше, чем человек, для которого они собственно и издаются. Иногда, как замечает М. Горский (Gorski, 2002: 102), слово «запрещено» является первым немецким словом, которое выучивает иностранец. Кроме того, «*Verboten*», по его мнению, может возводиться в степень, переходя в «*Streng verboten*» (строго запрещено). А. Вежбицкая (Wierzbicka, 2001: 186), анализируя немецкие

речевые стратегии, отражающие ценностные установки немецкой культуры, обращает внимание на широкое использование в объявлениях, наряду с «verboten», выражения «*nicht gestattet*» («не разрешается»). Обилие подобных общественных знаков указывает, с её точки зрения, прежде всего на постоянно испытываемую немцами потребность в Ordnung (Там же: 170). «Везде должен быть порядок» (*Alles muss in Ordnung sein)* – ценность, имеющая большую актуальность в немецкой культуре.

В русской действительности мы встречаемся, как правило, с обратным явлением. Любая директива может модифицироваться, преломляться под человеческий фактор. Вспомним известную русскую пословицу: «*Закон, что дышло; куда повернул, туда и вышло» («Das Gesetz ist wie eine Deichsel: wohin man es dreht, dahin weist es»)*. В Германии нарушения любого рода очень негативно воспринимаются и критикуются окружающими. Поведение немцев, определяемое с точки зрения русской нормативной системы как «наушничанье» или «подглядывание», считается вполне приемлемым в немецкой культуре как поддерживающее дисциплину и порядок

Строгое следование правилам и инструкциям связано со стремлением немцев исключить, по возможности, все непредвиденные случаи развития событий, ошибочные решения и тем самым свести до минимума фактор риска. Любая неясность и неизвестность неприемлема для немцев. Неожиданные, незапланированные ситуации вызывают обычно у представителей немецкой культуры раздражение и даже стрессовые состояния. В этом плане их степень тревожности намного выше, чем у представителей русской культуры. Безусловно, данный культурный параметр, как и остальные, отражается в повседневной немецкой коммуникации. Банальное объявление на станции немецкого метро, «отягощённое» подробными объяснениями причин изменений графика движения поездов, как нельзя лучше свидетельствует об актуализации параметра «терпимость к неопределённости» в немецком коммуникативном стиле: «*Einschränkungen auf den U-Bahnlinien U3 und U6 ab Mittwoch, den 13.06. (immer montags mit donnerstags) jeweils ab ca. 23 Uhr bis 5:00 Uhr: Liebe Fahrgäste, wegen Bauarbeiten am Marienplatz (Bahnsteigerhöhung/Bodenbelagerneuerung) kommt es leider ab Montag, den 13.06. (dann immer montags bis donnerstags) jeweils ab ca. 23 Uhr bis Betriebsschluss und ab Betriebsbeginn bis ca. 5 Uhr zu Beeinträchtigungen im U-Bahnbetrieb der Linien U3 und U6! Bitte beachten Sie, dass am Sendlinger Tor, Marienplatz und Odeonsplatz ab ca. 23:00 Uhr in beide Richtungen nur über Gleis 1gefahren wird. Aus diesem Grund fahren die U3 und U6 auf der gesamten Linie nur alle 20 Minuten in beide Richtungen! Planen Sie bitte die längeren Fahrzeiten in Ihre Reisevorbereitung ein! Wir bitten diese Unannehmlichkeiten zu entschuldigen! Ihre Münchner Verkehrsgesellschaft MVG.»*

Ту же иллокутивную функцию (предупреждение о возможных неудобствах с целью их избежания) имеет следующее объявление перед входом в один из районов городского парка: «*Wege nicht geräumt und gestreut: Begehen auf eigene Gefahr».*

Однако, сравнивая, в общем, терпимость к неопределённости русских и немцев, отметим, что, согласно ко-

личественному исследованию Хофстеде, индексные показатели по этому параметру в двух культурах расходятся незначительно.

С одной стороны, данное совпадение является несколько неожиданным и даже может вызвать удивление, поскольку коммуникативное поведение тех и других в реальной жизни нельзя назвать одинаковым. Более того, проблемы в общении возникают как раз на основе разных поведенческих стратегий русских и немцев, разных подходов к подготовке и организации совместных действий. С другой стороны, принимая во внимание наличие в русской культуре достаточно большого количества формальных и неформальных правил, бюрократических структур, традиций, суеверий, выступающих как своего рода руководство к действию, можно найти объяснение статистическим выводам Г. Хофстеде.

Другое дело, что представители русской и немецкой культур не одинаково относятся к соблюдению имеющихся законов, предписаний и запретов. Если в Германии неукоснительное исполнение закона – дело само собой разумеющееся, отвечающее ценностным представлениям общества (Markowsky, Thomas, 1995: 68), то в России отношение к директивам скорее личностно-прагматическое. При любой возможности «неудобные» закон или правило интерпретируются в пользу конкретной ситуации или личности. Кроме того, концептуальный подход в рамках нашей работы позволяет объяснить противоречие между экспериментальными данными по измерению «терпимость к неопределённости» и реальным поведением коммуникантов из двух культур. Поскольку культурные параметры существуют не изолированно друг от друга, а в сложной функциональной взаимозависимости, очевидно, что коммуникативное поведение русских и немцев обусловлено целым комплексом свойств культур. Это значит, что «сцепление» всех аспектов культурной вариативности придаёт каждому из них определённое своеобразие и специфику реализации.

В связи с предложенным выше анализом особенностей русско-немецкого взаимодействия по трём параметрам Хофстеде интерес представляют взаимные наблюдения русских и немецких партнёров, касающиеся делового общения (Roth, 1998):

Русские о немецком деловом мире и немцах:

- господство планов и расписаний, недостаток гибкости при их вынужденном изменении;
- отсутствие почтения к начальству;
- обязательность участия каждого в обмене мнениями при переговорах и обсуждениях;
- дистанцированность в деловом общении;
- недоступность в нерабочее время;
- соблюдение планов считается более существенным, чем поддержание человеческих взаимоотношений;
- ценят рабочую дисциплину превыше всего;
- не воспринимают предупредительность и помощь;
- не соответствуют нашим представлениям о гостеприимстве;
- предпочитают быть постоянно информированными, вместо того чтобы самим добывать информацию;

– отдают приоритет письменным предписаниям.

Немцы о русском деловом мире и русских:

– недостаточная готовность к самоинициативе и риску;
– замкнутость групп и недоступность членов этих групп для внешнего окружения;
– отсутствие высказываний, выражающих расхождение мнений, в обсуждениях и переговорах;
– почтительное отношение к начальству даже при его профессиональной некомпетентности;
– активное участие в обсуждениях и переговорах только небольшой части коллектива при традиционно пассивном соучастии остальных;
– компетентность партнёров не всегда оценивается по их профессиональным способностям;
– отсутствие, как правило, ответственных или виновных за принятое решение;
– решение личных проблем во время рабочего времени (на рабочем месте) как норма;
– распространение влияния и власти вышестоящих на личное время нижестоящих;
– чрезмерное курирование зарубежных (немецких) партнёров или, наоборот, предоставление их самим себе;
– игнорирование плановых обязательств или повестки встреч;
– любопытствующее вмешательство в сферу личной жизни зарубежных партнёров;
– частые празднества и застолья («распития»), принуждение к выпивке и тостам.

Следующий аспект, на котором мы кратко остановимся, касается сопоставления двух культур по параметру «*маскулинность/фемининность*».

Как уже отмечалось выше, в немецкой культуре доминируют маскулинные, в русской – фемининные черты.

Немецкий индивидуализм и преобладание мужского начала в культуре – логично дополняющие друг друга, взаимосвязанные качества. Подобное сочетание ценностных установок немецкого общества обусловливает, прежде всего, стремление его членов к независимости и лидерству, настрой на конкуренцию. Нельзя сказать, что в русской культуре совсем отсутствует настрой на состязательность, но присущие ей коллективистские ценности и особый дух соборности определяют приоритетность человеческих взаимоотношений и высокую значимость сотрудничества в общении.

Что касается степени ролевой дифференциации полов, различающейся в культурах маскулинного и фемининного плана, то публикации по этому вопросу подтверждают, скорее, схожесть ситуаций в русской и немецкой культурах. Как в России, так и в Германии традиционно сильно чёткое распределение социальных обязанностей между мужчинами и женщинами.

Однако понятия о мужественности и женственности, о разнице между полами имеют свои особенности в сравниваемых обществах, отражаясь в значениях знаков и действий. Так, являющееся нормой русской культуры вербальное и невербальное подчёркивание слабости и особого статуса женщины нетипично и даже оскорбительно в

контексте немецкой. Преобладающие в ней мужские ценности накладывают определённый отпечаток на невербальное поведение как мужчин, так и женщин.

Не принято без высказанной женщиной просьбы помогать ей нести чемодан или сумку, поскольку это может показаться намёком на неравенство между мужским и женским полом. Нарушением «симметрии во взаимоотношениях» с негативными последствиями может обернуться традиционное для русского мира одаривание цветами коллег-женщин, например, к какому-либо празднику. Немки, в отличие от русских женщин, чаще посещают без сопровождения мужчин кафе и рестораны, не вызывая при этом «шлейфа» отрицательных ассоциаций. Как правило, равноправие между мужчинами и женщинами подчёркивается также тем, что каждый в Германии платит сам за себя. Комментируя подобные ситуации в немецкой культуре с точки зрения «своей колокольни», русские перефразируют название известного немецкого романа «Jeder zahlt für sich allein, jeder stirbt für sich allein».

На повседневном вербально-коммуникативном уровне можно выделить, по крайней мере, один аспект в процессе общения между мужчинами и женщинами, подчёркивающий гендерные различия и демонстрирующий дискурсивную табуированность обсуждаемых тем в присутствии женщин. Так, в уже упомянутом выше опросе немецкими респондентами – мужчинами были названы тематические группы, исключаемые из ситуаций общения в присутствии женщин, а именно: «*Sex und Pornographie*», «*ehemalige Frauen*», «*Fußball*», «*Schwächen*», «*Obszönes*», «*Mißerfolg*» (те-

мы, связанные с сексом и порнографией, предыдущий любовный опыт, футбол, мужские слабости, непристойные слова и выражения, неудачи).

Частым источником непонимания в контактах между представителями русской и немецкой языковых культур является культурно детерминированная темпоральная парадигма, в соответствии с которой партнёры по коммуникации по-разному проявляют себя в совместных действиях. Времени как организационному и коммуникативному фактору придаётся чрезвычайно большое значение в немецкой лигвокультуре. Не будет преувеличением сказать, что концепт, заключённый в немецком слове «*Zeit*», реализуемый в понятиях «*Pünktlichkeit*», «*Planung*», «*Terminkalender*», «*Organisation*», относится к ключевым элементам национальной культуры. Некоторые примеры немецкого отношения ко времени, к предварительному планированию и диапазону ожидания приводятся в параграфе, посвящённом «культурной грамматике» Э. Холла.

Для большинства русских время не является жёсткой максимой (принципом) их жизни. Поэтому отношение к нему чаще всего можно назвать легкомысленным, что находит отражение в опозданиях, переносах мероприятий, изменениях повестки дня заседаний, несоблюдении графиков автобусов, поездов и т. д. Размытость и растяжимость отношения ко времени в русской парадигме проявляется также на вербальном уровне, что часто бросается в глаза иностранцам. Русский язык позволяет выразить договорённость, например о встрече, достаточно неопределённо, причём без эксплицитных маркеров типа: *при-*

мерно, приблизительно, около. Простое изменение порядка слов в словосочетании «*в семь часов*» на «*часов в семь*» вполне может служить коммуникативной помехой, особенно для немецкой точности. Русский не видит проблемы в том, что он лишь накануне предупреждает своего делового партнёра о предстоящем визите, а для немецкого коллеги, у которого всё распланировано заранее, это просто неприемлемо.

Пунктуальность немцев, с одной стороны, относится к известным стереотипам о них, с другой – многократно подтверждается самой жизнью. Соблюдение пунктуальности рассматривается ими, о чём свидетельствуют ситуации сотрудничества с представителями немецкой культуры, как гарантия надёжности. Более того, как общество с низкой степенью терпимости к неопределённости, стремящееся максимально обезопасить своё будущее, предотвратить возможные проблемы, оно воспринимает пунктуальность и долгосрочное планирование в качестве способов противодействия непредсказуемости. В оценке немцев неумение планировать своё время и свою деятельность граничит с отсутствием профессионализма, безответственностью и некомпетентностью. Доминирующей темпоральной тенденцией немецкой культуры считается её монохронный характер. Явная склонность представителей немецкой культуры к планированию, соблюдению договорённостей, сосредоточенность на выполнении одного дела в определённый промежуток времени являются проявлениями монохронности.

Безусловно, в каждом обществе, как отмечалось выше, присутствуют элементы как монохронного, так и полихронного времени. В соответствии с принятым в нашей работе положением об относительности специфических свойств любой культуры и «выпуклости» этих свойств только на фоне другой сопоставляемой культуры, можно вполне обоснованно говорить о значительно большей степени выраженности монохронной системы времени в Германии по сравнению с Россией. Поскольку «концептуальное осмысление категорий культуры находит своё воплощение в естественном языке» (Телия, 1996: 82), монохронность актуализируется также вербально в паремиологическом фонде немецкого языка: «*Alles zu seiner Zeit*», «*Eins nach dem andern*», «*Erst die Arbeit, dann das Vergnügen*», «*Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der bekommt, was übrig bleibt*».

Обратите внимание на работу продавца в немецком магазине, в том числе в крупном супермаркете, переполненном людьми. Каждый продавец обслуживает в один отрезок времени только одного клиента и никогда не будет одновременно отвечать на вопросы или требования другого посетителя. Нетерпеливых русских покупателей, стремящихся срочно получить информацию и товар, быстро рассчитаться и при этом задать множество вопросов продавцу-консультанту часто раздражает подобное поведение сотрудников магазина. Это вполне объяснимо, поскольку русская культура, без сомнения, тяготеет к полихронному способу деления времени и поэтому русские охотно переключаются с одного дела на другое, спокойно относятся к тому, что их прерывают, могут одновременно поддерживать коммуни-

кацию с несколькими собеседниками. Немцев же просто сбивает с толку то, что во время их разговора с русским партнёром тот часто отвлекается и занимается одновременно другими делами. В этом смысле русские, как представители полихронной системы, более мобильны и проявляют большую гибкость в решении вопросов.

Приоритет монохронного или полихронного использования времени вторгается также и в область межличностных отношений. Отрицательная реакция на вмешательство и помехи в служебной деятельности, представление об изолированности личной сферы являются незыблемыми устоями немецкой жизни. Это распространяется и на восприятие личной собственности, рассматриваемой как часть личного пространства, уважаемого и неприкосновенного для немцев. Отсюда вытекают также многие правила немецкого дискурса, например табуированность тем о зарплате, доходах, состоянии здоровья, семейном положении и детях. Поэтому если не отличающийся высокой культурной компетенцией русский переводчик пытается выстроить доверительные отношения с немецким партнёром, задавая вопросы типа: «Sind Sie verheiratet? Haben Sie Kinder? Wieviel verdienen Sie?» – он, скорее всего, добьётся прямо противоположного эффекта. Само собой разумеющимся считается, что немецкие коллеги по работе не знают дат рождения друг другаи не празднуют их, не занимают денег и не одалживают других вещей. С точки зрения русской перспективы, человеческие отношения приносятся в жертву линейной организации времени (напомним, что монохронному времени соответствует представление о

нём как о линейной системе), принципами которой являются экономное расходование времени, концентрация внимания и личностная обособленность. В связи с этим, немецкие коллеги редко приглашают своих иностранных партнёров к себе домой, предпочитая совместный ужин в одном из ресторанов. Это часто обижает русских, живущих совсем по другим нормам и традициям. Для России всегда было характерно тесное переплетение личной и служебной жизни. Дружеские контакты, родственные связи имеют большое значение для русского мира.

Различия в поведении русских и немцев по темпоральному фактору связаны не только с микро-перспективой (полихронность/монохронность). Свой отпечаток на коммуникацию накладывает и макро-перспектива временной ориентации (направленность на прошлое, настоящее, будущее). В этом плане считается, что Россия более, чем Германия, ориентирована на прошлое. Подтверждением тому может служить русская реклама, в которой превалируют ценности дореволюционной России и бывшего СССР. Качество товара, его название вызывает больше доверия у населения, если оно коррелирует со старым добрым прошлым: «Кофейня на паях», «Конфеты Коркунов», «Наша марка «Красный Октябрь», «Качество не моей мануфактуры» и т. д. В журнале «Реклама – ваш капитал» отмечается, что «большинство россиян больше любят доброе и консервативное, чем агрессивное и прогрессивное» (Медведева, 2003: 257). В связи с этим, не случайным представляется также, что при выборе музыки и слов нового гимна для России решение было принято в пользу старого варианта,

вызывающего, по мнению политиков, положительные ассоциации у русских – бывших советских людей.

Немецкая культура, также приверженная традициям и истории, тем не менее, может рассматриваться по сравнению с русской как культура менее направленная на прошлое (по сравнению с США Германия, как и все западноевропейские страны, воспринимается как общество, ориентированное на прошлое).

На формирование национального коммуникативного стиля, а значит и на характер русско-немецкой коммуникации, оказывает также влияние фактор, определяемый американским антропологом Э. Холлом как контекстность культуры. Напомним, что под контекстом понимается как объём информации, окружающей деятельность человека и способы обмена данной информацией, так и роль неязыкового контекста в коммуникации. Между культурно обусловленными категориями «время» и «ориентация на контекст» существует очевидная взаимосвязь. Общества с полихронным отношением ко времени чаще всего высококонтекстны, общества с монохронной системой времени – преобладающе низкоконтекстны. Поскольку немецкая культура считается одной из самых низкоконтекстных культур, а русская, по мнению многих авторов, тяготеет к культурам с высоким контекстом (особенно, если принимать во внимание её соотношение с немецкой), это, несомненно отражается в специфике коммуникативного стиля представителей данных культур и часто осложняет межкультурное общение.

Индивидуалистские тенденции, преобладание монохронного типа деления времени в немецкой культуре по сравнению с русской проявляются в недостаточности неформального информационного обмена между немецкими коммуникантами и в слабой зависимости интеракции от контекста. Большая часть информации передаётся знаковым кодом (словесно), а не через контекст сообщения. Коннотации, «чтение между строк» не играют значительной роли в немецком общении.

Приоритетным для немецкого дискурса является прямой, эксплицитный коммуникативный стиль. В этом смысле русская пословица «Что на уме, то и на языке» имеет позитивный характер в условиях немецкой реальности. Своё намерение немец, как правило, выражает ясно и открыто, не предполагая, что оно будет понято из ситуации общения. Представляется, что не случайно немецкий фразеологический оборот «*mit j-m deutsch reden*» имеет значение «говорить без обиняков, напрямик», а его вариация «*auf gut deutsch*» служит синонимом выражению «просто, прямо, недвусмысленно». В одном из стихотворений Гёте читаем: «*Drum sagt man ihnen deutsch ins Gesicht*». Смысл данной идиомы – «говорить правду в лицо», а слово *deutsch* понимается здесь как ясный, чёткий, открытый, дополнительный оттенок – «чистосердечно», «без прикрас или лжи». С этим связана знаменитая цитата из «Фауста» Гёте[1]: «Лжёт речь немецкая, когда она учтива» (Межкультурная

[1] «Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist»: Немецко-русский фразеологический словарь. – 1975. – С. 123–124.

коммуникация, 2001: 187). Можно предположить, что эксплицитность как норма немецкой коммуникативной культуры имеет давнюю традицию, найдя своё отражение в немецкой фразеологии и литературе.

Итак, содержательный аспект (*что сказать*) ценится выше, чем поддержание межличностных отношений. Эмоциям и чувствам придаётся мало значения; доминируют достоверность, логика и аргументация высказывания, фактические знания и риторические способности партнёров по коммуникации. В первую очередь в расчёт принимается дело, а не эмоции и гармоничность взаимоотношений: «Das ist völlig unakzeptabel» («Это совершенно неприемлемо»); «Bei einem solchen Preis brauchen wir gar nicht mehr weiterzudiskutieren!» («При такой цене нам не о чем говорить далее!»).

Прямой открытый стиль коммуникации, принятый среди немцев, означает также, что всё услышанное ими воспринимается дословно. Особенно это относится к выражению согласия и принятию приглашений в деловой и приватной сферах. В Германии не принято говорить «да» только для того, чтобы не обидеть, например, коллегу, зная заранее, что приглашение не будет принято: «*Leider kann ich Ihre Einladung nicht annehmen. Am Sonntag habe ich schon eine Verabredung*». Ложное обещание расценивается как ненадёжность и несерьёзность партнёра, который говорит не то, что думает, а делает не то, что говорит. Кроме того, подобное поведение всегда вызывает недоумение, поскольку ясный отказ считается вполне приемлемым и, по крайней мере, честным: «*Der Freitag paßt mir überhaupt nicht. Da habe ich*

bereits einen Termin im Kalender» или «*Diese Woche sind wir leider schon total ausgebucht. Wie wäre es denn nächste Woche?*».

Корректность и вежливость общения в русском варианте имеет мало общего с пониманием таковых с точки зрения немецкой коммуникативно-ценностной системы.

Категорическое причисление России к полихронным высококонтекстным культурам вряд ли оправдано без масштабных экспериментальных исследований, однако имеющийся эмпирический материал обнаруживает большое количество признаков, свидетельствующих о том, что русскую культуру на фоне немецкой можно назвать высококонтекстной. Коллективистские тенденции русской культуры обусловливают высокую информационную обеспеченность всех участников коммуникативного процесса. В России традиционно велика роль неформального общения, которое считается более эффективным, чем официальное (Стернин, 2001: 215). Максимум значения придаётся личным взаимоотношениям, устные договорённости предпочитаются письменным. Для русских деловых контактов важно начальное знакомство и его дружеское развитие. Русский коммуникативный стиль характеризуется меньшей степенью эксплицитности, но большей «затекстовой» нагруженностью (Леонтович, 2002: 349), использованием в общении намёков, пресуппозиций, игры слов. Анализируя особенности русского языка, отечественные лингвисты отмечают, что: «в русском языке гораздо богаче, чем во многих других, поле неопределённости» (Падучева, 1997: 23). Речь идёт прежде всего о неопределённых местоимениях на *– то, – нибудь, кое-, не-*

кий, некто. Зависимость русской коммуникации от контекста на вербальном уровне проявляется также в расплывчатости и неконкретности речи, изобилии некатегоричных форм высказывания, слов типа: может быть, вероятно, возможно, как бы.

Анализируя особенности русско-немецкого взаимодействия, нельзя обойти вниманием культурную специфичность пространственной составляющей в общении между представителями двух культур. Очевидно, что межкультурные недоразумения, обусловленные разницей в восприятии пространства не следует сводить только к проксемическим недоразумениям, связанным с нарушением дистанции. Очевидна собирательность этой категории, включающей понимание пространства, не только в прямом смысле как физической территории, но и его метафорическое проявление, подразумевающее также социальное пространство, территориальный фактор в национальном самосознании, область коммуникативных (вербальных и невербальных) средств, отражающих особенности отношения к пространству в разных языках.

Было бы преувеличением утверждать, что ощущение пространства в немецкой и русской лингвокультурах расходится кардинально. Тем не менее, чувство простора или тесноты, посягательство на пространство и уважение чужой территории отличаются в двух культурах. Кроме того, пространственные отношения как компонент культурной целостности взаимосвязаны с другими аспектами культуры. Доминанта индивидуалистских тенденций обусловливает стремление к изолированности и наличию индивидуального пространства. Ориентация на коллективистские ценности предполагает интеграцию и коллективное пространство (см. Лебедева, 1999: 164).

В русской культуре величина межличностной дистанции и зона персонального пространства значительно меньше, чем в немецкой культуре. Это утверждается многими авторами, в том числе немецкими (Стернин, 2001: 237; Löwe, 1999: 166; Baumgart, 2000: 152). Физический контакт, прикосновения воспринимаются как допустимая норма общения.

Для немцев в большей степени характерно ограждение «своего» пространства. Как правило, комфортной зоной при разговоре считается расстояние между собеседниками в один метр. Нарушение этой дистанции воспринимается как вторжение в личное пространство, вызывающее негативные эмоции. В Германии менее, чем в России, распространено тактильное взаимодействие при общении. Немцы стараются избегать телесного контакта, сдержаннее ведут себя при встрече и прощании. Потребность в личной автономии наглядно проявляется в немецкой повседневной жизни. Немцы не так плотно, как русские, стоят в очередях, располагаются в транспорте. При обращении в справочное бюро, разного рода кассы «интимность» обсуждаемой информации и гарантию персонального пространства людей обеспечивают указатели, типа: «Bitte Diskretionsabstand halten» («Пожалуйста, проявляйте тактичность и соблюдайте дистанцию»). Минимальное расстояние между клиентами часто определяют ограничительные линии в сопровождении надписей: «Bitte hier warten» («Пожалуйста, ожидайте

здесь»). Необходимость соблюдения границ общественной и приватной территории регулируется также либо вербальными знаками, например: «Achtung! Privatgrundstück! Betreten verboten!»[1], либо своеобразными изгородями из зелёных насаждений. Связывая «отгороженность» немецкого образа жизни и особенности немецкой коммуникации, известный немецкий этнолог Г. Баузингер пишет: «Строго изолированные дома и образцового вида садики, которые, впрочем, часто недоступны взгляду постороннего, так как скрываются за растительными заборами или даже стенами, чаще всего не располагают к лёгкому и непосредственному общению» (ср. Bausinger, 2002: 47).

Способы разграничения собственного и чужого пространства в немецкой культуре проявляются не только в социальном, но и в речевом поведении людей, а также в семантике языковых единиц разных уровней. В исследовании И.Б. Бойковойs (Бойкова, 2002) приводятся примеры, иллюстрирующие межкультурные различия в рамках вербальной коммуникации русских и немцев, касающиеся их ментального ощущения пространства. Прежде всего, отмечается, что личностное пространство в русском сознании имеет зыбкие границы, оно склонно сливаться с другими Я-пространствами и проницаемо для них. Немецкое Я-пространство, напротив, имеет жёсткие границы, дистанцируется от других Я-пространств, чаще обнаруживает себя в единственном числе. На уровне текста это можно наблюдать в формах обращения, присущих бытовому диалогу и письменной речи. Например, склонность немецкого Я обособлять себя в форме единственного числа проявляется в способе оформления начала и конца письма, которое предназначено для нескольких адресатов или подписано несколькими отправителями. Принято к каждому адресату обращаться отдельно, помещая каждое обращение в отдельную строку (Duden, 1997: 52–59; цит. по Бойковой, 2002). Отправители, подписывающие немецкое письмо, обычно не объединяются друг с другом общим притяжательным местоимением (например, deine Oma und Opa), как это распространено в русской традиции. Нормативной считается формула: deine Oma und dein Opa.

[1] «Внимание! Частная территория! Вход воспрещён!»

На уровне высказывания (иллокутивный аспект) можно выделить некоторые тенденции в употреблении личных местоимений, что также отражает особенности Я-пространств, присущие двум культурам. Например, в научном стиле речи немецкое местоимение 1-го л. ед. ч. «ich» вытесняет местоимение 1-го л. мн. ч. «wir»: «Bei meiner Untersuchung bin ich davon ausgegangen, dass…», вместо «Bei unserer Untersuchung sind wir davon ausgegangen, dass…». В русском научном стиле авторское «мы» имеет более прочные позиции. Традиционно корректным считается в статьях, монографиях, диссертациях использовать местоимение мн.ч., подразумевая под этим словом себя как автора работы.

В немецком языке говорящий имеет возможность обозначать границу между собой и окружающим пространством, что чуждо русскому языку. На уровне семантики слова это проявляется, например, через русское наречие места «здесь», которому в немецком языке соответствуют

два наречия: hier и da. Произнося hier, говорящий считает себя частью ближайшего пространства, произнося da, исключает себя из этого пространства (Бойкова, 2002: 109). Подобные наблюдения свидетельствуют о явном пересечении лингво- и культурно-специфических факторов или, другими словами, о «системе фраз», отражающих «систему взглядов» (Михальская, 1996: 40).

Подведем некоторые итоги. Представленный в данном параграфе междисциплинарный анализ особенностей немецкой коммуникации на фоне русской позволяет делать выводы по поводу доминантных тенденций немецкого коммуникативного стиля. В соответствии с целью нашей работы и на основе вышеприведённого обсуждения вопросов, относящихся к теме данного исследования, перейдём к моделированию немецкого национального стиля коммуникации.

2.6.2. Модель немецкого национального коммуникативного стиля

Моделирование принадлежит к числу общенаучных методов, часто используемых в исследовании процессов коммуникации, и соотносится с такими познавательными процедурами, как классификация, типологизация и систематизация. Моделирование представляет собой «изучение объекта (оригинала) путём создания и исследования его копии или модели, замещающей оригинал с определённых сторон, интересующих исследователя» (Основы теории коммуникации, 2005: 31). Под моделированием национального коммуникативного стиля мы понимаем сос-

тавление перечня основных факторов и параметров, конституирующих тот или иной национальный коммуникативный стиль. Соответственно, модель немецкого национального коммуникативного стиля может быть представлена как его факторно-параметрическое описание в терминах коммуникативистики, прагмалингвистики, культурологии и лингвистики, отражающих сущностно-содержательные характеристики коммуникативного стиля. По аналогии с методикой описания коммуникативного поведения в работах И.А. Стернина мы выделяем релевантные факторы и параметры, актуализирующие доминанты национального коммуникативного стиля в его вербальном и невербальном (в том числе пара- и экстралингвистическом) проявлениях. Отметим, что в нашей работе моделируется коммуникативный стиль устного неопосредованного и опосредованного общения.

Анализ теоретических материалов в области коммуникативистики и межкультурной коммуникации, предложенное выше понимание национального коммуникативного стиля, эмпирические наблюдения и исследования в отношении немецкого стиля коммуникации позволяют выявить три основные группы факторов, формирующих национальный коммуникативный стиль: макроконтекстные (общекультурные), микроконтекстные (коммуникативно-ситуативные) и фактор институциональной маркированности. При этом стилеформирующие факторы определяются в настоящем исследовании как имеющие разную природу базовые детерминанты, оказывающие существенное влияние на формирование и актуализацию

национального коммуникативного стиля. Факторы как обобщённые категории конкретизируются в параметрах, представляющих своего рода аспекты, раскрывающие и детализирующие содержание факторов.

Исходя из обозначенного подхода и на основе анализа фактического материала, собранного в ходе исследования, модель немецкого коммуникативного стиля может быть структурирована следующим образом.

К первой группе стилеформирующих факторов мы относим факторы, выступающие, с одной стороны, как макрокатегории культуры, а с другой – как детерминанты национального коммуникативного стиля. По данному основанию нами выделяются *темпоральный, проксемический, социально-контекстный, ценностный и когнитивный* факторы, формирующие стиль коммуникации. При этом подчеркнём ещё раз важную мысль о том, что, моделируя национальный коммуникативный стиль, невозможно оставаться в рамках только языковой системы, поскольку природа данного феномена интегративна. Итак, рассмотрим компоненты модели по первой группе факторов:

1. Макрокатегория культуры: восприятие времени
   Стилеформирующий фактор: темпоральный
   Параметры-актуализаторы: Планирование;
   Чёткая структурированность времени;
   Образ времени: прошлое – настоящее – будущее;

   приватное – общественное время.
   Доминанты стиля: (невербальная) ярко выраженная тенденция к монохронному коммуникативному поведению;
   (вербальная) сконцентрированность речевых действий на одном коммуникативном партнере;
   незначительность неформального общения.
2. Макрокатегория культуры:
   социальная организация людей (социум.)
   Стилеформирующий фактор: контекстность культуры.
   Параметры: зависимость коммуникации от контекста;
   роль неформальных информационных сетей;
   разделение межличностного и служебного дискурсов;
   статусная иерархия;
   степень формализованности общения.
   Доминанты стиля: (вербальная) эксплицитность и прямота,
   высокая доля вербальной составляющей в общении;
   (невербальная) значительная степень недоступности за пределами институционального дискурса.
3. Макрокатегория: Восприятие пространства.

Стилеформирующий фактор: Проксемический.
Параметры: пространственная дистанция в общении;
социальная дистанция (статус);
личное пространство;
соблюдение приватности личностной сферы;
вербальные маркеры дистанцированности;
паравербальные сигналы коммуникативной дистанции;
территориальность в национальном самосознании.
Доминанты стиля: (вербальная) речевая и тематическая табуированность коммуникации;
статусная индикация на основе местоименных и номинативных вокативов;
(невербальная) стремление к пространственной и личностной приватности.

4. Макрокатегория культуры: Ценностные ориентации.
Стилеформирующие факторы:
а) Дистанция власти.
Параметры-актуализаторы фактора:
выраженность социальной иерархии;
личностная инициативность и самостоятельность.
Доминанты стиля: (вербальная) личностная ориентированность в коммуникации,
консультативность в общении.
б) Индивидуализм.

Параметры: тип идентификации;
самопрезентация;
приоритет дела перед межличностными отношениями;
принцип универсализма в коммуникации;
дискуссионность и конфронтативность общения.
Доминанты стиля: (вербальная) прямота, рациональность;
«я»-центрированность в коммуникации;
(невербальная) индивидуально-эксплицитный стиль.
в) Маскулинность (соревновательность).
Параметры: ролевая дифференциация полов;
конкуренция;
приоритеты в достижениях.
Доминанты стиля: (вербальная) соперничество и наступательность в деловом общении;
конфронтативность общения;
(невербальная) демонстрация независимости.
г) Терпимость к неопределённости.
Параметры: формализация и структурированность деятельности;

точность соблюдения
предписаний.
Доминанты стиля: вербальная точность и однозначность;
распространенность инструктивных текстов.

д) Центральные стандарты культуры.
Параметры: приоритет дела и целесообразности;
регулятивность культуры;
интернализованный контроль (идентификация с выполняемой деятельностью);
разграничение профессиональной и приватной сфер;
обособление приватной сферы.
Доминанты стиля: (вербальная) фактическая аргументативность;
директивные речевые акты.
(невербальная) сосредоточенность на деле;
тенденция к личной автономии;
коммуникативная замкнутость.

5. Макрокатегория культуры: специфичность мышления.
Стилеформирующий фактор: когнитивный.
Параметры: формы мышления;
алгоритм представления информации;

структурация информации в дискурсе;
приоритетный подход к решению проблемы.
Доминанты стиля: (вербальная) индуктивность, логичность, линейность,
аналитичность подачи информации.

Итак, представив формальную модель описания немецкого коммуникативного стиля по первой общекультурной (макроконтекстной) группе стилеформирующих факторов, перейдём к моделированию стиля по второй группе.

В контексте микроконтекстной категоризации национального коммуникативного стиля мы выделяем группу коммуникативно-прагматических факторов, обусловливающих специфику его проявления. Данная группа охватывает компоненты коммуникативной ситуации, значимые в отношении стиля коммуникации вообще, немецкого коммуникативного стиля, в частности. К релевантным для нашего исследования составляющим коммуникативной ситуации можно отнести факторы установления контакта, его поддержания и выход из контакта, включающие, безусловно, фактор субъектов коммуникативного взаимодействия во всей полноте их социальных и психологических ролей, их пресуппозиций и интенций.

Контактоустанавливающий фактор отражается в достаточно большом количестве параметров, основными из которых являются: интенции коммуникантов, хронотоп или локально-темпоральные рамки общения, атмосфера общения (позитивная – негативная), идентификация социальных статусов, привлечение произвольного и непроизвольного внимания собеседника. В соответствии с данными параметрами на-

циональный коммуникативный стиль актуализируется в специфике форм и способов приветствия, обращения, представления, в приемлемости личностно-ориентированных (приватных) вопросов, в приглашениях как форме социального этикета, в специфике уклонения от контакта.

По *фактору поддержания контакта* мы выделяем такие стилеформирующие параметры, как: объём вербальной составляющей интеракции, тематическая направленность общения, вербальные и невербальные средства, поддерживающие внимание, заинтересованность и эмоциональную вовлечённость коммуникантов. Обусловленный перечисленными показателями национальный коммуникативный стиль проявляется в вербальных средствах авторизации и адресации, в выборе релевантных тем современного национального дискурса, в типовых темах неинформативной беседы, в степени коммуникативно-пространственной близости, манере слушания, коммуникативной инициативе говорящих, способах заполнения пауз в общении, в коммуникативной вежливости (корректности), коммуникативной толерантности, в способах проявления вербальной агрессии, в мере экспрессивности (аффективности) как реакции на услышанное, в формах национального юмора, специфике аргументации, характерных для носителей языка мимике и жестикуляции.

По *фактору выхода из коммуникативного контакта* акцентируем внимание на следующих основных параметрах: односторонний выход из разговора, консенсусное прекращение общения (с согласия обоих коммуникантов), резюмирование, прощание, пожелания. Соответственно, коммуникативный стиль демонстрирует общепринятые в лингвокультуре коммуникативные нормы, такие как: допустимость конфликтного прекращения контакта, изменение темы и переключение внимания на другого собеседника, молчание как сигнал выхода из коммуникативного контакта, прямое эксплицитное высказывание о завершении разговора, косвенные реплики-сигналы окончания интеракции и т. д.

Проецируя перечисленные выше параметры по микроконтекстной группе факторов на немецкий коммуникативный стиль, можно выделить следующие его доминанты: подчёркнутая статусность обращения; релевантность официального представления собеседника; приверженность к употреблению универсальных вербальных форм приветствия; неприемлемость личностно-ориентированных вопросов; неприятие коммуникативной навязчивости; коммуникативная корректность; отсутствие избыточной экспрессивности в деловом общении; демонстрация заинтересованного слушания; бытовая коммуникативная малоинициативность; преобладание фактов и аргументов в содержании дискурса; преимущественно вербальная экспликация завершения общения; допустимость конфронтации при выходе из контакта в условиях профессиональных разногласий.

Модель стиля в нашей концепции строится также с учётом фактора институциональной маркированности, формирующего особенности национального коммуникативного стиля в пределах определённого институционального дискурса. Параметры модели стиля коммуникации по данному фактору и их содержательное наполнение рас-

сматриваются далее на примере политического и академического дискурсов современной Германии.

Таким образом, разработанная в рамках нашей концепции факторно-параметрическая модель национального коммуникативного стиля имеет в основе своей комплексное взаимодействие групп факторов, соотносимых с выделенными выше основными детерминирующими системами (культурой, коммуникацией, языком) и оказывающих формирующее влияние на специфическую актуализацию стиля коммуникации в каждой лингвокультуре.

Выводы

Подводя итоги второй главы, необходимо отметить, что ей отводится ключевая концептуальная роль в настоящей работе. Проанализированное в главе центральное понятие исследования в ряду: стиль – стиль общения – коммуникативный стиль – культурно обусловленный коммуникативный стиль – национальный коммуникативный стиль – отражает новизну нашего подхода, в рамках которого определяется сущность интегральной категории «национальный коммуникативный стиль» и его основные характеристики.

Как объективно существующее коммуникативное явление, национальный коммуникативный стиль отражает особенности общения, специфичные для определённого лингвокультурного сообщества. Национальный стиль коммуникации имеет, в нашем понимании, культурно- и лингвистически детерминированную природу, являясь ярким

экспликатором культурной чужеродности в процессах межкультурного взаимодействия. Согласно данному подходу национальный коммуникативный стиль определяется в работе как устойчивая совокупность неосознаваемых и/или осознаваемых коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, определяющих содержание и языковые паттерны общения в данной лингвокультуре.

Овладение коммуникативным стилем происходит в процессах опосредованной языком инкультурации и социализации и находит отражение в характере всей коммуникативной деятельности языковой личности в контекстах разных типов дискурсов – от личностного до статусно-ориентированного. При этом в основе разных аспектов дискурсивной реализации национального коммуникативного стиля лежат базовые доминанты стиля, своеобразное сочетание которых создаёт его особую специфику. В главе анализируется ряд вербально и невербально маркированных стилевых основ, задающих своего рода «формулу» национального стиля: имплицитность – эксплицитность, рациональность – интуитивность, точность – детальность, нейтральность – аффективность, личностная/статусная ориентированность, специфичность – диффузность, индивидуально-эксплицитный/индивидуально-имплицитный невербальные стили, коммунно-эксплицитный/коммунно-имплицитный невербальные стили.

В соответствии с теоретическими принципами моделирования и данными эмпирических наблюдений в отношении культурно обусловленной специфики коммуникации в немецкой лингвокультуре (в сравнении с русской комму-

никативной культурой) в работе выстроена модель немецкого коммуникативного стиля, представляющая собой его факторно-параметрическую систематизацию с позиций культурологической, коммуникативистской и прагмалингвистической точек зрения. В качестве основных стилеформирующих факторов, определяющих доминантные тенденции немецкого стиля коммуникации, в рамках нашего исследования выделяются *ценностный, темпоральный, проксемический, социально-контекстный и когнитивный факторы*. Согласно перечисленным детерминантам модель немецкого коммуникативного стиля формализованно представлена как прямое эксплицитное общение, с ярко выраженной тенденцией к монохронному коммуникативному поведению; с незначительной долей неформального общения и ярко выраженным стремлением к персональной дистанцированности и пространственной приватности, что свидетельствует о проявлении в немецком стиле коммуникации такой черты, как коммуникативная замкнутость. К особенностям коммуникативного стиля немцев относятся также рациональность, точность, аргументативность. Кроме того, в фокусе когнитивного аспекта характерными маркерами немецкого коммуникативного стиля являются индуктивность, логичность, линейность и аналитичность структурирования и подачи информации.

Построенная в данной главе модель немецкого коммуникативного стиля на основе расмотренного выше фактического материала дополняется и уточняется в завершающей главе на примере фрагментов практического анализа двух типов немецкого институционального дискурса (в

силу жанровых ограничений работы не представляется возможным поместить здесь анализ эмпирического материала в полном объёме).

Глава 3.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

> «Гораздо в большей степени, чем мы могли бы себе представить, мы общаемся не с людьми из плоти и крови, а с их ролями, статусами и формами репрезентации социальных структур, к которым они принадлежат. Совершенно очевидно, что осознание этого факта приобретает особое значение в ситуациях взаимодействия культур».
>
> *(Condon, Yousef, 1975: 5)*

Национальный коммуникативный стиль в конкретной вербальной и невербальной формах проявляется во всех типах дискурсов лингвокультуры и, соответственно, может быть проанализирован на материале отдельных дискурсов этой лингвокультуры, интерпретируемых нами как культурно маркированные системы коммуникации. Яркими национально-специфическими чертами, как показывают наблюдения, обладают повседневный, политический, деловой и научный дискурсы. Особенности повседневной коммуникации являлись объектом нашего внимания выше. В заключительной главе рассматривается актуализация немецкого коммуникативного стиля в политическом и академическом дискурсах современной Германии.

В качестве материала для анализа использовались непосредственные высказывания участников вышеназванных типов институциональных немецких дискурсов, записанные на аудио- и видеокассеты; тексты периодических изданий и Интернет-сайтов; записи телевизионных политических дебатов и публичных выступлений ведущих немецких политиков; лингвоэтнографические протоколы научных конференций, университетских семинаров, консультаций и защит диссертаций; материалы анкетирования и верификационных бесед с носителями языка в период с 2000 по 2005 гг.

3.1. Немецкий коммуникативный стиль в контексте политического дискурса

3.1.1. Общая характеристика современного немецкого политического дискурса

В современной лингвистике, а точнее социолингвистике, дискурс понимается как общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение (Карасик, 2002: 281). По определению цитируемого автора, «институциональный дискурс есть

специализированная клишированная разновидность общения между людьми», коммуникативное взаимодействие которых осуществляется в соответствии с нормами данного социума (Карасик, 2002: 279).

Являясь предельно широким понятием, институциональный дискурс охватывает как языковую систему (ту её часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов), а также текст (Шейгал, 2000: 15). Политический дискурс относится к институциональному виду общения. Е.И. Шейгал рассматривает «политический дискурс» как понятие, равнозначное понятию «политическая коммуникация», и предлагает исходить из широкого толкования политической коммуникации, включая в неё любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики (Шейгал, 2000: 17, 23). Кроме того, поскольку в нашей работе анализируется коммуникативный стиль немецкого политического дискурса, мы будем опираться на одну из дефиниций зарубежных авторов, рассматривающих политическую коммуникацию в западных культурах как жёстко структурированную интеракционно-деятельностную систему, конституирующую взаимоотношения сфер политики и СМИ (масс-медиа) в целях организации постоянного коммуникативного взаимодействия с обществом как массовым (дисперсным) субъектом политической коммуникации (ср. Blumler, Gurevitch, 1995: 12). Подобную систему можно интерпретировать как продукт взаимопроникновения двух дискурсивных подсистем: политических институтов как

производителей внешней коммуникации и средств массовой информации, обрабатывающих и транслирующих политические тексты. При этом отношения политиков и журналистов в рамках политического дискурса регулируются специфическими ролевыми, нормативными и ценностными ориентирами, образующими в своей совокупности основу культуры политической коммуникации, опосредованной национальными контекстами разных стран (там же: 32).

Принятое нами за основу толкование политического дискурса через призму культуры политической коммуникации в контексте определённой страны предполагает общий обзор условий и особенностей развития немецкого политического дискурса. Как отмечают немецкие политологи и лингвисты, в конце прошлого и в начале нового тысячелетия в Германии значительно изменилось восприятие политики. Во-первых, в ней по-новому стал пониматься сам фактор коммуникации. Во-вторых, телевизионный медиум окончательно оформился как основной способ осуществления политической коммуникации. И, в-третьих, политические события стали интерпретироваться сегодня в основном характером отношений в режиме «население – партии».

Сущность изменений в области политической коммуникации современной Германии позволяют проследить доминирующие в разные годы модели политической коммуникации.

В первые три десятилетия существования ФРГ политическое общение в стране определялось в основном мо-

делью «приверженности» или «партийных сторонников» (Anhängerschaftsmodell). Верные сторонники рассматривали «свои партии» как «политическую Родину», идентифицируя себя с определённой политической силой и дистанцируясь от идейных «противников». Как приверженность «своим», так и отрицательное отношение, вплоть до ненависти, к «чужим» находило выражение в языковых средствах. Так называемые парольные слова и лозунги типа «*Wir waren immer schon SPD*», «*Ich bin CDU*» выполняли функцию консолидации в партийной борьбе и, соответственно, в политической коммуникации. Маркерами «чуждости» выступали политические инвективы-ярлыки по отношению к партиям-противникам: «*Schwarze Lumpen*» («чёрная рвань»), «*rote Verbrecher*» («красные предатели»), «*rote Socke*» («красный носок») и тд., формируя определённый коммуникативный стиль немецкого политического дискурса (ср. Klein, 1996: 5).

Модель «партийной приверженности» отражала такое содержание политической коммуникации, когда демаркационная линия проходила в рамках оппозиции своей или чужой партийной «территории». Политики как общая каста ещё не противопоставлялись электорату.

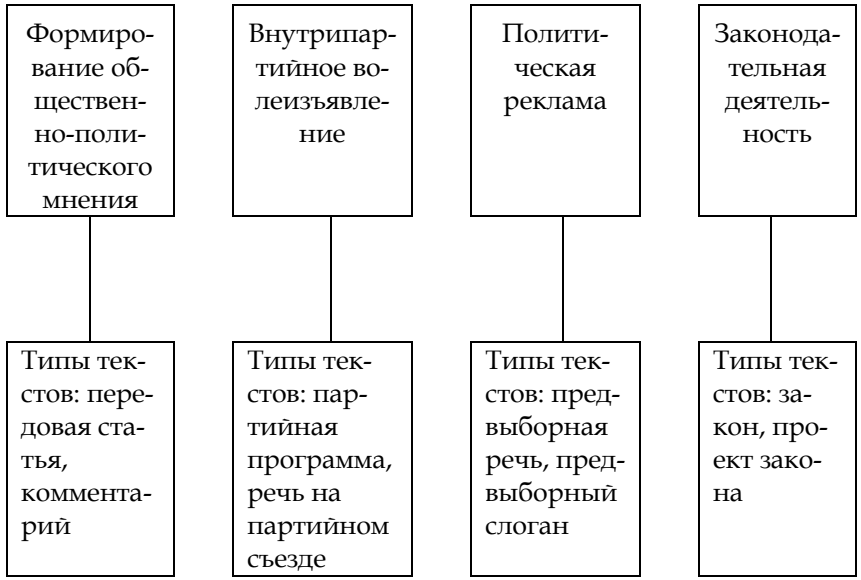
Пришедшая на смену старой новая «рыночная модель» («Marktmodell») политической коммуникации была следствием значительных изменений в немецком общественном мировоззрении. Политика и все связанные с ней институты стали восприниматься как рынок товара: население (или: электорат) в качестве потребителей, политические партии как продавцы. Прагматический и семантический знак интеграции «мы» как знак высокого доверия,

объединявший партии и их сторонников в «одной дискурсивной лодке», не мог существовать в новой парадигме отношений «продавец – клиент». «Рыночная модель» разделила политиков и население на два лагеря, трансформировав тем самым речевые стратегии и тактики политической коммуникации (там же, 7).

Анализ немецкой политической коммуникации последнего десятилетия на основе современных тенденций в области политики, упомянутых выше, значительного изменения опосредованного телевизионным медиумом коммуникативного поведения политиков позволяет говорить о постепенном вытеснении «рыночной модели» и её замене на «модель участия» («Partizipationsmodell»), отражающей тенденции восприятия политики массовым адресатом как общего дела, что, в свою очередь, должно интенсифицировать коммуникативные процессы в режиме граждане – граждане (Klein, 1996: 27).

Структуру политического дискурса современной Германии можно представить на основе взаимодействия четырех основных коммуникативных пространств (деятельностных сфер): формирование общественно-политического мнения, внутрипартийное волеизъявление, политическая реклама и законодательная деятельность. Каждой сфере соответствуют определённые типы текстов, озвучиваемые самими политиками или транслируемые средствами массмедиа (схема 8):

Схема 8



Некоторые из названных текстов являются прототипными для своего коммуникативного пространства, например, предвыборная речь для сферы политической рекламы. Кроме того, выделенные деятельностные сферы существуют не изолированно друг от друга, а в сетевом взаимодействии. Так, любой текст, «родом» из одного пространства, получает вариативное преломление во всех других (ср. Straußß, 1984/85).

Корпус текстов немецкого политического дискурса соотносится также с прагматическими языковыми функциями, релевантными с точки зрения реализации стиля политической коммуникации. При этом под языковой функцией понимается закодированная в речевом действии ин-

тенция агента политики (Girnth, 2002: 38). Х. Грюнерт рассматривает четыре функции языка (Grünert, 1984: 32–36), прагматические по своей сути. Отношения между правящей политической элитой и управляемым населением (другими словами, дистанция власти) отражаются в регулятивной языковой функции. Типичными текстами, в которых она реализуется, считаются конституция, законы, запреты, постановления, предписания и указы. В качестве примера приведём отрывок из обращения президента Германии Х. Кёлера по поводу досрочного роспуска немецкого бундестага и назначения новых выборов: *«Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger, ich habe heute den 15. Deutschen Bundestag aufgelöst und Neuwahlen für den 18. September angesetzt…. Die Parteien fordere ich auf, den Bürgerinnen und Bürgern ihre Vorstellungen über die Lösung der Probleme sachlich und wahrhaftig zu vermitteln…»* (Из телевизионного обращения президента 21 июля 2005г.).

Обратной стороной регулятивной функции является инструментальная языковая функция, проявляемая в текстовой деятельности групп и слоёв населения, обращающихся к общественности и к институциональной власти в силу разных намерений. Текстами подобного типа выступают воззвания, манифесты, листовки. Например, отрывок из распространяемых летом 2005 г. листовок: «*Vorsicht Wahlbetrüger! Kann man Edmund Stoiber noch trauen? Der CSU-Führung geht es nur um Macht und Geld. Die CSU ist nicht das «kleinere Übel», sie ist das Übel*».

Информационно-персуазивная языковая функция направлена на формирование общественного сознания массо-

вого адресата и служит обоснованию, мотивации, анализу, критике и оправданию действий политических институтов. Данная функция доминирует в современном политическом речеупотреблении, особенно в сфере политической рекламы, реализуясь в политологических текстах, дебатах, предвыборных речах и слоганах. Иллюстрацией информационно-персуазивной языковой функции может служить разнообразный политический материал, который сопровождал события, связанные с досрочными выборами канцлера ФРГ летом 2005г., например, многочисленные слоганы «*Zeit für den Wechsel!*», «*Wir für den Wechsel*», «*Näher an Menschen*» *(CDU/CSU); «Frische Ideen», «Arbeit mit der Zukunft» («Grüne»); «Zukunfts Gerecht» (SPD); «Weniger Steuern für mehr Arbeit»(FDP)* и др.; тексты политологического содержания с метафорическим наполнением, анализирующие, критикующие, рекламирующие актуальные события: «*Im Selbststurz des Kanzlers haben viele eine Farce gesehen. Bei der Betrachtung dieses Schauspiels ist aber die Handlung auf der Nebenbühne aus dem Blick geraten. Mit dem heutigen Tag schiebt sie sich ins große Haus des politischen Theaters. Kanzlersturz war gestern, heute ist Wahlkampf, und am Anfang steht ein Programm, das bei der SPD neuerdings Manifest genannt wird…. Es gibt einen ehernen Lehrsatz des erfolgreichen Wahlkämpfers – der von den drei P: Das Programm muss zur Person, die Person zum Programm, und das ganze auch noch zur Partei passen. Bei den Sozialdemokraten aber passt nichts zu gar nichts*…»[1]

[1] Из: Süddeutsche Zeitung № 151, 4.7.2005: „Die SPD danach" von Christoph Schwennicke.

Суть четвёртой интегративной языковой функции заключается в определении своей группы и её внутренней стабилизации, идентификации каждого со своим кругом и отмежевании от чужого. Интегративная функция ярко проявляется в текстах партийных программ, в речах по поводу памятных дат и личностей. Примером актуализации данной функции может служить практически любое выступление председателя партии ХСС (Бавария) Э. Штойбера, в том числе его речь по поводу 53 годовщины традиционных политических встреч партийных сторонников перед началом большого католического поста: «*Meine Damen und Herren! Herzlich willkommen zum 53. Politischen Aschermittwoch der CSU in Passau. Unser politischer Aschermittwoch ist der größte «Stammtisch» Deutschlands. Hier wird Klartext gesprochen, was auf dem politischen Spielfeld in Bayern und Deutschland läuft. Hier ist die «Südkurve der CSU»!.. Wer «Politischer Aschermittwoch» sagt, der meint CSU. Viele haben versucht, uns zu kopieren – ohne Erfolg!.. Wir, CDU und CSU, finden uns mit dem Skandal von fünf Millionen Arbeitslosen nicht ab. Wir wollen für die Arbeitslosen neue Chancen schaffen. Wir wollen anpacken für Deutschland.*» [1] и тд. Интегративная функция проявляется в этом высказывании уже на уровне отдельного прецедентного словоупотребления. Так, понятие Politischer Aschermittwoch является политическим прецедентным феноменом для партийного блока ХДС/ХСС. Отметим также (поскольку это актуально для нашего исследования), что для адекватного понимания данной прецедентной единицы

[1] http://www.stoiber.de/stoiberde/files/03/d33 050209aschermittwoch.pdf.

необходимы определённые культурно-фоновые знания, отсутствие которых может представлять «узел» коммуникативного напряжения в ситуациях межкультурного взаимодействия.

Все перечисленные типы специализированных текстов, находясь в функциональной взаимосвязи, конституируют современный политический дискурс Германии. Поскольку такого рода тексты создаются в институциональных сферах и распространяются, в основном, через средства массовой коммуникации, им присущ формально-стандартный коммуникативный стиль, характеризующийся речевым клишированием, определённым словоупотреблением (речь о котором подробнее пойдёт ниже) и тематическими предпочтениями.

3.1.2. Особенности немецкого коммуникативного стиля в политическом дискурсе

В культуре политического дискурса современной Германии выделяются две значимые парадигмы, определяющие тенденции и стиль политической коммуникации. Прежде всего, речь идёт о доминирующей коммуникативной стратегии «символической легитимации посредством коммуникации». Эта стратегия имплицирует интерпретацию основных ролей немецких политиков как ориентированных на партийно-политическую власть и актуализируемых в общении между политиками и журналистами. В контексте специфики немецкой политической коммуникации следует подчеркнуть также стратегию «партийной логики», суть которой заключается в продвижении норма-

тивных и властных аспектов политических партий и их агентов (актёров) посредством создания и распространения соответствующих политических сообщений (см. Pfetsch, 2003: 28, 51). В соответствии с названными тенденциями речевое поведение партийных представителей направлено на усиление своих партий как партийных институтов и формирование доверия населения к их программам. В качестве примера приведём цитаты из выступлений:

канцлера ФРГ, лидера правящей социал-демократической партии Германии (SPD) Г. Шрёдера: «*Ich bin seit 40 Jahren Mitglied der SPD und glaubt mir, ich bin stolz darauf, Vorsitzender dieser großen Partei sein zu dürfen. Und ich bin stolz darauf, dass wir bei der Bundestagswahl vor einem Jahr das zweite Mal in Folge stärkste Partei geworden sind. Das ist ein bisher einmaliger Erfolg der SPD in der deutschen Nachkriegsgeschichte. Lasst uns das im Alltag nicht vergessen! (…) Und lasst uns dafür sorgen, dass die Menschen spüren, die deutschen Sozialdemokraten wissen, was sie wollen. Sie wissen auch, warum sie es wollen*» [1];

председателя христианско-социального союза Э. Штойбера «*CDU und CSU stehen für eine solide Finanzpolitik. Das ist einer der gravierendsten Unterschiede zwischen Union und Rot-Grün. (…) Wir haben den Mut gehabt, wie im Wahlkampf angekündigt, den Haushalt auch gegen Widerstände zu konsolidieren und die richtigen Prioritäten zu setzen – zum Wohle einer lebenswerten Zukunft für unsere Kinder und Enkel*» [2].

[1] Süddeutsche Zeitung, № 265, 18.11. 2003.

[2] http://www.stoiber.de/stoiberde/files/03/d33 050209aschermittwoch.pdf.

Характерным для обоих выступлений является фатичность, проявляющаяся в повышенной эмоциональности и выразительности, тесное сочетание эксплицитных и имплицитных оценок, использование превосходной степени прилагательных, риторический приём повторения как усилитель прагматического эффекта, политическое противопоставление, актуализирующие в политическом дискурсе вышеназванную стратегию партийного продвижения.

Основу культуры современной немецкой политической коммуникации, как отмечалось выше, формируют нормативные и ценностные ориентиры её главных действующих лиц. При этом, по мнению немецкого лингвиста Й. Клайна, можно говорить об эффекте двойного воздействия нормативности на коммуникативное поведение политиков (Klein, 1996: 8–10). Прежде всего, презюмируется соответствие речевой деятельности политика общим максимам или заповедям коммуникативной этики: говори искренно, обоснованно, сущностно, информативно, ясно и честно, что, собственно, коррелирует с известными постулатами количества, качества, релевантности и способа общения, выделенными Г. Грайсом (Grice [1975] 1979: 249). Однако политики как представители конкурирующих сторон (партий) руководствуются в своей речевой практике чаще не коммуникативно-этическими правилами, а принципами партийной целесообразности, представляющими собой суть прагматические категории:

1. Излагай свою точку зрения позитивно!
2. Демонстрируй успешность и способность добиваться своего!

3. Сохраняй операциональное пространство деятельности открытым!
4. Не приумножай своей речью противников в релевантных для тебя группах!
5. Представляй позицию партийного конкурента как неприемлемую! (ср. Klein, 1996: 10).

Очевидно, что сформулированные стратегические максимы тематически можно объединить в две подгруппы в соответствии с базовой семантической оппозицией любого политического дискурса: «свои» (1–3), «чужие» (4–5).

Конфликт нормативных подходов с перевесом в пользу стратегий партийной солидарности (Parteiräson, Parteisolidarität) не может не отражаться на коммуникативном стиле и языке немецких политиков. При этом речь идёт об основных суггестивных техниках как неотъемлемом компоненте акта политической (читай: персуазивной) коммуникации, что прослеживается на разных уровнях от слова до речевого действия (события), включая тематические преференции.

На уровне семантики языковых знаков суггестивное воздействие реализуется в основном посредством метафорики и антонимии. По мнению исследователей, метафоры в политическом дискурсе полифункциональны (см. Drommel, Wolff, 1978: 71–86). Их употребление упрощает сложное содержание сообщения, служит положительному или негативному оцениванию референциальных объектов, интерпретирует политические действия. В частности, это касается так называемой органометафорики, активирующей ассоциативный ряд, апелляцию к знакомым и доверитель-

ным вещам. Например, достаточно часто цитируемая в недалёком прошлом метафора «*Politik der ruhigen Hand*» стала своего рода девизом (символом) политической деятельности федерального канцлера ФРГ Г. Шрёдера. Так, в одной из его речей находим: «*Ich bitte also einfach darum zu verstehen, dass die Bundesregierung den Kurs, den ich beschrieben und begründet habe, beibehalten wird, dass sie sich einer hektischen Debatte nicht anschließen will und aus nationalen wie internationalen Erwägungen nicht darf sowie dass sie ganz entschieden eine Politik weiterverfolgen wird, die in der Finanz- und Wirtschaftspolitik auch deshalb eine Politik der ruhigen Hand gennant wird, weil sie auf Kalkurierbarkeit setzt. Ich bin fest davon überzeugt, dass das mittelfristig das einzige Rezept ist, um die Wachstumsdelle, die in Deutschland weltwirtschaftlich verursacht worden ist, auszugleichen*«[1].

Метафорическое выражение «*политика спокойной руки*» выполняет функцию положительно ориентированной интерпретации и оценки политических действий федерального правительства Шрёдера, коннотируя такие понятия как постоянство, надёжность и невозмутимость (*Stetigkeit, Verlässlichkeit, Gelassenheit*). В такой перспективе данная метафора вызывает у людей ассоциации, характеризующие роль ведущего политика как уверенного штурмана, управляющего кораблём вопреки всем бурям и ненастьям. В то же время на примере этой метафоры можно проследить процесс её использования политическими противниками на основе переоценивания и наполнения новым содержанием (рефрейминг содержания). Вместо вышеназванных

[1] Из речи Г. Шрёдера 26.6.2001 по поводу 10-летнего юбилея фирмы «Jenoptik»; цит. по Girnth, 2002: 58.

положительно коннотированных признаков «политика спокойной руки» коррелирует в подаче оппонентов с негативно окрашенными понятиями «бездеятельности и застоя» (*Untätigkeit, Stillstand* – введение нового слота во фрейм метафоры): «*Bei Schröder dagegen: Stillstand und Ankundigungspolitik… Drei Regierungserklärungen, vier SPD-Regionalkonferenzen, x Kommissionen, aber keine Ergebnisse…*». Подобное переосмысление метафорического значения побуждает к ответному коммуникативному ходу, что проявляется в интерпретациях собственной метафоры в многочисленных интервью Г. Шрёдера. В частности, в одном из выступлений, отвечая на вопрос об обоснованности его политики «спокойной руки», канцлер аргументирует: «*Diese Vorzüge unserer Volkswirtschaft herauszustreichen und stärker zu nutzen, darum geht es mir. Und daran können Sie auch erkennen, was ich mit «ruhiger Hand» gemeint habe. Das bedeutet aber gerade nicht, untätig zu sein*»(там же).

Политическое словоупотребление является важным инструментом дискурсивной деятельности политика, отражая процессы многочисленных селективных решений, принимаемых политиком, суть которых заключена в прагматике основного вопроса: Как обозначить – что – для кого – в какой коммуникативной ситуации? Ответы на этот вопрос можно найти в рамках теории номинации, актуализирующей в политическом дискурсе не только акты политической референции, но и точку зрения, оценку, выражаемые политиком в отношении именуемых им референтов, поскольку номинация понимается как «референция в сочетании с оценочной прагматикой» (Bellmann, 1996: 11).

Таким образом, демонстрация политическим деятелем собственной оценки в акте именования способствует «выработке у массовой аудитории преферирующей диспозиции по поводу соответствующих объектов (денотатов)» (ср. Sager, 1982: 40), которая ведёт к передефинированию сущности этих денотатов у общественности.

В соответствии с интенцией политика номинации выполняют функции модификации, утверждения или поляризации установок адресата. Модификация взглядов, поведения многочисленных реципиентов (дисперсной публики) в политической коммуникации реализуется, как правило, на основе текстов с информативно-персуазивной функцией. В них же используются номинирующие выражения, имеющие целью поляризацию установок адресата. При этом намерение политика заключается, прежде всего, не в изменении мнений и позиций слушателей, а в чёткой презентации своей точки зрения и в стимулировании тем самым обратной ответной реакции со стороны участников прямого или опосредованного политического взаимодействия.

Утверждение и усиление имеющихся у электората установок осуществляется, в основном, посредством текстов с интегративной функцией.

Как показывает анализ основных коммуникативных пространств современного политического дискурса Германии, в немецком коммуникативном стиле актуализирован целый ряд слов и выражений, номинирующих референциальные объекты, наиболее значимые и актуальные в контексте немецкой общественно-политической реальности.

Структурирование данных номинаций позволяет говорить об основных номинационных блоках, репрезентирующих специфические институциональные сферы мира политики Германии в их соотнесённости с партийно обусловленными приоритетами, нормами и ценностями:

1. «Номинации политических групп и политиков», объективирующих фундаментальную дихотомию политического дискурса «свои» – «чужие» (Bürger, Liberale, Christdemokrat, Demokrat, Deutsche, Genosse, Grüne, Lobbyst, Opportunist, Sozialdemokrat, Kanzler, Medienkanzler).
2. «Номинации политически релевантных действий», отражающих как положительно оцениваемую деятельность собственной группы (Gestaltung, Steuerreform, Reform, Aufbau, Innovation), так и отрицательно воспринимаемые действия партийной оппозиции (Null-Wachstum, Misswirtschaft, Zick- Zack-Kurs, rot-grüne Show-Politik, Merkelsteuer).
3. «Номинации политически релевантных установок», коррелирующих с ценностными ориентациями своих партий (Moral, Normen, Scham, Schmerz, Trauer, Wahrheit, Wissen, Prinzipien, Leitkultur, multikulturelle Gesellschaft, multi-kulti).
4. «Номинации политически релевантных интенций и интересов», чаще всего эксплицируемых в партийных программах и имеющих, как правило, идеологическую доминанту (Menschenrechte, Solidarität, Freiheit; Frieden, Pflicht, Verantwortung, Aufgabe, Pluralismus, nationales Bewußtsein)
5. «Номинации политически релевантных систем и институций», выражающие оценочное отношение к ним

разных партийных течений (Gewerkschaften, Koalitionsparteien, Union, Rot-Dunkelrot-Grün, «Landesliga», «Bundesliga»).

6. «Номинации политически релевантных событий», обусловленные положением дел в определённый политический период и в наибольшей степени отражающие прагматическую оценку политиками событий на шкале «положительно» -«отрицательно», в соответствии со своей партийной принадлежностью (Vertrauensfrage, Wahlmanifest, Manifest der Außenseiter, scheißerischer Antrag, «Siegen Zwerge?.. Und da kam ein Schneemerkel») (ср.Girnth, 2002: 59).

На уровне речевых действий в коммуникативном стиле немецких политиков доминируют стратегии *легитимации* собственной позиции и *делегитимации* позиции партийного оппонента, трансформируемые часто в самовосхваление, с одной стороны, и в полемику с элементами диффамации (клеветнических выпадов) в отношении противоположной стороны. Обе стратегии разворачиваются в коммуникативном модусе аргументации и объяснения. Аргументативный фрейм, в свою очередь, включает когнитивно-языковые операции индукции, аналогии, каузальности, тавтологии и ссылки на авторитет, используемые в целях манипуляций мнением населения как коллективного адресата политической коммуникации. Типично ярко выделенные стратегии встречаются в речах лидера баварской партии ХСС (христианско-социальный союз) Э. Штойбера: «*Ganz Deutschland kann sehen: Es gibt eine bessere Politik als die von Rot-Grün in Berlin. Es gibt eine Politik, die Wort halt. Es gibt eine Politik, die nicht nur redet, sondern auch handelt, und zwar er-*

folgreich handelt. Bayrische Politik ist das Kontrastprogramm zur rot-grünen Show-Politik in Berlin, das Kontrastprogramm zur rot-grünen Beliebigkeit, das Kontrastprogramm zu Zick-Zack-Kurs, Ankundigungspolitik und gebrochenen Versprechen… Wir in Bayern reden nicht, wir handeln…Bayern ist das einzige Land, in Deutschland, das in den letzten zehn Jahren substanziell zusätzliche Arbeitsplätze geschaffen hat: Plus 105.000;… 5.300 zusätzliche Lehrer; 1,3 Milliarden Euro für die High-Tech-Offensive; Konsequenter Abbau der Neuverschuldung» (аргументирующая легитимация политики своей партии с элементами самовосхваления). «*…Wir haben es der Weitsicht und Durchsetzungskraft von Männern wie Alfons Goppel und Franz Josef Strauß zu verdanken*» (апелляция к авторитету, использование прецедентных для данного социума имён). И далее: «*…Tagelang wurde in den Medien nicht darüber diskutiert, dass der Mann (Kanzler) kein Konzept für die Finanzierung der Steuerreform hat, sondern darüber wohin die Familie Schröder in den Urlaub fährt. «Rimini oder Hannover» ist wirklich nicht die deutsche Schicksalsfrage. Deutschland braucht keinen Medienkanzler. Deutschland braucht einen Kanzler, der die Probleme löst…Das Ergebnis (der Politik der regierenden Partei) ist erschütternd: Schulden, Schulden und nochmals Schulden. Der angebliche Rest sind über 70 %. Das ist kein Finanzierungs-Mix, das ist ein Finanzierungs-Nix!*»[1] (очевидная стратегия делегитимации действий политического оппонента с элементами диффамации).

При реализации стратегии легитимации/делегитимации представители партий наряду с вербальным кодом ис-

[1] Из речи председателя ХСС Э. Штойбера на 68 съезде партии 19.07.2003 (Нюрнберг).

пользуют также цветовую символику. Например, на рекламно-агитационном уличном щите программные лозунги СДПГ были представлены на красном фоне (цветовая метафора, номинирующая партию): «*SPD: Erneuerung der sozialen Marktwirtschaft: Sicherung des sozialen Zusammenhaltes*». Дискредитирующий текст в отношении намерений политического оппонента расположен по соседству на чёрном цветовом фоне: «*CDU/CSU: Abschaffung der sozialen Marktwirtschaft: Verunsicherung und Spaltung*».

В ряду названных стратегий немецкого коммуникативного стиля, в политическом дискурсе встречается также суггестивная стратегия *маскировки* как способ речевого вуалирования содержательных, этических, логических просчётов политических организаций и их агентов. При этом «маскировочную» функцию выполняют часто так называемые слова-загадки (Vexierwörter), целенаправленно активирующие в сознании адресата заданные представления о внеязыковой реальности, отличающиеся от существующего положения вещей или традиционных общепринятых значений, выражаемых этими словами. В качестве примера можно привести употребляемые в вышеназванной функции представителями разных партий понятия-загадки как своего рода мистификаторы: *Reformen, Chancen, der neu Weg, Zeit*. В презентациях своих программ и концепций партии используют одни и те же лексемы, вкладывая в их семантику своё стратегическое содержание (разные денотативные компоненты). Так, в еженедельной передаче центрального канала «Nachtduell», аналога отечественной политической программы «К барьеру», отвечая на упрёки представителя партии ХДС Г. Мильбранда, Р. Шмидт

(СДПГ), маскируя проблемы партийной деятельности, говорит: «Wir sind am Anfang *der Reformen*, nicht am Ende…. Ich spreche über die *Zukunft*, Sie wollen Herr Milbrand, über die *Vergangenheit* sprechen.» Представляя основные направления деятельности своей партии, её председатель А. Меркель (ХДС) акцентирует: «Unser Ziel ist Deutschlands *Chancen* zu nutzen: Wachstum, Arbeit, Sicherheit. Wir möchten den *Weg für ein besseres Deutschland* gehen». В трактовке канцлера Г. Шрёдера звучит: «Mit den *Reformen,* die unsere Partei begonnen hat, gehen wir einen *neuen Weg*»[1].

Проявление коммуникативного стиля на тематическом уровне в политическом дискурсе сегодняшней Германии отмечено, как показывает исследование, рядом доминирующих тем (макропропозиций), затрагивающих внутренние и внешние проблемы страны. По-прежнему актуальными осознаются глобальные темы объединения/воссоединения Германии, закон о миграции, Евросоюз, еврейский вопрос в аспекте вины за 3-й Рейх, проблема возрастающей безработицы и некоторые другие. Достаточно ярко тематические предпочтения в дискурсивной деятельности современных немецких политиков, представляющих ключевые партии Германии, нашли отражение в правительственных предвыборных дебатах и выступлениях летом 2005 года. Наш анализ позволил выделить несколько основных тематических направлений политической коммуникации: *Außenpolitik, Steuern, Arbeitsmarkt, Marktwirt-*

[1] Цитаты из передачи «Nachtduell» 13.07.05. ZDF, а также телевыступлений ведущих немецких политиков.

schaft, Innere Sicherheit, Zuwanderung, Rente, Gesundheit, Gesellschaft und Familie, Bildung und Forschung, Umwelt und Energie, Bundeswehr.

Партийно-политические манипуляции на тематическом уровне осуществляются с помощью таких дискурсивных техник, как односторонний выбор тем и аргументов, сопровождающихся упрощением смысла, поляризацией, гиперболизацией и эмоционализацией обсуждаемого содержания. При этом, например, эмоционализация проявляется на разных уровнях: просодическом (повышение тона голоса и ускорение темпа речи по мере развития аргументации, почти полное отсутствие пауз), невербальном (энергичная жестикуляция, выразительная мимика), вербальном (использование юмора для экспликации своего отношения к факту-референту): «Das ist die Politik nach dem *3-Affen-Prinzip*: Nichts sehen, nichts hören, nichts sagen«; «…Ergebnis: Niemand ist diskriminiert. Aber niemand hat Arbeit. Außer den Gerichten! *Operation gelungen – Patient tot*! Das versteht Rot-Grün unter Bürokratieabbau!«; «Der Euro wird zum Teuro»(ZDF, Phoenix)).

Коммуникативно-прагматические наблюдения за особенностями немецкого коммуникативного стиля в контексте политического дискурса позволяют сделать вывод о его ярко выраженной детерминированности культурной константой «свои – чужие», что с очевидностью проявляется на всех рассмотренных выше уровнях экспликации стиля. Сигналом противопоставления «свой круг» – «чужой круг» можно считать также обращение как коммуникативное средство адресации, имплицирующее партийную принадлежность говорящего и тех, к кому он апеллирует. Так, для

коммуникативного стиля, конституирующего официальный дискурс СДПГ (SPD), характерно обращение «*(liebe) Genossen und Genossinnen*», либо в менее официальной обстановке «*liebe Freunde und Freundinnen*». В одном из текстов выступлений лидеров ХСС (CSU) маркером указания на «чужих» является, в том числе, саркастически-ироничное упоминание типичного для партийных оппонентов обращения: «… Wer die Empörung von Müntefering und Schröder im Ohr hat, der wird es nicht glauben: Einen Brief vom heutigen Vorsitzenden der SPD *an die lieben Genossinnen und Genossen…*» [1].

Традиционным для стиля коммуникации в рамках политического общения блока ХДС/ХСС (CDU/CSU) выступает обращение «*Meine Damen und Herren*», с помощью которого устанавливается и поддерживается речевой контакт с массовым адресатом в течение всей ситуации коммуникативного взаимодействия. Анализ многочисленных выступлений представителей этих партий позволяет отметить значительную частотность употребления обращения (например, в речах Э. Штойбера до 25 раз за выступление), выполняющего, по сути, метакоммуникативную функцию. Прежде всего, обращение реализует здесь фатический метакоммуникативный ход, и, кроме того, играет роль дейктической единицы, привлекая внимание слушателей к введению нового тематического блока и указывая на его значимость.

[1] Из материалов политической встречи членов партии и сторонников ХСС в Пассау 9.2. 2005.

В политическом общении партии «Зелёных» («Grüne») распространено обращение «*Kollegen/Frau Kollegin*» как маркер партийной корпоративности. На заседаниях бундестага обычно принято обращаться «*(meine) sehr geehrte (n) Damen und Herren*». Своеобразными надпартийными формами обращения государственных лиц к общественности являются нейтральные «*liebe Mitbürger und Mitbürgerinnen*».

В плане оппозиции «свой» – «чужой», лежащей в основе легитимирующей и делегитимирующей коммуникативной деятельности современных политиков Германии, представляется возможным выделить ещё одну особенность немецкого коммуникативного стиля, обозначенную в нашем исследовании как именные и/или партийные экспликатуры. Как показывает анализ основных коммуникативных пространств немецкого политического дискурса, большинство озвучиваемых в них текстов (за исключением сферы законодательной деятельности) традиционно содержит прямые критические апелляции к политикам и их партиям, в том числе к лицам, занимающим высшие посты в государстве. Многочисленные именные экспликатуры, часто сопровождаемые разнообразными средствами вербальной агрессии, можно считать в целом коммуникативной нормой политического институционального общения Германии сегодня. Напомним при этом, что суть вербальной агрессии в широком понимании заключается в нацеленности на ниспровержение оппонента, понижении его политического статуса (Шейгал, 2000: 131). Приведём примеры из корпуса исследованных материалов, демонстрирующих вышеназванные проявления немецкого коммуникативного стиля.

Предвыборный манифест (SPD-Wahlmanifest) СДПГ в части, констатирующей достижения страны под руководством правительства Шрёдера, содержит в первых же строках критическую ссылку на оставшееся наследие от правительства Г. Коля: «*Das schwarz-gelbe Erbe von Helmut Kohl: Helmut Kohl und seine Regierung aus CDU/CSU und FDP haben 1998 ein schweres Erbe hinterlassen und Angela Merkel war dabei…. Helmut Kohls selbstgerechneter illegaler Umgang mit öffentlichem Geld und Parteifinanzen hat sich in der Flickaffäre, im Parteispendenskandal 1999/2000 und in Bestechungsskandalen gezeigt und bleibt ein schwarzer Fleck in der deutschen Demokratie.*«[1] Явно обвинительная направленность именного и партийного апеллирования усиливается употреблением лексических единиц пейоративного характера: *позорная афера, партийный скандал, скандал в связи с делом о взяточничестве, «чёрное пятно» немецкой демократии*.

Из выступления Э. Штойбера: «*…Dieser Kanzler redet über alles, nur nicht über das Kernproblem: die Massenarbeitslosigkeit…Schröder hat aufgegeben! Er hat fünf Millionen Menschen in Deutschland einfach aufgegeben. Er ist mit seinem Latein am Ende. Er kapituliert vor dem Kernproblem in unserem Land.*«[2] Показателем политической дистанцированности в этом отрывке является, прежде всего, указательное местоимение *этот* как элемент дейксиса, имплицирующий пренебрежительное восприятие действующего главы правительства. Именная экспликация осуществляется в четырёх строчках тремя ре-

1 Из предвыборного манифеста СДПГ, 4.07.2005. http://www.spd.de.

2 Из речи Э. Штойбера «Es gilt das gesprochene Wort» на партийной встрече в Пассау «Südkurve der CSU», 9.02.2005.

ференциальными средствами: канцлер (существительное), Шрёдер (имя собственное), он (личное местоимение). Многократное употребление местоимения, фразеологизм «не знать, что делать/говорить дальше» («mit seinem Latein zu Ende sein») усиливают эффект речевой агрессии в адрес оппозиционной партии.

Не редки в немецком политическом дискурсе определённые манипуляции с именами известных политиков. В некотором смысле, как представляется, можно соотнести политически обусловленное употребление имён политиков с теорией лексической политической семантики (см. Hermanns, 1982; Klein, 1989).

В рамках вышеназванной теории исследователи выделяют в контексте политической коммуникации программные или знаковые слова (также сигнальные слова: Юдина, 2001a; Schlagwörter) как, своего рода, конденсаторы партийных программ; лозунговые или «знамённые» слова (Fahnenwörter) как позитивно коннотированные лексемы, апеллирующие к ценностной системе координат своей группы; и стигматизмы (Stigmawörter), отрицательно коннотированные слова, соотносимые с идеологической парадигмой политических противников. Исходя из данного подхода, оскорбительные манипуляции, например, в отношении имени председателя ХДС А. Меркель: «*Angela Merkel, asoziales Ferkel*» (грубое пародирование имени за счёт конструирования ассоциаций по созвучию)[1] или подобное

[1] Из публикации «Ich mach´ das allein». «Frankfurter Allgemeine», 24.07.05. S.3.

«*Merkelsteuer wird teuer*«[1], можно рассматривать как именные стигматизмы, используемые представителями партийной оппозиции. Тогда как в кругу сторонников имя лидера явно идентифицируется со знаковым лозунговым словом.

Наши наблюдения за актуализацией немецкого коммуникативного стиля в условиях естественного политического дискурса позволяют сделать вывод о некоторой разнице его проявлений в ситуациях непосредственного публичного выступления политика перед массовым адресатом и в опосредованных масс-медиа ситуациях телевизионных интервью, бесед, дебатов. Подобное мнение на основе своего исследования высказывает также Т.В. Юдина в отношении немецкой общественно-политической речи, интерпретируя последнюю как дифференцированное образование, в котором сосуществуют разные политические стили (Юдина, 2001б: 5).

Коммуникативный стиль выступления перед живой массовой аудиторией в целом гораздо в большей степени, чем стиль общения с ведущим телепрограммы, маркирован невербально, харизматичен, характеризуется большей силой речевого воздействия (суггестивностью) и показной манерой коммуникативного поведения. В этой связи можно говорить о разной риторической самопрезентации и самоподаче политического деятеля в разных контекстах дискурсивной деятельности. Более подробно дистинктивные признаки публичных речей политиков и их выступлений

[1] F. Müntefering (SPD) – из телевизионной передачи (ZDF).

в телевизионной передаче систематизированы в следующей таблице:

Дифференциальные признаки стиля немецкой политической коммуникации в разных контекстах реализации

Коммуникативный стиль политика, выступающего публично	Коммуникативный стиль политика в телевизионной передаче
Харизматичность	Уравновешанность
Фасцинативность	Информативность
Эмоциональность	Рациональность
Агрессивная «свой – чужой»-маркированность	Политически корректное противопоставление своих и чужих
Широкое употребление политических ПФ	Минимум использования ПФ
Быстрый темп речи	Средний темп речи
Редкие паузы	Паузы хезитации
Активная жестикуляция	Минимум жестикуляции
Речевое лидерство	Ограниченное речевое лидерство
Коммуникативный вклад самоподконтролен	Коммуникативный вклад регулируется журналистом и репликами других участников

В прагматическом плане контекст проявления коммуникативных стилей политиков обусловлен, в том числе, локально-темпоральными условиями взаимодействия. Для коммуникативной ситуации открытого публичного выступления характерна дистанция публичного общения в

режиме оратор-публика. Это контактное общение, когда слушатели находятся в поле зрения говорящего, в отличие от дистантной массовой коммуникации (например, в ситуации телевизионного интервью), осуществляемой посредством СМИ.

Нижеследующие фрагменты из телевизионных интервью цикла первого немецкого канала «Репортаж из Берлина» демонстрируют большинство из выделенных микроконтекстных признаков коммуникативного стиля, свойственного контексту реализации в режиме интервью, а также других признаков, представленных выше в рамках основных групп стилеформирующих факторов.

В первом эпизоде главный редактор программы Т. Рот (R) и его заместитель Т. Бауман (B) интервьюируют федерального канцлера Г. Шрёдера (K) по поводу предстоящих выборов в немецкий Бундестаг и нового канцлера ФРГ:

(…)

B: 5,2 millionen arbeitslose haben wir erfreulicherweise nicht mehr – es sind äh 4,7 millionen – aber herr bundeskanzler – wenn man diesen satz von peter hartz hört – dann muss man doch feststellen – ihre bundesregierung hat äh viel versprochen – aber nicht geliefert.

K: 1. ich glaube nicht – dass man in so kurzer zeit den arbeitsmarkt in ordnung bringen kann – 2.16 jahre lang vor unserer zeit ist nichts geschehen – während andere länder – äh wie etwa die skandinavier – die notwendigen reformen in den 90er jahren durchgesetzt haben – und jetzt die erfolge ernten – 3. es braucht zeit – nehmen sie das bitte nicht als ausrede – sondern als hinweis darauf – dass das begonnene fortgeführt werden muss – denn – es beginnt erfolge zu zeitigen – 4. wir haben die niedrigste jugendarbeitslosigkeit

in europa – das wird gelegentlich übersehen – 5. aber das ist ein erster erfolg der reformpolitik – 6. wir müssen uns kümmern um diejenigen – die äh älter sind – und wir haben es geschafft – die erwerbstätigkeit von älteren menschen – die reale erwerbsstätigkeit – nach oben zu bringen – 7. das reale renteneintrittsalter war früher bei 59 – ist jetzt deutlich über 60 – 8. das sind alles dinge – die mit den reformen zu tun haben – 9. aber wenn sie sich die wirtschaftsdaten anschauen – dann wird diese mischung aus reformen auf dem arbeitsmarkt – und wachstumserwartung – berechtige wachstumserwartung – auch zu einer reduzierung der arbeitslosenzahlen führen – 10. ich bin sehr vorsichtig geworden – auch äh aus erfahrung – wenn sie so wollen – was prognosen angeht – 11. sie können die äußeren einflüsse – zum beispiel – selten kontrolieren – dass es einen ölpreis von 60 dollar pro barrel und darüber gab – während wir am anfang bei – äh glaube ich – wenn ich es richtig im kopf habe – knapp über 20 waren – manchmal darunter – 12. das ist durch nationale politik nicht zu beeinflussen – 13. das hat natürlich auswirkungen auf die wirtschaft.

R: ja – aber gibt es das problem bei hartz nicht – gibt es nicht zwei probleme – einmal – sie haben es vorher nicht gesagt – dass er kommt – und zum zweiten – ist es in wirklichkeit nicht ein programm – dass dann funktioniert auf dem arbeitsmarkt – wenn die konjunktur gut ist – die ist aber nicht gut.

S: ja – sie haben ja recht – herr roth – dann funktioniert es besser – aber sie können ja nicht darauf warten – sie haben völlig recht und auch die experten – die darauf hinweisen – (…) – aber zuwarten war nicht möglich – sonst wären uns die systeme bei der alterssicherung – bei der gesundheit zusammengebrochen[1].

[1] Из телевизионного интервью с канцлером ФРГ Г. Шрёдером 07.08.2005: Bericht aus Berlin (ARD).

Разумеется, графически невозможно передать акустическое и визуальное восприятие собеседника, его жесты и мимику, озвучить такие элементы стиля, как голосовые модуляции, интонации, темп, тембр, громкость. Можно только описать, что разговор шёл в умеренном темпе, аффективно нейтрально, без ярко выраженной жестикуляции, с небольшими паузами между частями реплик.

Вопрос, собственно представляющий собой оценочную реплику журналиста, звучит прямолинейно обличительно: «*…Ваше правительство много обещало, но ничего не добилось (не сделало)*!», что свойственно эксплицитному стилю низкоконтекстной коммуникации. Коммуникативный фокус сконцентрирован на информации по поводу безработицы (приводятся цифры). Кроме того, вопрос имплицирует эгалитарные отношения коммуникативных партнёров, соответствующие небольшой дистанции власти в немецкой культуре, что позволяет задавать прямые нелицеприятные вопросы одному из первых лиц в государстве.

Ответ канцлера отражает особенности рационального личностного коммуникативного стиля, ориентированного на говорящего и на реализацию конечной цели интеракции: предоставление фактических данных и аргументов для убеждения слушателей. Предлагаемая аргументация разворачивается линейно, информация структурируется по тематическим блокам на основе причинно-следственных и интенционно-инструментальных связей (реплики 2, 4–8, 11–13). Сигналами индивидуальной идентичности в ответе канцлера выступают средства авторизации *(«Ich glaube…», «Ich bin sehr vorsichtig geworden,…», «…glaube ich,*

wenn ich es richtig im Kopf habe…»), передающие личностное мнение, оценки и предложения. Отметим также наличие в высказывании метакоммуникативных выражений адресации: («…nehmen Sie das bitte nicht als Ausrede, sondern als Hinweis darauf,…», «…wenn Sie so wollen,…»).

Второй в этом фрагменте вопрос, как и второе высказывание Г. Шрёдера, актуализируют стратегию диссонанса (разногласия), типичную для немецкого коммуникативного стиля в пространстве институциональных дискурсов (die «ja-aber» Strategie). «Да,.. – но… – стратегия» реализуется посредством краткой позитивной оценки «да», выполняющей, кроме всего прочего, в качестве фатического компонента высказывания контактоподдерживающую функцию, и союза «но» как дискурсивно-прагматического элемента, вводящего контраргумент: «*Ja, aber gibt es das Problem bei Hartz nicht…*«; «*Ja, Sie haben ja Recht, Herr Roth. Dann funktioniert es besser. Aber Sie können ja nicht darauf warten*».

С прагмалингвистической точки зрения стиль ответных реплик канцлера реализует информационно-персуазивную языковую функцию, интенционально направленную на модификацию общественного сознания, анализ и оправдание действий своей партии как одного из политических институтов. Номинируемые при этом политически релевантные события служат, в первую очередь, легитимации собственных позиций и приоритетов, позитивной самопрезентации правительства: *erster Erfolg der Reformpolitik, die reale Erwerbstätigkeit, das reale Renteneintrittsalter, die niedrigste Jugendarbeitslosigkeit, berechtige Wachstumserwartungen, Reduzierung der Arbeitslosenzahlen.* Делегитимация партийной оппозиции проявляется в интервью, как нами было отмечено выше,

достаточно корректно по сравнению с публичным речевым поведением: «*16 Jahre lang vor unserer Zeit ist nichts geschehen…*». Коммуникативный ход заканчивается аргументом по аналогии, призывающим адресата самому судить о последствиях бездеятельной политики предыдущей исполнительной власти: «… *während andere Länder, wie etwa die Skandinavier, die notwendigen Reformen in den 90-er Jahren durchgesetzt haben und jetzt die Erfolge ernten*».

Следующий фрагмент взят из телевизионного интервью с председателем ХДС А. Меркель, на примере которого продолжен анализ немецкого коммуникативного стиля в институциональных рамках современного политического дискурса Германии.

(…)

Roth: frau merkel – wie erklären sie sich – dass sie äh keinen heimatbonus – nenne ich das mal – mitbringen – bei edmund stoiber – da steht bayern da hinter – bzw. die csu in dem fall – niedersachsen hinter wulff – baden-württemberg hinter oettinger – warum haben sie keinen heimatbonus?

M: also – 1. mein heimatland steht schon hinter mir – 2. der osten ist auch nicht der osten – und außerdem – 3. ich möchte kanzlerin aller deutschen sein – 4.darum kämpfe ich – und da gehören die ostdeutschen natürlich dazu – 5.aber meine heimat ist mecklenburg-vorpommern – wenn man es sich politisch anschaut – 6.und – insofern glaube ich – dass ich die probleme der menschen dort – sehr sehr gut kenne – 7.und – ich bin im übrigen auch der überzeugung – dass wir die lage in den neuen bundesländern verbessern können – dass der weg länger ist – dass viele menschen auch enttäuscht wurden – enttäuscht auch schon in den zeiten – als wir unter helmut kohl – regiert haben – jetzt durch schröder – noch mal massiv enttäuscht wurden –

8. und meine ansprache an die menschen in den neuen bundesländern wird ganz klar sein – leute – wir können es schaffen – und es hat keinen sinn – nur auf protest zu setzen mit menschen – wie gysi und lafontaine – die vor der verantwortung immer weggelaufen sind

R: der faktor – die ist eine von uns – ich sag das mal so salopp – der scheint irgendwie nicht durchzudringen

M: ich glaube – 9.dass äh es ganz wichtig ist – dass meine person und die tatsache – dass ich kanzlerkandidatin bin – ja auch ein stück gelungener deutscher einheit ist – 10.auf der anderen seite – sehe ich und weiß ich – dass viele viele menschen ihre träume – ihre wünsche im zusammenhang mit der deutschen einheit nicht umsetzen – nicht verwirklichen konnten – 11.und darüber kann man nicht einfach hinweggehen – eben hat einer richtig gesagt – man sollte das befinden – einfach auch wahrnehmen – 12.und ich werde das so tun – wie ich das für richtig halte – aber nicht jetzt wieder eine neue deutsche teilung einführen – als würden wir ost und west getrennt behandeln[1].

Поясним, что вопрос журналиста в этом кусочке интервью вводит новую тему интеракции, затрагивающую проблему политической «родины» кандидата в федеральные канцлеры А. Меркель и является на данном этапе прагматически инициативным. При этом понятие, используемое Т. Рот для номинации проблемы («Heimatbonus»), можно отнести к числу так называемых «камней коммуникативного преткновения» или словам-конденсаторам культурно-политического смысла (Hotwords). Культурная и политическая нагруженность данной лексемы не позволяет легко перевести её, и в межкультурном общении она

[1] Фрагмент телевизионного интервью с А. Меркель 31.07.05: Bericht aus Berlin (ARD) .

может быть правильно проинтерпретирована только при наличии определённых пресуппозиций в отношении немецкой политической реальности.

Развитие обозначенной темы со стороны Меркель представляет собой перехватывание ею коммуникативной инициативы и переход к следующей глобальной для немецкого политического дискурса теме объединения восточных и западных земель (2; 4; 8–12). В соответствии с этим в пропозиции её высказываний эксплицируются феномены национального уровня прецедентности, входящие в национальную когнитивную базу и известные любому жителю сегодняшней Германии: *der Osten, die Ostdeutschen, neue Bundesländer, deutsche Einheit, Ost und West, neue deutsche Teilung*. Представляется, что подобные прецедентные единицы, имеющие особый смысл и значимость в контексте стиля политической коммуникации, можно рассматривать как политические прецедентные феномены, поскольку их знание соотносится с национально-культурной спецификой общественно-политической ситуации в стране.

Анализируя отрывок интервью далее, важно отметить, что в репликах А. Меркель очевидно проступают такие черты национального коммуникативного стиля немцев, как рациональность, точность и однозначность, а также личностная ориентированность. Вербальными сигналами последней считаются, прежде всего, дейктические элементы, в изобильном количестве фигурирующие в речи говорящей: *darum kämpfe ich, meine Heimat, ich glaube, dass meine Person, dass ich Kanzlerkandidatin bin, auf der anderen Seite sehe ich und weiß ich ect.* Открытость коммуникативного поведе-

ния А. Меркель в интервью, самопрезентация и самоутверждение в высказываниях (3, 9), целенаправленность и ясность («*Und meine Ansprache an die Menschen… wird ganz klar sein*), взвешанное дозирование информационных вкладов отражают особенности аргументированного, точного коммуникативного стиля. В этом отрывке хорошо видны также такие черты немецкого национального стиля коммуникации как готовность к конфронтации (конфронтативность) и твёрдость собственной позиции коммуниканта: «*Und ich werde das so tun, wie ich das für richtig halte*…»

В целом стиль взаимодействия общающихся в данной коммуникативной ситуации также как и в первом фрагменте с Г. Шрёдером, характеризует симметрично-рациональные позиции партнёров по коммуникации (журналистов и гостей дискуссии), имеющей место в индивидуалистски ориентированных лингвокультурах с незначительной дистанцией власти.

Итак, как показывает исследование, по фактору институциональной маркированности (на примере политического дискурса) можно выделить следующие параметры объективации немецкого коммуникативного стиля:

– коммуникативно-прагматические стратегии: партийного продвижения, легитимации и делегитимации, маскировки;

– семантика и прагматика политического словоупотребления (метафорика, политические номинации);

– «свой – чужой круг» – маркированность (обращение как знак партийной корпоративности, именные/партийные экспликатуры, вербальная агрессия);

– коммуникативные ситуации/контексты реализации (контактное/дистантное общение);

– политическая прецедентность.

Таким образом, яркими *доминантами* немецкого коммуникативного стиля в сфере *политического дискурса* являются:

- акцентирование оппозиции «свой – чужой» (индикация «своих» на основе сугубо позитивных, «чужих» на основе сугубо негативных смыслов);
- коммуникативный фокус на легитимность действий своей партии и иллегитимность деятельности партии политического противника;
- ярко выраженная метафоризация политических речей;
- прагматическая категоризация политической действительности;
- использование обращений как сигнала партийной корпоративности;
- демонстрация вербальной агрессии в политической дискуссии;
- использование политических инвектив (именных «стигматизмов») в публичном дискурсе;
- антропонимическая персонификация носителей политических идей;
- широкое использование политических прецедентных текстов;
- ярко выраженная суггестивность публичного выступления;
- преобладание конфронтативной стратегии.

3.2. Немецкий коммуникативный стиль в контексте академического дискурса

3.2.1. Основные черты современного немецкого академического дискурса

Академический дискурс понимается в данной работе как нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, использующее определённую систему профессионально-ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения (учёных как исследователей и/или преподавателей, а также студентов в сфере университетского образования Германии), интерпретируемое в рамках нашей концепции как культурно маркированная система коммуникации.

В настоящей работе учебный (педагогический) дискурс и собственно научный (академический) объединены в одну парадигму, что представляется возможным и даже логичным в связи с тесным взаимопроникновением, пересечением и совпадением многих функций и жанров обоих дискурсов. Так, например, учебные предметы в университетском образовании – это своего рода разделы научного знания, которым придаётся вид, наиболее удобный для их трансляции и распространения, а учебная деятельность для студента в значительной степени совпадает с научным общением. И хотя основной целью учебного дискурса является социализация новых членов общества, а назначение научной коммуникации заключается в отстаивании своей

точки зрения в процессе познания окружающего мира (см. Карасик, 2002: 306; Михайлова, 1997: 95; Шейгал, 2000: 24), в исследовательских интересах мы рассматриваем оба типа дискурса как единую систему специализированного, клишированного научно-учебного общения.

При этом необходимо отметить, однако, существенную разницу проявления в вышеобозначенных дискурсах такого коммуникативно-прагматического параметра, как социальные отношения между партнёрами по коммуникации. Как отмечает В.И. Карасик, характерной особенностью научного дискурса можно считать принципиальное равенство всех участников данного вида общения, в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину (Карасик, 2002: 330). Иначе организованы статусно-ролевые отношения в сфере учебной коммуникации, где изначально заданы ассиметричные отношения между говорящим и слушающим в связи с доминирующими «энциклопедической, лингвистической и интерактивной компетенциями» (Богданов, 1990: 30) учёного-преподавателя. Коммуникативный статус последнего, таким образом, всегда выше, чем статус студента.

Заслуживают внимания номинации лиц, занимающихся научной и преподавательской деятельностями в немецком университете, актуализированных в социумной пресуппозиции представителей немецкой лингвокультуры и отсутствующих в тезаурусе, например, русских коммуникантов, что в условиях реального межкультурного общения часто вызывает его сбои, даже при равной языковой компетенции общающихся.

Итак, номинативное поле участников немецкого академического дискурса включает следующие основные лексемы: *Lehrkörper* (как обобщающее наименование для всех уровней педагогического состава университета), *Universitätsprofessoren* (профессора как государственные служащие, имеющие постоянную университетскую ставку), *Honorarprofessoren* (лат. *honorarius «ehrenhalber»* – профессора, основной профессиональной деятельностью которых не является преподавание в университете и получившие этот почётный титул за особые заслуги в области своей квалификации), *Außerplanmäßige Professoren* (внештатные профессора, не имеющие постоянной университетской ставки), *Privatdozenten* (преподаватели, имеющие академическую степень, т. е. защитившие вторую диссертацию[1] эквивалентную докторской в России, но работающие по временному контракту в условиях отсутствия ставки профессора), *Lehrbeauftragte* (преподаватели, работающие по контракту, как правило, имеющие немецкую докторскую степень), *Assistenzprofessoren* или *Juniorprofessoren* (временно работающие или принятые в штат молодые учёные с докторской степенью, претендующие на хабилитацию, т. е. защиту второй диссертации и, соответственно, на профессорскую ставку), *Gastprofessur* (приглашённые из других городов или стран для чтения лекций), *Prof. Dr. Dr. h.c.* (профессор, имеющий докторские звания по двум специальностям, а

[1] Отметим, что докторская диссертация в немецком академическом мире соответствует кандидатской диссертации в России (Promotion), а докторская степень в российских университетах обозначается в немецкой научной иерархии термином Habilitation.

также почётное звание, присваемое за особые научные, творческие и политические заслуги, из лат. *honoris causa*). Интересны также номинации профессорских должностей в немецком университете, определяемые количеством или мерой их ответственности в учебном процессе. Различаются титулы: *Professor C 4* – заведующий кафедрой, директор института того или иного факультета (в несколько устаревшем, но ещё встречающемся словоупотреблении именуемые *Ordinarien* или *ordentliche Professoren*), *Professor C 3* – профессора, не имеющие должности заведующего (именуемые *Extraordinarien* или *außerordentliche Professoren*).

К реалиям немецкой образовательной системы по дискурсивному параметру участники коммуникативного процесса можно отнести также наименования студентов (*Studi, Studis*) в зависимости от их профессиональной специализации[1]: *KiWis* (сокр. от Kulturwissenschaften), *BWler* (от Betriebswirtschaftler), *KWler* (от Kommunikationswissenschaftler), *IKKler* (студент, обучающийся по дисциплине Interkulturelle Kommunikation) и др.

Центральным концептом немецкого академического дискурса, безусловно, является концепт «университет». Университет – это пространство, в котором реализуется большая часть академического и педагогического дискурсов и которое вместе с временной организацией данного

[1] Поскольку в немецких университетах отсутствуют факультеты в традиционном для русской образовательной системы смысле, в лексических единицах, обозначающих профессиональную специализацию студента, отражается концентрация не на факультет, а на изучаемую дисциплину (предмет).

вида общения образует пространственно-временную парадигму или хронотоп научно-учебной коммуникации.

Немецкие университеты традиционно являются не только высшими образовательными учреждениями, но и центрами научной деятельности и научных исследований, что восходит ещё к идеям В. Гумбольдта об обязательном сочетании дидактических и научных принципов в стенах университетов Германии. Данная сущность концепта закреплена и в словарных дефинициях имени концепта, например, в первой части словарной статьи Большого Словаря «Немецкий как иностранный язык»: «Университет – институция, в которой обеспечиваются обучение различным наукам, а также исследования в области этих наук» («Universität [-v-] die; – en; 1.e-e Institution, an der verschiedene Wissenschaften gelehrt werden und an der Forschungen in diesen Wissenschaften gemacht werden….» Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache, 2003: 1074). Немецкие университеты автономны, не имеют государственных программ обучения. Их деятельность в той или иной мере регулируется правительствами федеральных земель.

Специфика концепта «немецкий университет» по сравнению с подобным концептом в русской лингвокультуре актуализируется на основе его детализации через моделирование соответствующего лексико-семантического поля. Единицами поля, безусловно, являются перечисленные выше обозначения основных участников научно-учебного дискурса. Кроме того, на основе данных психолингвистического (ассоциативного) эксперимента, проведённого нами среди немецких студентов и преподавателей (всего 80 опрошенных), был выявлен ряд субстантивно выражен-

ных языковых номинаций поля, стоящих за концептом «немецкий университет»[1]. Среди наиболее часто упоминавшихся можно выделить слова, как универсальные для системы университетского образования вообще, так и характерные для немецкого академического контекста. К первой группе относятся лексемы, не требующие особого комментария или объяснения: *das Seminar, die Vorlesung, der Diplomstudiengang, der Magisterstudiengang, der Professor, das Kolloquium, die Universitätsbibliothek, das Referat, das Wintersemester, das Sommersemester, der Student, der Dozent ect*. Номинации второй группы отражают особенности организации немецкого институционального дискурса и, как правило, нуждаются в дополнительном уточнении для иностранных студентов или стажирующихся преподавателей. Из слов этой группы перечислим: *das Hauptfach-das Nebenfach* (дифференциация по основному и дополнительному предметам университетского обучения), *Grundkurs-Proseminar-Hauptseminar* (три основных уровня подготовки студентов: базовые семинары, семинары для начинающих исследовательскую работу и основные семинары с целью написания диплома и сдачи экзамена на степень магистра), *die Magisterprüfung-das Staatsexamen* (экзамен на гуманитарных факультетах – экзамен на юридическом, медицинском, педагогическом факультетах; для технических специальностей характерно написание диплома), *die Klausur* (экзамена-

[1] Отметим, что целью эксперимента являлось получение общей ассоциативно-коннотативной картины, имеющейся у представителей немецкого лингвокультурного пространства в отношении слова университет.

ционная письменная работа), *der Schein* (свидетельство об успешном окончании какого-либо учебного курса или семинара; для допуска к сдаче магистерского экзамена необходимо иметь 4 свидетельства), *das Grudstudium* (вводная часть обучения по специальности в течение 4–5 семестров), *die Zwischenprüfung* (текущий экзамен после окончания начального вводного курса), *das Hauptstudium* (основное обучение по специальности на основе научно-исследовательского подхода), *die* «*Magister-Artium*»*-Prüfung* (квалификационный выпускной экзамен по окончании 9–10 семестра основного обучения), *Plagiatserklärung* (письменное заверение студента по поводу недопустимости плагиата при написании дипломной [магистерской] работы), *BafögG* (государственное пособие на учёбу, аналог стипендии), *Sprechstunden* (индивидуальные консультации для студентов, еженедельно проводимые преподавателями по изучаемому предмету), «*graue Literatur*» (информационные брошюры и листы для студентов по структуре и содержанию учебного процесса по дисциплине), *die Promotion- Dr. rer.[лат. rerum]* (получение немецкой степени доктора наук), *die Disputation* (процесс защиты диссертации), die *Habilitation-venia legendi* (получение второй научной степени, дающей право на ставку университетского профессора и чтение лекций) ect. Данные знания и представления рассматриваются нами как фрагмент коллективного когнитивного пространства, соотносимого с социумной пресуппозицией и актуализирующегося в научно-учебной коммуникации. Отметим при этом, что проблемы в общении в ситуации отсутствия названного типа пресуппозиции возникают как при межкультурной моносоциумной коммуникации, так и при монокультурном межсоциумном взаимодействии.

В качестве основных жанров немецкого академического дискурса в соответствии с реально существующими и естественно сложившимися формами устного общения мы выделяем лекцию, семинар, консультацию, экзамен, выступление на научной конференции, защиту диссертации. Указанные жанры типичны и для русского дискурса, однако отличаются от него нормативной организацией вербальной и невербальной дискурсивной деятельности, конституентом которой является немецкий коммуникативный стиль. Например, нормой для коммуникативного взаимодействия в жанре семинара в русской традиции образования является одностороннее преподнесение знаний, их декларация, усвоение и заучивание. При этом преподаватель всегда в центре внимания как руководящее и ведущее начало учебного процесса, что диктует, в свою очередь, одностороннюю коммуникацию по схеме от профессора к студенту. Принципами немецкого научно-учебного дискурса считаются совместный поиск истины, развитие у студентов способности мыслить самостоятельно, аргументировать свою точку зрения, самостоятельно находить и систематизировать необходимый учебный материал. Такой подход позволяет говорить об осуществлении двусторонней коммуникации между обучающим и обучающимся как полноправными коммуникативными партнёрами. Более подробно жанры рассматриваемого дискурса анализируются в следующем параграфе в корелляции с институционально обусловленным коммуникативным стилем.

В целом, как показывает включённое наблюдение, общение основных участников немецкого педагогического дискурса во всех его жанрах при всей своей традиционной формальности, обязательных этикетных формулах приветствия и обращения отражает эгалитарное, рациональное позиционирование участников коммуникативного процесса. Свидетельством тому, например, является получающее всё большее распространение общение между преподавателем и студентом посредством эллектронной связи. На дверях многих профессорских кабинетов в здании университета находим подобные данному объявления: «*Meine Sprechstunden finden in diesem Semester Donnerstags von 10–12 Uhr statt (auch Studienberatung). Ansonsten bin ich auch per Mail erreichbar…»,* либо даётся только адрес эллектронной почты с предложением обращаться по необходимым вопросам.

3.2.2. Особенности национального коммуникативного стиля немецкой академической коммуникации

Метод включённого наблюдения за коммуникативным поведением основных участников академического дискурса позволяет выделить несколько основных доминант немецкого коммуникативного стиля в его вербальной и невербальной экспликации в рамках данного вида общения.

Обращаясь к системообразующему жанру учебного процесса «лекция», отметим существенную, на наш взгляд, особенность стиля немецкой учебной коммуникации по сравнению, например, с русским коммуникативным стилем, проявляющуюся в частых апелляциях или реминис-

ценциях к научным прецедентным текстам (цитатам авторитетных англоязычных авторов, названиям известных английских или американских работ) на английском языке, то есть на языке первоисточника. Например, из лекции проф. Й. Рохе (Мюнхенский университет): «*…Ausgehend von Humboldts Ideen formuliert Whorf dann später ein sprachliches Relativitätsprinzip, demzufolge das Sprachsystem die Wahrnehmung, das Denken und das Verhalten seiner Sprachgemeinschaft bestimmt und so die Projizierung der sprachlichen Strukturen auf die Sicht der realen Welt der Sprachgemeinschaft erzwingt. So Whorf: That part of meaning which is in words, and which we may call«reference», is only relatively fixed. Reference of words is at the mercy of the sentences and grammatical patterns in which they occur…».* При этом цитируемые английские примеры либо проецируются на доску, либо произносятся устно без визуальной поддержки. Безусловно, подразумевается, что присутствующие студенты в достаточном объёме владеют английским языком. Ссылки на англоязычные прецедентные тексты обычны и в содержании дискурса семинара, и, разумеется, в выступлениях на научных конференциях.

В языковой реализации коммуникативного стиля в немецком академическом дискурсе наряду с включением прецедентных текстов англоязычных источников заметна также тенденция употребления латинских слов и устойчивых сочетаний. С этим явлением мы уже встречались выше при номинациях участников академической коммуникации (Dr. rerum, venia legendi etc.). Вербальными знаками, принятыми в немецких университетах для упорядочивания времени начала занятий, являются сокращения латинских выраже-

ний, стоящих в расписании перед каждым отдельным предметом*: s. t. (sine tempore),* что свидетельствует о начале лекции в точно назначенное время, и *c. t. (cum tempore)* – как сигнал того, что занятие (лекция или семинар) начнётся на 15 минут позже (так называемые академические четверть часа) указанного в расписании времени.

Релевантным отличием композиционно-риторической организации лекционного материала немецкими преподавателями является стратегия преимущественно индуктивного представления материала (индуктивный когнитивный стиль): от частных вопросов, многочисленных примеров к обобщениям и заключениям, в линейной последовательности излагаемого. Нормой коммуникативного взаимодействия на лекции в немецком университете считается диалогичность общения в полном смысле этого слова. Вопросы по содержанию излагаемого, как правило, задаются студентами на протяжении всего лекционного времени, обеспечивая мгновенную обратную реакцию на услышанное: «*Entschuldigung, ich hätte ´ne Frage…«; «Herr Moosmüller, wenn ich richtig verstanden habe…*».

Опоздание на семинар или лекцию, рассматриваемое нами как невербальный аспект коммуникативного поведения, считается в немецком педагогическом дискурсе допустимым явлением. То же относится к уходу с лекции в любой её период, что, видимо, можно трактовать как отражение небольшой дистанции власти в немецкой культуре.

Согласно нормам коммуникативной вежливости обязательным элементом, отражающим своего рода способ выхода из коммуникативного контакта в условиях академического институционального дискурса, в конце лекции, а

также семинара как невербальный знак благодарности лектору или семинарскому преподавателю является постукивание по столу костяшками пальцев или аплодисменты в аудитории без столов.

Как показывают собственные наблюдения, можно с уверенностью говорить о бóльшей коммуникативной активности немецких студентов (по сравнению с русскими) на семинарских занятиях, реализующейся в дискуссиях по обсуждаемым темам и вопросам, инициативности и творческом подходе при презентации рефератов. Большое значение придаётся чёткой аргументации, рациональности, выражению собственного мнения, даже если оно конфронтативно по отношению к мнению большинства. Характерным для немецкого стиля коммуникации в ситуации общения на семинаре можно считать внимательное, заинтересованное слушание говорящего аудиторией, полную вовлечённость в тему выступления, постановку оппонентами острых вопросов. При этом очевидно, что задающий вопрос или комментирующий высказывание, сосредоточившись исключительно на предметном уровне, мало внимания обращает на возможную чувствительность восприятия отвечающего. Поэтому реплика звучит иногда резко или даже несколько оскорбительно, вызывая тот перлокутивный эффект, который не входил в коммуникативное намерение говорящего. Например, достаточно резко с перспективы этического (внешнего) взгляда звучит следующая оценка (Evaluierung) завершившегося цикла семинаров в отношении преподававшего доцента: «*Ich hätte äh nicht das Gefühl, dass von der Dozentin viel äh Interesse für die Teil-*

nehmer aufgebracht wurde. Fachlich bleibt Ihr Wissen unangefochten, doch mhm hätte ich etwas mehr aktives Zugehen auf die Studenten gewünscht. Das Thema war sehr gut, na ja, für spannende Diskussion gut geeignet»[1]. Неудивительно, что в связи с этой особенностью немецкий коммуникативный стиль часто даёт повод считать немцев конфликтными и недипломатичными людьми.

Характерным для немецкого стиля коммуникации в парадигме учебных отношений является интенсивный личностный вклад в дискурсивное событие в рамках учебного занятия (семинара), что, как представляется, обусловлено индивидуалистскими ценностными ориентациями немецкой культуры. Этим же можно, на наш взгляд, объяснить поддержание индивидуальной коммуникативной «территории» студента в процессе его выступления на семинаре. Как правило, преподаватель не перебивает студента, представляющего реферат или формулирующего своё мнение по вопросу. Стиль презентации материала обязательно включает его наглядное представление в виде handout (краткого изложения темы своего выступления или реферата в форме тезисов, схем, резюме).

Приоритет индивидуалистского подхода очевиден и в организации такой сферы немецкого научно-учебного общения, как консультирование (Sprechstunden), число участников которого ограничивается, как правило, двумя коммуникантами: преподавателем и студентом (в отличие, например, от русской формы консультации в режиме пре-

[1] Реплика используется с разрешения преподавателя, в адрес которого она была высказана.

подаватель – группа студентов). С точки зрения институциональных норм данного жанра учебной интеракции, для коммуникативного стиля консультации характерна меньшая степень формальности и тематической фиксированности, чем для лекционного или семинарского взаимодействия. Сниженный уровень формальности и, соответственно, полуофициальная тональность общения обусловливают определённую эмоциональную атмосферу, в которой допустимы юмор и некоторые приватные вопросы в отношении студента, типа «*Wenn Sie jetzt das Kind gekriegt haben, geht es noch mit der Prüfung*?», недопустимые в другой институциональной обстановке. Тематический спектр обсуждения на консультировании затрагивает как вопросы организации и содержания учебного процесса: занятий, экзаменов, рефератов, – так и проблемы внеучебного плана. В этом случае речь идёт о приёмных часах преподавателя. Например, в исследовании О. Котхоф (см. Kotthoff, 1993) рассматриваются эпизоды коммуникативного взаимодействия между студентами и преподавателями в рамках таких приёмных часов. Тема одного из разговоров: установка видеокамер в университетской библиотеке как способ борьбы с кражами книг. Проанализируем один фрагмент обсуждения с точки зрения конфронтативной стратегии или диссонансного общения, свойственного немецкому коммуникативному стилю в целом, стилю научно-учебной коммуникации, в частности. В отношении общей характеристики ситуации подчеркнём, что разговор предварительно спланирован (поскольку встречи во время приёмных часов всегда оговариваются заранее), представ-

ляет собой общение двух коммуникантов «лицом к лицу» (студента – S и доцента – D), институционален, но полуофициален, не ярко выражено асимметричен, тематически фиксирован. Поскольку встреча мотивирована определёнными намерениями общающихся, допустимо говорить о её подготовленности, хотя и относительной, в силу того, что реальный дискурс всегда динамичен, а всякое понимание интерпретативно, что обусловливает интерактивное конструирование смыслов и их непредсказуемость. Глобальная коммуникативно-интерактивная цель диалога может быть определена следующим образом: со стороны студента – убедить преподавателя в неправильности принятого решения об установке камер слежения и признание ошибочности такого подхода; со стороны доцента – опровергнуть неоправданные опасения студентов и настроить их спокойно воспринимать действия университетской администрации.

44 S: die wichtigsten Bücher müssen mehrmals auch da sein.
45 D: na ich hab halt die Befürchtung, wenn – Bücher
46 dann mehrmals angeschafft werden, dann werden
47 sie eben auch mehrmals geklaut, - - HE HE ich
48 mein, gibt´s da irgend en äh - - ich
49 find den Appell ja so ganz PRIMA, - -
50 Studienbücher zurückgeben, das ist ganz [schön]
51 S: [nee] ich mein
52 D: Lehr [buchsamm] =
53 S: [mir ist auch]
54 D: = lungen besser zu bestücken ist sicher auch gut,
55 aber - - ich mein das sind
56 (- -)

57 S: mir ist auch klar dass mit schönen Worten allein
58 [nix getan ist,] =
59 D: [(??)]
60 S: = aber ich mein das is ja nich die einzige Sache.
61 wogegen wir uns halt äh vor allen Dingen
62 wehren dass äh mit DIESEN Mitteln' der Überwachung
63 und der äh also ja das riecht also wirklich nach
64 Schnüffelei [(? Irgendwo ja?)]
65 D: [das sicherlich.] in jedem Kaufhaus wird das so
66 auch gemacht und Sie kaufen trotzdem [da ein
67 drin. HE HE]
68 S: [ja da kann da kann] ich mich nicht dagegen
69 WEHren! hier kann ich mich noch dagegen wehren.[1]

Как видим, реплики по поводу пропозиционального содержания диалога отражают антагонистические подходы коммуникантов, каждый из которых предпринимает рече-

[1] Нотационные обозначения к транскрипту (по: Макаров, 2003: 117; Kotthoff, 1993: 333):
(??) – неразборчивая речь;
- - невокализованная пауза;
äh – вокализованная пауза;
. просодия завершённости;
, просодия продолжения;
? просодия апеллятивная;
^ интонация восходящее-нисходящая;
/ интонация восходящая;
А слово, выделенное ударением;
ГРОМКО слово, произнесённое громче, чем остальные;
А' лёгкое повышение тона;
= продолжение без паузы, подхват собственной реплики;
[ ] наложение реплик двух и более человек;
(? Так?) неточное воспроизведение речи.

вые действия с намерением разрушить аргументы партнёра и закрепить свою позицию. Модальный и эмоциональный смысл несогласия распознаётся во всём первом репликовом шаге преподавателя, начиная с вводной частицы (na), затем лёгком смехе (HE HE) как сигнале абсурдности предложения о многократной покупке книг («…müssen mehrmals auch da sein») и заканчивая просодическим выделением слова (PRIMA), отражающим ироничное отношение к позиции студента. Кроме того, диссонансным маркером стиля здесь выступают тактики смены темы и встраивание новой, а также употребление внешне позитивных оценок (ganz prima, ganz schön) и ограничивающих их смысл модальных слов (ja so). Появление новой темы достигается через оппозицию (mehrmals angeschafft – mehrmals geklaut), что на текстовом уровне обеспечивает когезию, а на дискурсивно-семантическом уровне вводит новое тематическое направление (далее подобный «трюк» конфликтного развития диалога обозначается в работе как «оппозитивный формат»). Ответный коммуникативный ход студента, перехватывающий инициативу в диалоге, начинается с прямого несогласия (nee) и закрывает навязываемую ему тему речевым действием (57–58), угрожающим имиджу («лицу») преподавателя. Данная реплика студента, которую можно перефразировать в «всё это красивые слова», выражает недоверие к релевантности и качеству коммуникативных вкладов доцента. Приводимые далее общающимися про- и контраргументы в защиту своего мнения (60–67) эксплицируют интерактивное и эмоциональное противостояние обоих. В последнем репликовом шаге студента конфликтный потенциал разговора фокусируется на уровне семантики наречий (da – hier), дифференцирующих своё и чужое пространство. Проанализированный эпизод демонстрирует значимые для исследования немецкого коммуникативного стиля прагматические и языковые аспекты и, прежде всего, возможность диссонанса на выходе из коммуникативного контакта даже в условиях асимметричного институционального общения.

Наблюдения за речевыми действиями коммуникативных партнёров в рамках рассматриваемого дискурса, особенно в ситуациях консультативных встреч, дают материал для выделения групп дискурсивных маркеров, эксплицирующих в стиле немецкой коммуникации ментальные процессы общающихся. *Also, halt, freilich, quasi, würde ich sagen, jedenfalls, muss ich ehrlich sagen, wie gesagt, na* – относятся к маркерам ментальных процессов говорящего. Выражения: *wissen Sie, o´key?, wie Sie sagen, wenn Sie noch gestatten, sind Sie sicher, alles klar?* – являются маркерами контроля над ментальными процессами адресата. Третью подгруппу образуют слова и сочетания, служащие подтверждением внимания и понимания собеседника, то есть маркеры обратной связи: *ja, ganz richtig, völlig klar, alles klar, wirklich?, genau, ach so, o´key, nein, eben, gut, natürlich,entschuldigung?,bitte?, prima, toll.*

В таком жанре немецкого академического дискурса, как защита диссертации, языковая реализация коммуникативного стиля отчётливо отражает отмеченные нами выше национальные особенности стиля по общекультурной группе факторов. Речь идёт о личностно-ориентированном характере проявления коммуникативного стиля через «Я»-центрированность в интеракции, что свидетельствует об

индивидуалистских тенденциях немецкой лингвокультуры. Презентация диссертантом материала и своей личной научной позиции актуализируются на фоне значительного количества высказываний с использованием местоимений 1-го лица ед. числа. Проанализированные диктофонные записи процедур 6 диссертационных защит показывают, что в процентном соотношении число предложений с местоимениями 1-го лица ед. числа и предложений с безличными или пассивными конструкциями примерно равно. Как известно, в русском коммуникативном стиле научного дискурса превалируют структуры с местоимённым подлежащим в форме 1-го лица мн. числа. Приведём характерные примеры для данной коммуникативной ситуации: «*Ich habe die Daten erhoben*«; «*Ich glaube, schon*«; «*Das ist meine These*«; «*Meines Erachtens nach…*«; «*Was ich interessant fand,…*«; «*Das ist meine Interpretation*«; «*Dann habe ich überlegt…*«; «*Ich habe keine Erklärung gefunden…*«; «*Ich möchte diese Frage nicht behandeln, das ist doch meine Disputation*«; «*Grundsätzlich muss man sagen…*».

В плане контекстного (в широком смысле) оформления коммуникативной ситуации диссертационной защиты все её прагматические компоненты выглядят чужеродно в перспективе внешнего (русского) этического взгляда. Как правило, на защите, помимо диссертанта, присутствуют три профессора (один из которых научный консультант) и протоколист. Очень редко в процедуре принимают участие просто интересующиеся или коллеги защищающегося. При этом, в отличие от русского протокола вопросы диссертанту могут задавать только экзаменующие. Обстанов-

ка не имеет ни малейшего намёка на помпезность и торжественность. Чаще всего событие происходит в очень небольшой аудитории, в режиме делового будничного общения. Представление основных результатов исследования длится от получаса до часа, примерно столько же времени занимают вопросы и обсуждение. Вместо обязательного для русской защиты автореферата диспутант предлагает комиссии краткое резюмированное содержание работы (в дискурсивных терминах, своего рода, макропропозицию исследования). Решение о состоявшейся или несостоявшейся защите принимают присутствующие профессора после небольшого закрытого согласования мнений. В целом тональность процесса диспутации производит впечатление свободной, эмоционально-сосредоточенной интеллектуальной полемики.

Острая полемика, по нашим наблюдениям, является ярким актуализатором немецкого научного стиля коммуникации. Вспомним меткие характеристики тевтонского (соотносимого с немецким) научного стиля по Й. Гальтунгу: дебаты расцениваются как «социально-дарвинистская борьба за выживание», а докладчик – как жертва. При этом критика, как правило, воспринимается дискурсивными партнёрами терпимо, в первую очередь потому, что её объектом становится не личность, а пропозициональное содержание речевого действия. Кроме того, как показывает опрос среди участников немецких конференций[1], прояс-

[1] Интервьюировались участники научных конференций: «Zuwanderung und Integration: Kulturwissenschaftliche Zugänge und soziale Pra-

нение позиций и научный спор рассматриваются с точки зрения немецкой перспективы более позитивно, чем похвала, которая часто расценивается как неприятное лицемерие, рождает ощущение дискомфорта и неловкости. Анализ собранного материала даёт основание говорить, что полемика как открытый обмен мнениями в рамках немецкого академического дискурса отличается аргументативностью, вербальной эксплицитностью, сфокусированностью на проблемность, наличием собственной позиции, отход от которой в традициях немецкой научной коммуникации считается проявлением слабости: «…*Dabei bleibe ich bei meiner Meinung*». В этой связи следует ещё раз отметить, что коммуникативный стиль немецких научных конференций более тяготеет к диссонансу (конфликту), чем к соблюдению консенсусса (гармонии) и сохранению «позитивного лица», имиджа участников общения. Данная доминанта академического стиля реализуется, например, в распространённой «да…, но…» стратегии как отражение разногласия, расхождения мнений: «*Dieses Thema finde ich ganz spannend, ich hätte aber…*«; «*Ja, es ist schon klargeworden, aber ich will noch auf einen wichtigen Aspekt hinweisen…*». Как видим, механизм выдвижения контраргумента к выступлению докладчика осуществляется обычно с помощью тактики краткого положительного замечания, с переходом к формулировке собственной контрпозиции. Развитием названной стратегии, как представляется, является стратегия

xis», 11-13.10.02 (München); «Interkulturelle Kommunikation – Konturen einer wissenschaftlichen Disziplin», 12–14. 11.04 (München).

«оппозитивного формата», для которой характерно конструирование прямопротивоположного мнения в отношении смысла, высказанного выступающим. Иными словами, центральная мысль выступления трансформируется в её полную противоположность, часто с иллокутивной целью эффекта самопрезентации: «*Das, was Sie gesagt haben, finde ich ganz toll, aber dabei ist eine wichtige Ebene ganz ausgeschlossen. So würde ich ´nen anderen Weg vorschlagen…*».

Типичный для немецкой коммуникации рациональный коммуникативный стиль отражается в одной из ярких дискурсивных стратегий научной полемики, номинируемой в нашей работе как стратегия научной самопрезентации или продвижения своего научного «я». Суть последней – трансформация ожидаемого докладчиком вопроса в развёрнутый комментарий, эксплицирующий взгляды говорящего и апеллирующий часто не к произнесённому тексту, а к собственной позиции оппонента. В таком речевом поведении прочитывается имплицитная или явная интенция говорящего представить себя, акцентировать свой научный имидж, позиционировать своё научное «я». В качестве иллюстрации подобных вербальных действий приведём материалы (транскрипты) аудиозаписей одной из научных конференций[1]. Для более полного понимания коммуникативной ситуации поясним, что междисциплинарная конференция в Германии была посвящена перспективам и формату развития дисциплины «Межкуль-

[1] Tagung «Interkulturelle Kommunikation – Konturen einer wissenschaftlichen Disziplin» 12-14.11.04. München.

турная коммуникация». После каждого доклада, длительность которого в традициях немецкого академического дискурса занимает в среднем полчаса, предусматриваются следующие полчаса для ответов на вопросы. Первый предлагаемый эпизод в общем ходе коммуникативного события представляет собой реакцию-вопрос одного из участников конференции на доклад: «Methodenperspektiven aus der Sicht wirtschaftsorientierter Fächer»:

49 (??) nur ganz kurz äh- -
50 die Frage nach der Konzipierung des Studiengangs'
51 und des Curriculums (??)
52 beispielwiese' unsere Studierenden im internationalen Studiengang
53 Umweltressoursen Management', die eigentlich Umweltwissenschaft
54 studieren', aber auch Veranstaltungen in interkultureller Kommunikation
55 haben. (??)
56 da stelle ich mir dauerhaft die Frage ^
57 was sollen die hier LERNEN (??)
58 also, was = was soll dabei herauskommen?
59 (??) mehrere Versuche, die müssen handlungsfähig sein
60 in internationalen Feldern, und die Vermittlung von Theorien,
61 gleich - - sind das Fachtheorien' oder Theorien
62 von Aspekten der IKK (??)
63 das Handeln ist kulturbedingt. dann ist
64 die Strukturierung so einer = so einer
65 Lehrveranstaltung (??) ich meine äh
66 wäre auch abhängig davon', also

67 wo auch geht/ gehen die Studierenden damit – –68 oder was ist das Besondere an Curriculum'
69 das in so ein Programm eingebettet ist.
70 das im Kontext der Diskussion (??)
71 darum ist es jetzt ein Fach.
72 oder könnte es einer sein.
73 (??) wäre so was äh zu berücksichtigen
74 als Anregung.

Итак, реплика начинается с эксплицитно выраженного вопроса («…*nur ganz kurz die Frage*…»), который затем переходит в долгое рассуждение («…*beispielweise unsere Studierenden im internationalen Studiengang*…») и дискуссию говорящего (вернее, говорящей, поскольку это была женщина) как бы с самим собой («…*da stelle ich mir dauerhaft die Frage*…»), заканчивающийся рекомендацией к докладчику или апелляцией ко всем присутствующим («…*wäre so was zu berücksichtigen als Anregung*»).

Следующий эпизод, демонстрирующий речевое поведение участника коммуникативного события в жанре научного дискурса – конференция – ещё ярче актуализирует отмеченную нами стратегию, поскольку предполагаемый вопрос к докладу «Interkulturelle Kommunikation aus ethnologischer Perspektive» сразу трансформируется в комментарий-рассуждение, которое лишь в заключение содержит риторическую реплику-вопрос:

119 (??)
120… was sehe ich, wo könnte es hingehen,
121 was könnte in dem anderen' passieren,
122 äh' was könnten meine nächsten Schritte sein?

123 äh und ich bin fast immer jemand',
124 der den anderen begleitet.
125 aber ich bin deswegen jemand^
126 oder ich kann deswegen' jemand sein,
127 der den anderen begleitet/
128 jemand' der entscheidet/ – –129 welches Training oder welche Übungen,
130 welche Rollen, Spiele jetzt diese Menschen nutzen
131 (??) weil ich selber diese Erfahrung habe,
132 weil ich selber den Prozess durchlaufen habe.
133 (??)
134 also/ natürlich kann ich nicht alles wissen
135 und natürlich kann ich nicht alles entscheiden.
136 ich hab persönlich' eine Kollegin/
137 sie hat diese Erfahrung gemacht'
138 und als Trainerin gearbeitet.
139 ja, das is nicht so leicht' am Anfang/
140 es is genauso wie (??)
141 also diesen Erfahrungshintergrund,
142 den kann ich mir nicht schematisch eineignen,
143 das ist ein langer Prozess,
144 ein Prozess' der in seiner Bedeutung/
145 zum Beispiel auch den Fokus legt
146 (??) die Ethnologen in der Ausbildung macht.
……..
160 es gibt keine mehr oder weniger (??)
161 Ausbildung in Wirtschaftswissenschaft
162 ohne einen Kurs in Kulturanthropologie^
163 das wäre jetzt die Frage/
164 was kann jetzt der Studiengang' äh oder

165 wie kann Kulturanthropologie aufgenommen werden
166 in andere Studiengänge.

Интенциональное значение приведённого высказывания, переданного здесь в транскрипте с некоторыми купюрами в связи с его значительным объёмом, вряд ли можно интерпретировать как «чистый» вопрос. Очевидно, что в этом примере, так же как и в предыдущем, мы имеем дело с проявлениями в научном стиле немецкой коммуникации стратегии самоподачи или продвижения своего научного «я». Не случайно перлокутивный эффект от такого рода высказываний содержит «привкус» диссонанса, а не консенсуса. Наряду с коммуникативно-прагматическими особенностями актуализации коммуникативного стиля в этом речевом отрывке активированы также и общекультурные детерминанты стиля немецкой коммуникации. Рекурсивные апелляции к своему личному опыту (*«… und ich bin fast immer jemand, der den anderen begleitet», «… ich habe persönlich eine Kollegin», «…ich muss eine kleine Feldforschung machen»* etc.), своим размышлениям («… *aber ich denke, dass z.B. in Deutschland, wo sich historisch die Kommunikation entwickelt hat und die Kulturanthropologie, aber in anderen Ländern ist das der Fall…*»), концентрация внимания на персональных качествах, успехах и квалификациях («… *weil ich selber den Prozess durchlaufen habe…», «weil ich selber diese Erfahrung habe*») отражают признаки рационального, личностно-ориентированного коммуникативного стиля немецкой лингвокультуры.

Наблюдения над немецким коммуникативным стилем в рамках дискурсивного жанра «конференция» позволяют

выделить ещё несколько релевантных характеристик научного стиля коммуникации: фокус высказывания на его информативности и достоверности, вербальная эксплицитность, естественность сарказма и иронии в обсуждении, высокая степень эмоциональной вовлечённости, внимательное слушание, повышение тона и усиление громкости речи в её кульминационных моментах, почти полное отсутствие пауз в ответах на конфронтационные вопросы, наличие в речи незавершённых предложений (как бы перебивание самого себя).

Завершая анализ немецкого коммуникативного стиля по фактору институциональной маркированности в ситуациях научно-учебного общения, кратко остановимся также на особенностях речевых действий приветствия и обращения как культурно маркированных прагматических сигналах стиля.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что приветствие в немецкой институциональной среде является важной частью коммуникативного взаимодействия между людьми и представляет своего рода социальный ритуал, суть которого состоит в том, что участники коммуникативной ситуации посредством вербальных и невербальных знаков посылают друг другу сигнал доброжелательного отношения.

Как правило, приветствуется любой, даже незнакомый человек, проходящий мимо по коридору, входящий в лифт или аудиторию. При этом формулой вербального приветствия чаще всего является «Hallo», невербального: зрительный контакт, улыбка и кивок головой. Посылающие данный знак вправе рассчитывать на адекватную ре-

акцию и соответствующий обратный сигнал, что не всегда происходит при взаимодействии с представителем другой языковой культуры. В этом случае приветствие, как показывает опыт, может вызывать в качестве обратной связи удивление или лёгкое замешательство, что легко прочитывается по невербальному коммуникативному поведению адресата.

Универсальная языковая «ты-Вы» антиномия актуализована в немецком стиле коммуникации на основе таких показателей, как степень близости и доверительности общающихся, их социально-статусная дифференциация (симметрия/асимметрия ролевых позиций), ситуативные или контекстные условия взаимодействия (официальность/неофициальность обстановки общения). Соответственно, проекция этих коммуникативных параметров на общение в научно-учебном дискурсе обусловливает некоторую специфику употребления местоимённых вокативов в данной институциональной среде. Так, норма формальной коммуникации в режиме преподаватель – студент, реализуемая через Вы-обращение (Sie-Anrede), релативируется в режиме обращения доцента к группе студентов на основе употребления местоимения в форме мн. числа (ihr-Form), что свойственно ты-общению: «*Habt ihr (Ihr) alle Reader bekommen?*»; «*Erinnert euch an den Text des letzten Seminars?.. Rolf, könnten Sie bitte kurz zusammenfassen*?». Интересно, что до середины шестидесятых годов прошлого века среди немецких студентов была распространена форма Вы-обращения друг к другу, позднее полностью заменённая на ты-общение. Для академического дискурса определяющими

моментами в выборе способов обращения являются факторы взаимоуважения и профессионального сотрудничества. Равные по статусу и по возрасту сотрудники, как правило, общаются на «ты» и обращаются друг к другу по имени. В ситуациях явно выраженной асимметрии по статусу, возрасту, официальности обстановки всегда используется Вы-форма.

В аспекте проксемического стилеформирующего фактора система обращений ты-Вы рассматривается нами также в качестве вербальных маркеров социальной и статусной дистанцированности между коммуникантами, своего рода «границы» в дискурсивном взаимодействии между ними. Преодоление этой пограничной линии от формально-официального к доверительному обращению требует обязательной речевой процедуры: «*Wir könnten doch «du» sagen oder?»; «Würden wir uns nicht duzen*?».

Неместоимённые (номинативные) вокативы в немецком научно-учебном дискурсе детерминированы дискурсивными конвенциями (скорее, не языкового, а социального плана), отсутствующими, например, в русской коммуникации. Речь идёт об употреблении общих вокативов как нейтральных титулов (Herr/Frau) и статусных титулов в обращениях к университетским преподавателям (Herr Prof.; Dr. Oberdiek). При этом следует отметить, что в немецких университетах (по сравнению, например, с австрийскими) более распространены формулы обращения с нулевыми титулами, и лишь в зависимости от коммуникативной ситуации (например, в официальном контексте) обращение маркируется соответственно этикету (Frau Prof. Dr. Roth; Herr Prof. Bolten). В целом, как свидетельствуют эмпирические данные, вряд ли можно говорить о жёстких, генерализованных нормах в отношении номинативных вокативов немецкого коммуникативного стиля. Как правило, их вариации и формы зависят от конкретной речевой констелляции.

Таким образом, по итогам исследования немецкого научно-учебного дискурса можно сделать следующие выводы. Во-первых, коммуникативный стиль данного дискурса отражает константные черты общих доминант национального немецкого стиля и, во-вторых, содержит ряд особенностей, проявляющихся именно в сферах академической и педагогической коммуникации современной Германии. Результаты наблюдений позволяют выделить основные параметры, конкретизирующие актуализацию немецкого стиля по фактору институциональной маркированности в рамках академического дискурса:

- специфика номинаций институционального дискурса;
- межкультурная интертекстуальность как апеллятивность к научным прецедентным текстам англоязычных источников;
- классические традиции (опора на латинскую терминологию);
- риторические нормы разворачивания (развития) дискурса;
- диссонантность (конфронтативность) коммуникативных стратегий («да,… но» – реакция, «оппозитивный формат»);
- полемичность общения;

– научная самопрезентация (стратегия продвижения научного «Я»);
– речевой этикет дискурса;
– нормативность общения;
– тональность дискурсивного взаимодействия.

В соответствии с отмеченными параметрами *доминантами* немецкого коммуникативного стиля в контексте *академического дискурса* можно считать:

– аутентичность цитирования (высокий уровень апелляций к англоязычным источникам);
– широкое использование латинских терминов;
– индуктивность развёртывания информации;
– активность и инициативность взаимодействия;
– наступательность в дискуссии;
– конфронтативность общения (преобладание «да, …но» – стратегий, «оппозитивный формат»);
– приемлемость доверительной «ты» – формы обращения к старшему по возрасту;
– обязательное употребление статусных и/или нейтральных титулов в обращениях;
– «я» – авторизация научного дискурса;
– минимальность неофициального общения за рамками академического дискурса;
– высокий уровень полемичности в обсуждении научных проблем;
– дискурсивная аргументативность;
– вербальная эксплицитность;
– высокая степень эмоциональной вовлечённости;
– большая роль информативности;
– стремление к научной самопрезентации.

3.3. Специфика институциональной маркированности немецкого национального коммуникативного стиля

Анализ исследованного корпуса эмпирических материалов позволяет говорить о трёхуровневой маркированности коммуникативного стиля в соответствии с его детерминированностью национально-культурными макрокатегориями, его обусловленностью контекстом определённого институционального общения и, наконец, личностно-индивидуальными коммуникативными качествами языковой личности, так или иначе проявляемыми в её коммуникативном поведении во всех интерактивных ситуациях.

Кроме того, проведённое исследование показало, что немецкий национальный коммуникативный стиль, сохраняя в рамках институциональных дискурсов свои базовые конститутивные особенности, приобретает собственные специфические признаки, характерные для каждого отдельного типа дискурса. Так, присущие стилю немецкой коммуникации основные доминанты по группе макро- и микроконтекстных стилеформирующих факторов: эксплицитность речевого поведения, личностная ориентированность и акцентирование индивидуальной идентичности в речи, аргументативность, аналитичность и линейность подачи информации, допустимость конфронтативности коммуникативного взаимодействия, сдержанность жестикуляции и мимики, коммуникативная корректность и тд., – играя ключевую роль в оформлении коммуникации, реализуются тем не менее в разной степени вы-

раженности в условиях разных институциональных сфер. В этом смысле можно говорить о том, что нормы и правила немецкой политической коммуникации, отражённые в коммуникативном стиле немецких политиков, наряду с национально-культурной специфичностью приобретают в последние годы многие универсальные черты, свойственные политическому дискурсу и его стилю вообще как борьбе за власть и влияние в любом обществе. Что касается коммуникативного стиля немецкого академического дискурса, следует отметить, что в нём конституирующие доминанты по общекультурной и коммуникативно-ситуативной группе факторов объективированы достаточно ярко, сочетаясь с рядом институционально маркированных признаков.

Приведённая далее систематизация демонстрирует интегральные и дистинктивные доминанты немецкого коммуникативного стиля в его институциональном преломлении.

Макроконтекстный стилеформирующий фактор	Доминанты немецкого национального коммуникативного стиля	Степень выраженности в коммуникативных стилях[1]	
		политического дискурса	академического дискурса
1	2	3	4
Темпоральный	Монохронность вербальных и невербальных действий;	!	!

[1] ! – ярко выражена; * – неярко выражена.

	минимизация неформального общения	*	!
Проксемический	Высокий уровень речевой и тематической табуированности;	*	!
	стремление к пространственной и личностной приватности	!	!
Социальноконтекстный	Эксплицитность и прямота речевого поведения;	!	!
	высокая доля вербальной составляющей в общении;	!	!

Продолжение табл.

1	2	3	4
	малодоступность за пределами институционального дискурса	!	!
Ценностный	Личностная ориентированность («я»-центрированность) коммуникации;	!	!
	консультативность в деловом общении;	!	*
	эксплицитность невербальных сигналов	!	!
	Высокий уровень направленности коммуникации на конечную цель;	!	!
	аргументативность	!	!
	Соперничающее, наступательное общение	!	!
	Распространенность инструктивных и регулятивных речевых актов	!	!
	Чёткость и определённость содержания высказывания;	*	!
	отсутствие избыточной экспрессивности	*	!
	Бытовая коммуникативная малоинициативность	*	!

Продолжение табл.

1	2	3	4
Когнитивный	Индуктивность изложения информации;	!	!
	логичность изложения;	!	!
	линейность и аналитичность подачи информации;	!	!
Коммуникативно-ситуативный	Универсальные вербальные формы приветствия;	*	!
	подчёркнутая статусность обращения;	*	!
	релевантность официального представления собеседника;	!	!
	неприемлемость личностно-ориентированных вопросов;	*	!
	сдержанность жестикуляции и мимики;	*	!
	манифестация формальной коммуникативной вежливости;	!	!
	демонстрация заинтересованного слушания;	*	!

Окончание табл.

1	2	3	4
	возможность конфронтации при выходе из коммуникативного контакта в условиях профессиональных разногласий;	!	!
	неприятие коммуникативной навязчивости;	*	!
	коммуникативная корректность	*	!

Выводы

За основу описания немецкого коммуникативного стиля в сферах академической и политической коммуникации в настоящей работе взяты данные эмпирических наблюдений за интерактивным поведением участников названных типов дискурсов как языковых личностей немецкой лингвокультуры в разных коммуникативных ситуациях и жанрах. При этом в качестве системы координат для анализа конкретного фактического материала послужила разработанная в настоящем исследовании культурно-обусловленная факторно-параметрическая модель национального коммуникативного стиля. Кроме того, изучение национального коммуникативного стиля в рамках рассматриваемых институциональных дискурсов с необходимостью предполагает, как представляется, выделение актуальных социо- и лингвопрагматических характеристик этих дискурсов, что и предопределило логику изложения материала в третьей главе.

Итак, проведённое исследование подтвердило наше предположение о сохранении в коммуникативном стиле политического и академического дискурсов основных интегральных доминант немецкого национального стиля коммуникации по группе макроконтекстных (общекультурных) и микроконтекстных (коммуникативно-ситуативных) факторов, а также наличие дифференциальных осо-

бенностей стиля по фактору институциональной маркированности.

В целом, все выделенные нами тенденции макроконтекстной и микроконтекстной реализации немецкого коммуникативного стиля подтверждаются в большинстве проанализированных в ходе исследования материалов политического и академического дискурсов. В связи с этим можно утверждать, что национальный коммуникативный стиль как многомерное интегральное явление, конституирующее коммуникативные процессы определённого культурно-языкового сообщества, имеет три уровня маркированности:

– доминантные черты национального коммуникативного стиля;
– специфические особенности определённого типа дискурса;
– ситуативно- и индивидуально обусловленные признаки стиля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремительно разрастаясь и игнорируя междисциплинарные барьеры, коммуникативное знание охватывает всё более широкое исследовательское поле. Активно ведущиеся в последние десятилетия изыскания в области межкультурной коммуникации также находятся на стыке нескольких научных дисциплин и осуществляются в их тесном взаимодействии. Обозначенный подход определил направление данной работы, основной целью которой являлось теоретическое обоснование категории «национальный коммуникативный стиль» применительно к парадигме коммуникативных и межкультурных исследований и разработка модели его описания. В соответствии с принятой онтологией проблема изучения национального коммуникативного стиля решалась на основе привлечения понятийного аппарата таких дисциплин, как теория коммуникации, теория межкультурной коммуникации, культурная антропология, прагма- и социолингвистика, лингвистика, социология и психология общения.

В рамках настоящего исследования под национальным коммуникативным стилем понимается устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, органи-

зации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка. Коммуникативный стиль в такой трактовке представляет собой интегральную, культурно и лингвистически детерминированную сущность, с очевидностью отражающую инаковость интерактивных партнёров в процессах межкультурного взаимодействия.

В предлагаемом определении отражены исходные идеи концепции нашего исследования. Культура любого сообщества рассматривается в качестве макроконтекста коммуникации, организующего специфический способ коммуникативного взаимодействия между представителями этой культуры. Интериоризованные в сознании носителей языка и культуры базовые культурные категории, понимаемые в рамках разработанной концепции как культурно-коммуникативные макрокатегории, выступают в качестве основной группы стилеформирующих макроконтекстных факторов-детерминант. Таковыми в работе определяются темпоральный, проксемический, социально-контекстный, ценностный и когнитивный факторы, позволяющие обеспечить самый высокий уровень обобщения и описания национального коммуникативного стиля.

Процесс формирования стиля коммуникации в рамках национально-культурного пространства относится к числу таких явлений, которые осуществляются в скрытом виде и проявляются лишь как результат без явного выражения механизма его достижения. Применение в связи с этим для описания национального коммуникативного стиля метода моделирования, широко используемого в лингвистике и теории коммуникации и сочетающего в нашем подходе

культурный, прагмалингвистический и коммуникативный аспекты, явилось, как показало исследование, эффективным инструментом экспликации внутренних и внешних культурно-коммуникативных связей, не представленных отчётливо на поверхностном уровне. Результаты эмпирических наблюдений и предпринятый на их основе моделирующий метод обусловили выделение наряду с основной макроконтекстной или общекультурной группой стилеформирующих факторов, обозначенных выше, релевантные для формирования стиля микроконтекстные или коммуникативно-ситуативные факторы, влияющие на его проявление в рамках конкретных условий и параметров коммуникативной ситуации, а также фактор институциональной маркированности, определяющий специфику национального коммуникативного стиля в пределах того или иного институционального дискурса. Таким образом, разработанная в исследовании культурно обусловленная факторно-параметрическая модель национального коммуникативного стиля имеет в основе своей комплексное взаимодействие групп факторов, соотносимых с тремя базисными детерминирующими системами: культурой, коммуникацией, языком.

Предложенная модель позволяет обобщить и систематизировать многочисленные эмпирические данные в отношении специфики общения в контекстах разных лингвокультурных сообществ, используя понятие национального коммуникативного стиля. Верификация факторно-параметрической модели на примере немецкого стиля коммуникации даёт основание говорить о таких ярких доминантах последнего, как: монохронность вербальных и невербальных дей-

ствий; эксплицитность и прямота речевого поведения; высокая доля вербальной составляющей в общении; «я»-центрированность коммуникации; высокий уровень направленности коммуникации на поставленную цель; чёткость и определённость содержания высказывания; индуктивность развёртывания информации и линейность её подачи; преобладание фактов и аргументов в содержании дискурса; наступательная, соперничающая манера делового общения; стремление к пространственной и личностной приватности; эксплицитность невербальных сигналов; минимизация неформального общения; малодоступность за пределами институционального дискурса; заметный уровень речевой и тематической табуированности; бытовая коммуникативная малоинициативность; неприятие коммуникативной навязчивости; манифестация формальной коммуникативной вежливости; высокая регулятивность опосредованного публичного дискурса и т. д.

Одним из важных результатов проведённого исследования можно считать вывод о том, что национальный коммуникативный стиль, рассматриваемый в данной работе на примере реального функционирования немецкого стиля коммуникации, конституируя сферы институционального общения, приобретает специфические черты, характерные для каждого отдельного дискурса. Анализ дискурсивных фрагментов двух рассматриваемых в монографии институциональных сфер показал, что в них, наряду с такими базисными чертами-доминантами немецкого стиля коммуникации, как эксплицитность и прямота, индуктивность и аргументативность, акцентирование индивидуальной идентичности в общении, высокий уровень направ-

ленности коммуникации на поставленную цель, высокая регулятивность публичного дискурса, монохронность коммуникативного поведения в целом и т.д., заметно выделяются собственные институционально обусловленные признаки дискурсивных стилей.

Так, актуализация немецкого коммуникативного стиля в рамках академической сферы сопровождается такими доминантами, как активность и инициативность дискурсивного взаимодействия, высокий уровень апелляций к аутентичным англоязычным источникам, широкое использование латинских терминов, высокий уровень полемичности и даже конфронтативности научного общения («да, …но» – стратегия, «оппозитивный формат»), «я»-авторизация в дискуссиях, высокая степень эмоциональной вовлечённости, стремление к научной самопрезентации (продвижение своего научного «я»), этикетная маркированность при обращениях, минимальность неофициального общения за рамками академического дискурса.

В стиле политической коммуникации современной Германии доминируют следующие признаки: коммуникативный фокус на легитимность действий своей партии и иллегитимность деятельности партии политического противника, ярко выраженная метафоризация политических речей, использование обращений как яркого сигнала партийной корпоративности, демонстрация вербальной агрессии в политической дискуссии, использование именных «стигматизмов» в публичной коммуникации, антропонимическая персонификация носителей политических идей, преобладание конфронтативной стратегии, широкое использование политических прецедентных текстов.

Таким образом, исследование подтвердило положения концепции, предложенной в данной работе, о формирующем влиянии выделенных нами разных групп факторов (макроконтекстных, микроконтекстных, институционально-маркированных) на национально-специфическую актуализацию стиля коммуникации в той или иной лингвокультуре. Учёт основных тенденций общения в рамках конкретной языковой культуры, отражённых в коммуникативном стиле её носителей, позволяет, как представляется, с достаточной долей вероятности прогнозировать процесс межкультурного взаимодействия и минимизировать возможные коммуникативные фиаско.

Перспективы развития обозначенной в настоящем исследовании проблематики связаны, по мнению автора, с трансфером и дальнейшей верификацией разработанной здесь модели национального коммуникативного стиля на контексты других культурно-языковых сообществ, на материал других личностно- или статусно-ориентированных дискурсов. Интересным направлением продолжения темы может стать изучение особенностей реализации культурно-обусловленного коммуникативного стиля в ситуациях общения на lingua franca, что лишь кратко было затронуто в данной работе. Применительно к немецкому контексту возможно исследование общего и различного в коммуникативных стилях представителей двух объединившихся частей Германии, до сих пор испытывающих определённые проблемы идентичности и интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аргентова, Т.Е. Стиль общения как фактор эффективности совместной деятельности / Т.Е. Аргентова // Псих. журн. – 1984. – №6. – С. 130–133.

Астафурова, Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): дис. ... д-ра пед. наук / Т.Н. Астафурова. – МГЛУ, 1997.

Бабаева, Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Е.В. Бабаева. – Волгоград: Перемена, 2003.

Балашова, Л.В. Вербальная коммуникация и её отражение в идиоматике русского языка / Л.В. Балашова // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2003.

Белик, А.А. Культурология. Антропологические теории культур /А.А. Белик. – М., 1998.

Белл, Р. Социолингвистика: пер. с англ. / Р. Белл. – М., 1980.

Бергельсон, М.Б. Коммуникативные методы в управлении или менеджмент как искусство коммуникации / М.Б. Бер-

гельсон // Теория и практика коммуникации: Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 2. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2004.

Бергельсон, М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий / М.Б. Бергельсон // Вестник Московского университета. Сер. 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М.: Изд-во МГУ. – 2001. – № 4.

Бобрышева, Е.И. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному: монография / Е.И. Бобрышева. – М.: Флинта; Наука, 2004.

Богданов, В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство / В.В. Богданов // Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. научн. тр. / редкол.; И.П. Сусов и др. ; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 26–31.

Богданов, В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В.В. Богданов // Языковое общение и его единицы: сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – С. 12–18.

Богушевич, Д.Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка / Д.Г. Богушевич. – Минск, 1985.

Бойкова, И.Б. Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики (русско-

немецкие параллели) / И.Б. Бойкова // Русское и немецкое коммуникативное поведение ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002. – Вып. 1. – С. 100–110.

Брудный, А.А. Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) / А.А. Брудный. – Фрунзе, 1972.

Брутян, Г.А. О гипотезе Сепира-Уорфа / Г.А. Брутян // Вопросы философии. – 1969. – № 1.

Вацлавик, Пол. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия /П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон – М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000.

Вацлавик, Пол. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – СПб.: Речь, 2000.

Введенская, Л.А. Культура и искусство речи: Современная риторика: учебное пособие / Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А.Д. Шмелева / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997.

Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М.Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990.

Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / В.В. Виноградов; отв. ред. Т.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1986.

Воробьёв, В.В. Лингвокультурология: учебник / В.В. Воробьев. – М., 1997.

Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: Учебное пособие / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995.

Гердер, И.Г. Избр. соч. / И.Г. Гердер. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959.

Грейдина, Н.Л. Основы системной концепции коммуникативно-культурного взаимодействия (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... д-ра филол. наук / Н.Л. Грейдина ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар:, 1999.

Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности/ Д.Б. Гудков. – М., 1999.

Гудков, Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д.Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 116–129.

Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: курс лекций / Д.Б. Гудков.– М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

Дейк, Т.А.ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.

Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопр. языкозн. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

Долинин, К.А. Стилистика французского языка / К.А. Долинин – Л.: Просвещение, 1978.

Донец, П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики: монография / П.Н. Донец. – Харьков: Штрих, 2001. – 386 с.

Ерастов, Н.П. Формирование умений и навыков общения / Н.П. Ерастов // Социально-психологические и психолого-педагогические проблемы общения. – М., 1981. – С. 3–34.

Желтухина, М.Р. Специфика масс-медиального дискурса / М.Р. Желтухина // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: тезисы междунар. конф. Москва, 23–25 окт. 2001 г. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – М.: Институт языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.

Залевская, А.А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований / А.А. Залевская // Этнокультурная

специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 23–39.

Залевская, А.А. Интегративный подход к пониманию текста / А.А. Залевская. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков: сборник научных трудов / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2003. – С. 56–68.

Залевская, А.А. Корпореальная семантика и интегративный подход к языку / А.А. Залевская // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 7-й международной научно-практической конференции. Иркутск, 24–27 июня 2002 г. / А.В. Кравченко (ред.). – Иркутск, 2002.

Захаренко, И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте / И.В. Захаренко // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 92–99.

Земская, Е.А. Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта / Е.А. Земская // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. – М., 1978. – С. 196–220.

Зубкова, Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лигвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / Я.В. Зубкова. – Волгоград, 2003.

Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

Карасик, В.И. Коммуникативная личность как лингвистический концепт / В.И. Карасик // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. – Волгоград, 1993.

Карасик, В.И. Язык социального статуса: монография / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.

Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. (в виде научного доклада) … д-ра филол. наук / А.А. Кибрик. – Москва, 2003.

Кибрик, А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности / А.Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М., 1987.

Климов, Е.А. Индивидуальный стиль деятельности / Е.А. Климов. – Казань, 1969.

Клюканов, И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование: монография / И.Э. Клюканов. – Тверь, 1998.

Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М., 1984.

Конецкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая // Международный университет бизнеса и управления «Братья Карич». – М., 1997.

Костомаров, В.Т. Как тексты становятся прецедентными/ В.Т. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – №1.

Кочетков, В.В. Психология межкультурных различий: учебное пособие / В.В. Кочетков – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 416 с.

Кравченко, А.В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка / А.В. Кравченко // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 2003.

Кравченко, В.И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе: монография/ В.И. Кравченко. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?: монография / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Красных, В.В. Анализ дискурса с точки зрения национально-культурной составляющей / В.В. Красных // Русский язык: исторические судьбы и современность: международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М., 2001.

Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных : курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты (на материале русской и немецкой лингвокультур): монография / Л.В. Куликова ; Краснояр. гос. пед. ун-т. – Красноярск, 2004.

Куликова, Т.С. Как говорят бизнесмены / Т.С. Куликова, Т.А. Милехина // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 127–135.

Куницына, В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001.

Курбатов, В.И. Стратегия делового успеха: учебное пособие для студентов вузов / В.И.Курбатов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1985.

Латынов, В.В. Стили речевого коммуникативного поведения: Структура и детерминанты / В.В. Латынов // Психологический журнал. – 1995. – № 6. – С. 90–100.

Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учебное пособие / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999.

Леонтович, О.А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами:

дис. … д-ра филол. наук / О.А. Леонтович; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград: ВГПУ, 2002.

Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2002.

Леонтьев, А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объём, задачи и методы психолингвистики / А.А. Леонтьев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 5–13.

Леонтьев, А.А. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР/ А.А. Леонтьев // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. – М., 1972. – С. 7–24.

Леонтьев, А.Н. Избр. психол. произ.: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М., 1983.

Либин, А.В. Стиль человека: психологический анализ / А.В. Либин. – М.: Смысл, 1998. – С. 109–204.

Лихачев, Д.С. Культура как целостная среда / Д.С. Лихачев // Новый мир. – № 8. – 1994.

Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М., 1992.

Льюис, Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / Р.Д. Льюис. – М.: Дело, 1999.

Люкин, В.В. Психологическое содержание стиля руководства: автореф. дис. … канд. психол. наук / В.В. Люкин. – Л., 1981.

Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе: монография / М.Л. Макаров. – Тверь, 1998.

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса: монография / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003.

Мальковская, И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы: монография / И.А. Мальковская. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Мамаладзе, Т. Несокрушимый Давид?/ Т. Мамаладзе // Литературная газета. – 1982. – 24 марта.

Марков, Б.В. Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, Ленингр. отд-ние, 2000.

Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие / В.А. Маслова. – М., 2001.

Маствилискер, Э.И. Индивидуальный стиль общения в совместной игровой и предметной деятельности / Э.И. Маствилискер // Вопр. психологии. – 1989. – № 3. – С. 63–70.

Матьяш, О.И. Особенности коммуникативных взаимодействий в российских и американских организациях / О.И. Матьяш // Коммуникация: концептуальные и приклад-

ные аспекты «Коммуникация – 2004»: мат. Второй междунар. конф. – Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2004. – С. 16–18.

Матьяш, О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование/ О.И. Матьяш // Сибирь. Философия. Образование: научно-публицистический альманах. Вып. 6. – Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2002. – С. 36–47.

Медведева, Е.В. Рекламная коммуникация: монография / Е.В. Медведева. – М: Едиториал УРСС, 2003.

Межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.Г. Зинченкоко, В.Г. Зусман, В.М. Бухаров и др.; Нижегород. гос. линг. ун-т. – Нижний Новгород, 2001.

Мерлин, В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. – М., 1986.

Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики: учебное пособие / Н.Н. Миронова. – Москва: «НВИ»-«Тезаурус», 1997.

Михайлова, Е.В. Конститутивные признаки научного дискурса / Е.В. Михайлова // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. научн. конф. Волгоград, 5-6 февр. 1997. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 95–96.

Михальская, А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике: учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / А.К. Михальская. – М.: «Academia», 1996.

Национально-культурная специфика речевого поведения: монография / ред. кол. А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1977.

Овчинников, В.В. Ветка сакуры / В.В. Овчинников. – М.: Молодая гвардия, 1988.

Огарь (Федоренко), Е.И. Методика определения типа межличностного поведения / Е.И. Огарь // Социально-психологические проблемы ускорения социального развития общества в условиях перестройки. – М., 1989. – С. 116–117.

Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М., 1980.

Олянич, А.В. Драматургия межкультурной коммуникации (этнокультурная специфика презентационной структуры дискурса) / А.В. Олянич // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология/ под ред. проф. О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003.

Орлова, Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию: учебное пособие / Э.А. Орлова. – М.: Изд-во МГИК, 1994.

Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2005.

Остин, Дж. Л. Слово как действие/ Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.

Падучева, Е.В. Феномен Анны Вежбицкой / Е.В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 5–32.

Персикова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие / Т.Н. Персикова. – М.: Логос, 2002. – 224 с.

Пирогова, Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования: на материале рекламных и PR-сообщений / Ю.К. Пирогова // Scripta Linguistical applicatal. Проблемы прикладной лингвистики-2001: сб. ст. / отв. ред. А.И. Новиков. – М.: Азбуковник, 2001.

Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2003.

Почепцов, Г.Г. Теория и практика коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М., 1998.

Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2003.

Почепцов, Г.Г. Язык и коммуникация: некоторые понятия / Г.Г. Почепцов // Текст как психолингвистическая реальность. – М., 1982. – С. 3–7.

Почепцов, О.Г. Коммуникативные аспекты семантики / О.Г. Почепцов. – Киев, 1987.

Почепцов, О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – Киев, 1986.

Прохоров, Ю.В. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев: монография / Ю.В. Прохоров. – М., 1996.

Прохоров, Ю.Е. Русское коммуникативное поведение: монография / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М., 2002.

Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.

Рот, Ю., Коптельцева, Г. Встречи на грани культур: игры и упражнения для межкультурного обучения: учебное пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. – Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2001. – 188 с.

Руденко, И.Л. Стиль общения и его детерминанты: автореф. дис. … канд. психол. наук / И.Л. Руденко. – М., 1988.

Салмина, Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление: монография / Л.М. Салмина. – Казань: ДАС, 2001.

Семрадова, И. Коммуникативная парадигма. Глобалистика: энциклопедия «Диалог» / И. Семрадова. – М.: ОАО Радуга, 2003.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. /Э. Сепир. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001.

Сергеева, В.И. Предложение-высказывание в коммуникативно-языковом процессе / В.И. Сергеева. – Тверь, 1993.

Сёрль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов/ Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 195–222.

Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт?/ Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.

Сиротинина, О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: пособие для учителя / О.Б. Сиротинина. – М.: Просвещение, 1996.

Слышкин, Т.Т. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография / Т.Т. Слышкин. – М.: Academia, 2000.

Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие / А.В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А. – 2002.

Сорокин, Ю.А. Что такое прецедентный текст?/ Ю.А. Сорокин // Семантика целого текста. – М., 1987. – С. 144–145.

Сорокин, Ю.А. Национально-культурная специфика художественного текста / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина. – М., 1989.

Сорокин, Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю.А. Сорокин, И.М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С.98 – 117.

Сорокин, Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С.14 – 37.

Сочивко, Д.В. Метод измерения индивидуального стиля познавательной деятельности / Д.В. Сочивко // Методы психологического исследования: проблемы и поиски путей реализации: сб. науч. тр. – М.: Изд-во АН СССР, Ин-та психологии, 1986. – С. 82 – 94.

Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997.

Стернин, И.А. Практическая риторика / И.А. Стернин. – Воронеж, 1993.

Стернин, И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 97–112.

Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие: монография / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.

Стернин, И.А. Проблемы описания национального коммуникативного поведения/ И.А. Стернин //Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 4–7.

Стернин, И.А. Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой) / И.А. Стернин // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып.1 – Воронеж: Истоки, 2002.

Стернин, И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // И.А. Стернин / Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003.

Стернин, И.А. Русское и немецкое коммуникативное поведение и проблема межкультурной коммуникации/ И.А. Стернин // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: мат. междунар. науч.-практич. конф. – Красноярск, 2003.

Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения: монография / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003.

Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Стрелкова, И. Э. Стилевые характеристики межличностного общения студентов / И.Э. Стрелкова // Социально-психологические проблемы ускорения социального развития общества в условиях перестройки. – М., 1989. – С.123 – 124.

Субботский, Е.В. Стиль общения как способ формирования личности ребенка / Е.В. Субботский // Психолого-педагогические проблемы общения. – М., 1979. – С. 80 – 98.

Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7 – 22.

Тарасов, Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте / Е.Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 67 – 95.

Тарасов, Е.Ф. Проблемы анализа речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989.

Тарасов, Е.Ф. Проблемы теории речевого общения / Е.Ф. Тарасов. – М., 1992.

Тарасов, Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория / Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.

Тарасов, Е.Ф. Социальное взаимодействие в речевом общении / Е.Ф. Тарасов: мат. IV Всесоюзн. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1972. – С. 8–15.

Тарасов, Е.Ф. Социальный символизм в речевом поведении / Е.Ф. Тарасов // Общая и прикладная психолингвистика. – М., 1973. – С.36 – 53.

Телия, В.Н. Русская фразеология/ В.Н. Телия. – М., 1996.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000.

Толстой, Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолинвистике/ Н.И. Толстой. – М., 1995.

Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания/ Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 139–162.

Уфимцева, Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000а. – С. 135–170.

Уфимцева, Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000б. – С. 207–219.

Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6.

Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учебное пособие / Н.И. Формановская. – М.: Рус. яз., 2002.

Халеева, И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) / И.И. Халеева: сб. науч. тр. № 444 «Актуальные проблемы межкультурной коммуникации». – М.: Изд-во МГЛУ, 1999.

Холл, Э. Как понять иностранца без слов / Э. Холл. – М.: Вече; Персей; АСТ, 1995.

Цветов, В.Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи / В.Я. Цветов. – М.: Политиздат, 1991.

Цурикова, Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: монография / Л.В. Цурикова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002.

Шамне, Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: монография / Н.Л. Шамне; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 1999.

Шаповалов, В.Ф. Россиеведение: учебн. пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал; Институт языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000.

Шейгал, Е.И. Структура и границы политического дискурса / Е.И. Шейгал // Филология – Philologia. Краснодар: КубГУ, 1998. – № 14. – С. 22–29.

Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

Шмелева, Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании/ Т.В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А. Белошапкиной, И.Т. Милославского. – М., 1988.

Шмелёва, Т.В. Речевой жанр: возможности описания и использование в преподавании языка / Т.В. Шмелева // Русистика. – Берлин, 1990. – № 2. – С. 20–32.

Эккерт, Х. Модели типично русских предложений (односоставные конструкции) / Х. Эккерт // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 46–59.

Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998.

Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи: дис. … д-ра филол. наук / Т.В. Юдина. – М., 2001.

Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. / ред. кол.: И.П. Сусов и др.; Твер. гос. у-т. – Тверь, 1990.

Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М., 1985.

Якобсон, Р. О разработке целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. Вып. IV. – М., 1965.

Abadi, A. The Speech Act of Apology in Political Life // Journal of Pragmatics 14, 1990. P. 467–471.

Adler A. Understanding Human Nature. New York: Garden City, 1927.

Agar, M. (1984): Language Shock. Understanding the Culture of Conversation. New York.

Altehenger – Smith, S. (1983) Language choice in Singapore. Paper presented at the International Symposium on Analyzing Intercultural Communication, Essen.

Altman, I., M. Gauvain 1981: A crosscultural dialectic analysis of homes. In: Spatial representation and behavior across the life span, Hg.L. Liban, A. Patterson, N. Newcombe. New York.

Andree B. 2004: Interkulturalität im Fremdsprachenunterricht. In: Interkulturelle Kompetenz, Hg. J. Roth, Ch.Köck. München, 2004. S. 149–158.

Auer, Peter (1986) Kontextualisierung. Studium Linguistik 19, 22–47.

Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford, 1962.

Barnlund, Dean (1979). Verbal self – disclosure. Topics, targets, depth. In Elise C. Smith Louise Fiber Luce (Hrsg.) Toward internationalism. Readings in crosscultural communication. (S.83–101). Rowley, MA.: Newbury House.

Baumgart, A., B. Jänecke: Rußlandknigge. – 2., akt. Aufl. – München: Oldenbourg, 2000.

Bausinger, Hermann: Alltag im Landeskundeunterricht. In: Deutsch lernen 31 (1985), S.3–14.

Bausinger H. Typisch deutsch: wie deutsch sind die Deutschen? Verlag C. H. Beck oHG, München, 2002.

Bellman, Günter (1996): Der Beitritt als Wender. Referenz und Nomination. – In. Hilde-Brandt, Reiner /Bemer, Klaus (Hgg.): Stand und Aufgaben der deutschen Dialektlexikographie. II. Brüder-Grimm-Symposion zur Historischen Wortforschung. Beiträge zu der Marburger Tagung vom Oktober 1992. – Berlin /New York. (Historische Wortforschung. Untersuchungen zur Sprach-und Kulturgeschichte des Deutschen in seinen europäschen Bezügen 4) 1–16.

Bennett, Milton J.: Basic concepts of intercultural communication. Selected Readings. Yarmouth, 1998.

Bennett, Janet M.: Modes of Cross-Cultural Training: Conceptualizing Cross-Cultural Training as Education. In: International Journal of Intercultural Relations 10 (1986). S. 117–134.

Bennett, Milton J.: A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity. In: International Journal of Intercultural Relations 10 (1986) 179–196.

Bentele, Günter; Beck, Klaus (1994): Information – Kommunikation – Massenkommunikation. Grundbegriffe und Modelle der Publizistik – und Kommunikationswissenschaft. In: Jarren, Otfried (Hrsg.): Medien und Journalismus1. Eine Einführung. Opladen 1994, S.18–50.

Bergler, Reinhold; Six, Urlike (1979): Psychologie des Fernsehens. Bern.

Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology: An international review. 1997. Vol.46 (1).

Bolten J. Interkulturelle Kompetenz. Erfurt, 2001.

Bolten, Jürgen: Interkulturelles Verhandlugstraining. In: Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache 18 (1992) S. 269–287.

Bouton, L.F. (1999): Developing non-native speaker skills in interpreting conversational implicatures in English. In: Hinkel, E. (Hg.), Culture in Second Language Teaching and Learning, Cambridge, S. 47–70.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

Bürger, H.: Sprache der Medien, Berlin /New York 1984.

Burkart, R. und W. Hömberg (Hg.): Kommunikationsstheorien, Wien 1992.

Burkart, R.: Verständigungsorientierte Öffentlichkeitsarbeit, in: G. Bentele und M. Rühl (Hg.): Theorien öffentlicher Kommunikation, S. 218–227.

Burkart, Roland (1998): Kommunikationswissenschaft. Grundlagen und Problemfelder. Umrisse einer interdisziplinären Sozialwissenschaft. 3., überarb. Aufl. Wien.

Burke, K. A grammar of motives «Berkeley: University of California Press, 1970.

Byrnes, Heidi (1986). Interactional style in German and American conversations, Text 6–2, 189–207.

Casmir, Fred L.: Intercultural and International Communication. Washington 1978, 1997.

Clyne, Michael. (1995). The German language in a Changing Europe. Cambridge University Press.

Clyne, Michael: Culture and Discourse Structure, in; Journal of Pragmatics 5 /1981: 61–66.

Clyne, Michael: Linguistics and written discourse in particular languages: contrastive studies: English and German, in: Annual Review of Applied Linguistics 3 /1982: 38–39.

Crystal, D. (1997): English as a Global Language. Cambridge.

Condon, J.C. and Yourself, F.S.: An introduction to intercultural communication, Indianapolis, Ind. 1975

Cook-Gumperz, J. /Gumperz, J.: Context in children's speech. In: Papers on language and context. Working papers No.46, Berkeley 1976.

Craig, R.T. (1995). Foreword. In: W. Leeds-Hurwirtz (Ed.), Social approaches to communication (pp.v-ix). New York: Guilford.

Craig, R.T. (1999). Communication Theory as a Field, Communication Theory, 9, 119–161.

Cronen, V.E. (1995). Practical Theory and the Tasks Ahead for Social Approaches to Communication. In: W. Leeds-Hurwitz

(Ed.), Social approaches to communication (pp. 217–242). NY: Guilford.

Cui, Geng und N. E. Awa 1992: Measuring Intercultural Effectiveness: An Integrative Approach. In: International Journal of Intercultural Relations 16: 311–328.

Demorgon, J. (1989): L´exploration interculturelle. Pour une pedagogie internationale. Paris.

Demorgon, J.; Molz, M. (1996): Bedingungen und Auswirkungen der Analyse von Kultur (en) und interkulturellen Interaktionen. In: Thomas, A. (Hg.), Psychologie interkulturellen Handelns. Göttingen, S. 43–86.

Denz, Walter /Karl Eckstein. Business mit Russland: ein Ratgeber für Einsteiger. – Bern, Stuttgart; Wien: Haupt, 2001.

Deutschland // Zeitschrift für politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft. 4, 6 // 2000.

Deutschland in kleinen Geschichten (Hg.). München, 1997.

Dijk, T.A. (van) Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, Berlin: Monton 1981.

Ehrhardt, Claus: Anmerkungen zur Linguistik der interkulturellen Kommunikation. In: Bolten, J., Ehrhardt, C. (Hrsg.), Interkulturelle Kommunikation. Texte und Übungen zum interkulturellen Handeln, 2003.

Erbring, L.: Kommentar zu Klaus Krippendorf, in: G. Bentele und M. Rühl (Hg.): Theorien öffentlicher Kommunikation, S. 59–64.

Firth, A. (1996): The discursive accomplishment of normality: On >*lingua franca*< English and conversation analysis. Journal of Pragmatics 26: 237–259.

Fiske, A.: Structures of social life. New York 1991.

Flechsig, Karl-Heinz: Kommunikationsformen und Kommunikationsstile. Beiträge zum interkulturellen Training. Göttingen, 2001.

Franck, Dorothea (1984). Stil und Interaktion. In: Bernd Spillner (Hg.): Methoden der Stilanalyse. Tübingen: Narr, 121–135.

Frenkin, Anatoly. Die Deutschen aus der russischen Sicht. Mischka Verlag. 1995.

Fritzsche, K.P.: Auf der Suche nach einer neuen Sprache. In: Burkhardt, A. /Fritzsche, K.P. (Hrsg.): Sprache im Umbruch. Berlin, New York 1992. S.199–207.

Galtung, Johan: Struktur, Kultur und intellektueller Stil: Ein vergleichender Essay über sachsonische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft. In: Wierlacher, A. (Hrsg.) Das Fremde und das Eigene. – München, 1985.

Geertz, C. Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt /M. 1987.

Geertz, C. The Interpretation of Cultures. New York. 1973.

Girnth, Heiko: Sprache und Sprachverwendung in der Politik: eine Einführung in die Linguistische Analyse öffenflich-politischer Kommunikation. – Tübingen: Niemeyer, 2002.

Glaser, E. (2003): Fremdsprachenkompetenz in der interkulturellen Zusammenarbeit. In: Thomas, A.; Kinast, E. – U.; Schroll-Machl, S. (Hg.), Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder, Göttingen.

Goffman, E. (1971) Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation. Frankfurt ä.M.: Suhrkamp (or.1967).

Goffman, Erving (1955). On face-work.. An analysis of ritual elements in social interaction. In: (1967) Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior. Garden City, NY: Doubleday Anchor, 5–45.

Gorski Maxim. Gebrauchsanweisung für Deutschland: Piper München Zürich, 2002.

Graumann, C.F.: Interaktion und Kommunikation. In: C.F. Graumann (Hg.): Handbuch der Psychologie, 7. Band: Sozialpsychologie, 2. Halbband: Forschungsbereiche, Göttingen 1972, S. 1109–1262.

Greiffenhagen, M.,S.: Der Schock der Vereinigung. In: Der Spiegel, Dokument 2, März, 1994. S. 7.

Greiffenhagen, M.,S.: Politische Kultur. In: Grundwissen Politik. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn 1997.

Greiffenhagen, M.,S.: Zwei politische Kulturen? Wissenschaftliche und politische Unsicherheiten im Umgang mit der deutschen Vereinigung. In: Wehling, H. – G. (Hrsg.): Deutschland Ost – Deutschland West. Opladen 2002. S. 11–34.

Grice H. P. Meaning // Readings in the Philosophy of Language. – Englewood cliffs. 1971. – P. 436–444.

Grice, H. P. (1975): Logic and conversational implicature. In: Cole, P. (Hg.), Syntax and Semantics. New York, S. 411–458.

Grice, H. Paul (1980): Logik und Gesprächsanalyse. – In: Kussmaul; Paul (Hg.): Sprechaktheorie. Ein Reader. – Wiesbaden, 109–129.

Griffin, E.A. (2003). A first look at communication theory (5th ed.). IL: McGraw-Hill.

Grosch H. // Groß A. / Leenen W.R.: Methoden interkulturellen Lehrens und Lernens. – Saarbrücken, 2000.

Grünert, Horst (1984): Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschchte in ihrer Verflechtung. – In: Besch, Werner [u. a.] (Hgg.): Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. – Berlin /New York. (Handbücher zur Sprach – und Kommunikationswissenschaft 2. 1) 29–37.

Gudykunst, W.B.: A Model of Uncertainty Reduction in Intercultural Contexts. In: Journal of Language and Social Psychology 4 (1985) 401- 413.

Gudykunst, W.B.: Attributing Meaning for Strangers Behavior. In: Bridging Differences. Effective Intergroup Communication Thousand Oaks u.a. 1994 (S.110–137).

Gudykunst, W.B.: Intercultural Communication: Current Status and Proposed Directions. In: Dervin, B.;Voigt, M.J. (Hrsg.),

Progress in Communication Sciences. Norwood, NJ. 1985a, 1-46.

Gudykunst, William B. (Hrsg.): Intercultural Communication Theory. Current Perspectives. Newbury Park 1983.

Gudykunst, William B., Stella Ting-Toomey, Elizabeth Chua 1988: Culture and Interpersonal Communication. Newbury Park.

Gumperz, J.; Hymes, Dell (Hrsg.): Directions in Sociolinguistics. New York 1972, 35–71.

Gumperz, John D.: Discourse Strategies. Cambridge 1982.

Günthner, S: Pi Lao Zheng («Müdigkeit im Kampf»), zur Begegnung deutscher und chinesischer Gesprächsstile, in: Müller, B. – D. (Hg.): Interkulturelle Wirtschaftskommunikation. München, 1993.

Günthner. S. /Rothenhäusler, R.: Interethnische Kommunikation zwischen Deutschen und Chinesen, in: In- fo DaF 4 /1986: 304–309.

Habermas, J. Erläuterungen zum Begriff des Kommunikativen Handelns // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des Kommunikativen Handelns. – 3. Aufl. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verl, 1989.

Habermas, J. Erläuterungen zur Diskursethik. – 2. Aufl. – Frankfurt a. M: Suhrkamp Verl., 1992.

Habermas, Jürgen (1981): Theorie des kommunikativen Handelns, 2 Bde., Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Habermas, Jürgen (1984): «Was heißt Universalpragmatik?,» in: Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns, Frankfurt am Main: suhrkamp.S. 353–440.

Haddad, Najm (1987): Kultur und Sprache. Eine kontrastive Analyse als didaktisches Konzept am Beispiel des Deutschen und Arabischen. Frankfurt /M: Lang. S.229.

Hall E. T. 1959: Silent Language. Garden City, NY. 1973.

Hall E. T.: Monochronic and Polychronic Time. In: Samovar /Porter 1997, 277–284.

Hall E. T.: Proxemics. In: Current Anthropology 9,2–3 (1968) 83–95.

Hall, E.T. /Reed-Hall, M.: Verborgene Signale, Studien zur internationalen Kommunikation. Über den Umgang mit Franzosen, Hamburg (Gruna+Jahr) 1984.

Hall, Edward T. 1977: Beyond Culture. New York.

Hall, Edward T. 1983: The Dance of Life. The Other Dimension of Time. New York.

Hall, Edward T. Verborgene Signalle. Hamburg, 1985.

Halliday M.A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Arnold, 1978.

Hellmann, M. W. (1989): «Zwei Gesellschaften- Zwei Sprachkulturen? Acht Thesen zur öffentlichen Sprache in der Bundesrepublik Deutschland und in der Deutschen Demokratischen Republik». In: Goppel, T. /Lojewski, G. von /Eroms, H. – W.

(Hrsg.): Wirkung und Wandlung der Sprache in der Politik. Passau, S.89–114.

Helmolt, Katharina v. /Bernd-Dietrich Müller: Zur Vermittlung interkultureller Kompetenzen. In: Müller, Bernd-Dietrich (Hg.): Interkulturelle Wirtschaftskommunikation. München 1993.

Helms, G.: «Knigge» für den Ungang mit Chinesen, Berlin (Virtas) 1986.

Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. – 2., verb. u. erw. Aufl. – Berlin; New York, 1982.

Hensel, J. Zonenkinder. Rowohlt Verlag GmbH 2002.

Herbrand, Frank: Fit für fremde Kulturen: interkulturelles Training für Führungskräfte. – Bern; Stuttgart; Wien: Haupt, 2002. S. 29.

Heringer, H. – Y. (2004): Interkulturelle kommunikation. A. Francke Verlag Tübingen und Basel.

Hermanns, F.: Ein Wort im Wandel: Deutsch – was ist das? In: Burkhardt, A. / Fritzsche, K. (Hrsg.): Sprache im Umbruch. Berlin, New York 1992. S. 253–265.

Hermanns, Fritz (1994): Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen «politischen Semantik». Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 «Sprache und Situation», Heidelberg /Mannheim.

Herskovits M. Cultural Anthropology. New York., 1955.

Hinnenkamp, Volker (1989). Die Stilisierung von Ethnizität. In: Hinnenkamp, V. Margret Selting (Hg.) Stil und Stilisierung. Max Niemeyer Verlag Tübingen 1989. s. 253–291.

Hinnenkamp,Volker: Interkulturelle Kommunikation. –Heidelberg: Groos, 1994.

Hofstede, G.: Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management. München, 1997.

Hofstede, G.: Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. München, 2001.

Horney, K. Our Inner Conflicts. – N.Y., 1945.

Hunziker, Peter (1988): Medien, Kommunikation und Gesellschaft. Einführung in die Soziologie der Massenkommunikation. Darmstadt.

Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1972.

Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. – London: Tavistok, 1977.

Jäckel, Michael (1995): Interaction. Soziologische Anmerkungen zu einem Begriff. In: Rundfunk und Fernsehen: 43:1995 Heft 4, S.463–476.

Joos M. The Five Clocks // International Journal of American Linguistics 28. – 1962. № 2- p.7–62.

Kaase, M. /Bauer-Kaase, P.: Deutsche Vereinigung und innere Einheit 1990–1997. In: Meulemann, H. (Hrsg.): Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland. Erklärungsansätze der Umfrageforschung. Opladen 1998, S.251,265.

Kalin R. The social significance of speech in medical, legal and occupational settings // Attitudes towards Language Variation. – London, 1982. – P. 148–163.

Kaplan, Robert: Cultural Thought Patterns in Inter- Cultural Education, in: Croft, K. (Hg.): Readings on English as a Second Language. Cambridge 1972: 77.

Kartari Asker: Deutsch- türkische Kommunikation am Arbeitsplatz. Zur interkulturellen Kommunikation zwischen türkischen Mitarbeitern und deutschen Vorgesetzten in einem deutschen Industriebetrieb. Münchener Beiträge zur Interkulturellen Kommunikation. – Waxmann, 1997.

Kiesler D. J. The 1982 interpersonal circle: a taxonomy for complementarity in human transactions // Psychological Review. 1983. V. 90. P. 185–214.

Kim, Joung Y, (Hg.) 1986: IICA, Vol. 10. Interethnic Communication. Current Research. Newbury Park CA etc.: Sage.

Klein G. S. Perception, Motives and Personality, NY, 1970. XIV.

Klein, Josef. Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik. In: Josef Klein (Hrsg.): Politische Semantik: bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. Opladen: Westdt. Verl., 1989.

Klein, J. (1996): Dialogblockaden. Dysfunktionale Wirkungen von Sprachstrategien auf dem Markt der politischen Kommunikation In: J. Klein (Hrsg.): Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin. New York. S. 3–30.

Kluckhohn, F.R.; Strodtbeck, F.L.: Variations in Value Orientations. New York 1961.

Klyukanov I. E. A System Approach to Multicultural Education // The Edge: The E-Journal of Intercultural Relations, Vol. 1,2, HART-LI. COMmunictions. Retrieved February 27, 1999 from the World Wide Web: http: // www.hart-li.com /biz /theedge.

Knapp, K. /A. Knapp-Potthoff: Interkulturelle Kommunikation. In: Zeitschrift für Fremdsprachenforschung 1 (1990) S.62–93.

Knapp, Karlfried: Interpersonale und interkulturelle Kommunikation. In: Bergemann, Niels /Andreas L. J. Sourriseaux (Hg.): Interkulturelles Management. Heidelberg: Physica 1992, S. 59–79.

Knapp, Karlfried: Schwarz ist weiß, ja heißt nein. In: Wierlacher, A. /C. Albrecht (Hrsg): Fremdgänge. Inter Nationes, Bonn, 1998.

Kob, J.: Die gesamtgesellschftliche Bedeutung von Massenmedien, Rundfunk und Fernsehen 26 /4 (1978), S. 391–398.

Kochman, Thomas 1981 /1983: Black and White Styles in Conflict. Chicago /London: The Univ. of Chicago Press /Urbana IL: Univ. of Illinois Press.

Kohl, Karl-Heinz: Ethnologie-die Wissenschaft vom kulturell Fremden: Eine Einführung München 1993. 201c.

Kotthof, Helga (1989). Stilunterschiede in argumentativen Gesprächen oder zum Geselligkeitswert von Dissens. In: Hinnenkamp, Volker, Margret Selting (Hg.) Stil und Stilisierung. Max Niemeyer Verlag Tübingen 1989.

Kotthoff, Helga: Oberflächliches Miteinander versus unfreundliches Gegeneinander? In: Interkulturelle Wirtschaftskommunikation (Hg.), Müller, – B. – D. München, 1993.

Krämer, Sybille (2001): Sprache, Sprechakt, Kommunikation, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Kroeber, A.L. (Hrsg.): Anthropology today, Chicago 1953.

Kroeber, Alfred L., 1952 The Nature of Culture, Chicago: The University of Chicago Press.

Kroeber, Alfred L., Kluckhohn, Clyde 1952 Culture: A Critical review of Concepts and Definitions, Harvard: Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, vol. 47: Harvard University Press.

Kübler, Hans-Dieter (1994): Kommunikation und Massenkommunikation. Ein Studienbuch. Münster.

Ladmiral, Jean-Rene /Lipiansky, Edmond Marc: Interkulturelle Kommunikation. Zur Dynamik mehrsprachiger Gruppen. – Frankfurt /New York, 2000.

Lakoff R. T. Talking Power: The Politics of Language. – New York, 1990.

Lakoff, R. T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. In Tannen D. (Ed.) Analizing discourse: text and talk. Georgetown University Press, 1982.

Landis, D., Brislin, R.W: (Hrsg.): Handbook of intercultural training, 3 Bände, Elmsford, N.Y. 1983

Lasswell, H.D.: The structure and function of communication in society, in: L. Bryson (Hg.): The communication of ideas, S. 37–56.

Layes, Gabriel: Kulturdimensionen. In: Thomas, A.; Kinast, E. – U.; Schroll-Machl, S. (Hg.), Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder, Göttingen.

Leeds-Hurwitz, Wendy: Notes in the History of Intercultural Communication: The Foreign Service Institute and the Mandate for Intercultural Training. In: Quarterly Journal of Speech 76 (1990) 262–281.

Leeds-Hurwitz, W. (1995). Introducing social approaches. In W. Leeds-Hurwitz. (Ed.), Social approaches to communication (pp. 3–20). New York: Gilford.

Lind E.A., O´Barr W.M. The social significance of speech in the courtroom // Language and Social Psychology. – Oxford, 1979. – P. 66–87.

Littlejohn, S.W.: Theories of human communication, 4. Auflage, Belmont, Ca. 1992.

Littlejohn, S.W. (2002). Theories of Human Communication (7th ed.). Belmont, CA: Wadsworth.

Löwe Barbara& Kulturschock Rußland. Reise Know-How Verlag Peter Rump GmbH, 1999.

Luckmann T. The Sociology of Language. – Indianapolis: Bobbs – Merrill, 1975.

Luckmann, Th.: Grundformen der gesellschatlichen Vermittlung des Wissens: Kommunikative Gattungen, in: Neidhard, F.et al. (Hg.): Kultur und Gesellschaft. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpszchologie, Sonderheft 27 /1986: 191–211.

Luscher, Renate: Deutschland nach der Wende. Verlag für Deutsch, 1997.

Lüsebrink, H.-J. (2005): Interkulturelle Kommunikation. Stuttgart-Weimar: Metzler.

Maaz, H.-J. /Moeller, M. L. Die Einheit beginnt zu zweit – Ein deutsch-deutsches Zwiegespräch, Berlin 1991, S. 26.

Maletzke, G.: Massenkommunitionstheorien, Tübingen 1988.

Maletzke, Gerhard (1963): Psychologie der Massenkommunikation. Hamburg.

Maletzke, Gerhard (1998): Kommunikationswissenschaft im Überblick. Grundlagen, Probleme, Perspektiven, Opladen.

Maletzke, Gerhard «Interkulturelle Kommunikation» Westdeutscher Verlag, Opladen 1996. 226с.

Markowsky R. /Thomas A.: Studienhalber in Deutschland: interkulturelles Orientierungstraining für amerikanische Studenten, Schüler und Praktikanten. – Heidelberg: Asanger, 1995.

Mc. Kenne F. Measures of Field Dependence Cognitive Style or Cognitive Ability // Journal of Personality and Social Psychology. Washington: the Amer. Psychol. Assos. 1984. № 3. vol. 47 p.593–603.

Mead, Richard 1990: Cross-Cultural Management Communication. Chichester.

Merten, Klaus (1977): Kommunikation. Eine Begriffs- und Prozessanalyse. Opladen.

Merten, Klaus (1999): Einführung in die Kommunikationswissenschaf. Band 1: Grundlagen der Kommunikationswissenschaft. Münster.

Mog, P., Althaus, H.-J. (Hrsg.): Die Deutschen in ihrer Welt. Tübinger Modell einer integrativen Landeskunde. – Langenscheidt, 1994.

Moosmüller, A. Learning Objective Intercultural Competence. Decoding German Everyday Knowledge from a Japanese Perspective. – In.: Jensen et. al. (Eds.) Intercultural Competence. A New Challenge for Language Teachers and Trainers in Europe. – Aalborg: University Press, 1995. – S.191–208.

Moosmüller, A.: Interkulturelle Kompetenz und interkulturelle Kenntnisse. Überlegungen zu Ziel und Inhalt im auslandsvorbereitenden Training. In: Roth, Klaus (Hg.): Mit der Differenz

Leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. Münster u.a. 1996 (S.271–290).

Moosmüller, Alois 2000: Die Schwierigkeiten mit dem Kulturbegriff in der interkulturellen Kommunikation. In: (Hrsg.) Lokale Kulturen in einer globalisierenden Welt. Münchener Beiträge zur Interkulturellen Kommunikation. Waxmann, 15–31.

Müller, Bernd-Dietrich: Zur Logik interkultureller Verstehensprobleme. In: Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache, Bd. 6, 1980, S. 102–119.

Müller B.-D. Die Bedeutung der interkuturellen Kommunikation für die Wirtschaft. – In: Müller B. – D. (Hrsg.) Interkulturelle Wirtschatskommunikation. – München: indicim, 1991. – S. 27–52.

Müller, Bernd-Dietrich 1995: Sekundärerfahrung und Fremdverstehen. In: Jürgen Bolten (Hg.), Cross Culture. Interkulturelles Handeln in der Wirfschaft. Sternenfels: Verlag Wiss.& Praxis, 43–58 (Schriftenreihe Interkulturelle Wirschafskommunikation 1).

Müller-Jacquier, Bernd (1999): Interkulturelle Kommunikation und Fremdsprachendidaktik. Koblenz: Universität Koblenz-Landau (Fernstudium Fremdsprachen in Grund-und Hauptschulen).

Ng Sik Hung, Bradac J. J. Verbal Communication and Social Influence. – London, 1993.

Nicklas, Hans: Kulturkonflikt und interkulturelles Lernen. In: Thomas, A. (Hg.): Kulturstandarts in der internationallen Begegnung. Saarbrücken u.a. 1991, (S. 125–140).

Nicklas, Hans: Vom kommunikativen Handeln zum Diskurs: Zur Struktur interkulturellen Lernens. In: Dibie Paskal, Christoph Wulf (Hg.): Vom Vestehen des Nichtverstehens. Ethnosoziologie interkultureller Begegnungen, Frankfurt /Main. 1999.

Nicotera A.M. The constructivist theory of Delia, Clark and associates // Watershed Research Traditions in Human Communication Theory. – Albany, 1995. – P.45–66.

Ninio A., Snow C. E. Pragmatic Development. – Cambridge, MA, 1996.

Oksaar, Els: Kulturemheorie. Ein Beitrad zur Sprachverwendunds-forschung. Hamburg 1988.

Oksaar, Els: Sprachkultur und mündliche Kommunikation, in: Der Deutschunterricht № 1 /1985.

Park, Myung-Seok 1994: Communication Styles in Two Different Cultures. Korean and American. Seoul.

Pfetsch, Barbara. Politische Kommunikationskultur. Politische Sprecher und Journalisten in der Bundesrepublik und den USA im Vergleich. Westdeutscher Verlag, Wiesbaden 2003.

Pross, Harry (1972): Medienforschung. Film, Funk, Presse, Fernsehen. Darmstadt.

Pürer, Heinz (2003): Publizistik-und Kommunikationswissenschaft. Ein Handbuch. Konstanz.

Quasthoff, Uta M.: Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der Interkulturellen Kommunikation. In: Matusch, Petra (Hg.): Wie verstehen wir Fremde? Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen. München 1989, (S. 37–62).

Quirk, R. (1982): International communication and the concept of Nuclear English. In: Brumfit, D., English for International Communication. Oxford, S. 15–28.

Radcliffe-Brown, Alfred Reginald, (1957). A Natural Science of Society, Chicago: Free Press.

Radcliffe-Brown, Alfred Reginald, 1971 Structure and Function in Primitive Society. Essays and Adresses, London: Cohen & West (orig.: 1952).

Redder, A. / Rehbein, J.: Zum Begriff der Kultur. In: DIES. (Hg.): Arbeiten zur interkulturellen Kommunikation. Osnabrück: Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie 38 (1987), S. 7–21.

Roth J. Wir und die Anderen: Deutsch-russische Kommunikation im Postsozialismus. In: Ehlich E. /Scheiter S.: Interkulturelle Kommunikation analysieren. Bedingungen, Ziele, Verfahren. Münchner Beiträge zur Interkulturellen Kommunikation. Bd.9 (1998).

Roth, J. /Roth, K. Interkulturelle Kommunikation. In: Brednich, Rolf W. (Hg.): Grundriß der Volkskunde: Einführung in die Forschungsfelder der Europäischen Ethnologie. Sonderdruck. Berlin 2001.

Roth, J.: Interkulturelle Kommunikation als universitäres Lehrfach. Zu einem neuen Münchner Studiengang. In: Roth Klaus (Hg.): Mit der Differenz leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. Münster u.a. 1996 S.253–270.

Roth, K. (1996): Erzählen und Interkulturelle Kommunikation. In: Roth, Klaus (Hg), Mit der Differenz leben. Europäisehe Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation, München.

Rudolf, Wolfgang, (1968). Der Kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie. Berlin: Duncker & Humblot.

Rudolph, Wolfgang, (1992) «Ethnos und Kultur», in: Fischer, Hans (Hrsg.), Ethnologie. Einführung und Überblick, a.a.O.; 57–78.

Russen und Deutsche. Alte Feindbilder weichen neue Hoffnungen. (Hrsg.) Horst-Eberhard Richter. –Hamburg, 1990.

Sager, Sven Frederik (1982): Sind Bewertungen Handlungen? – In: Zeitschrift für germanistische Linguistik 10, 38–57.

Samovar, L.A. /Porter, R.E. /Jain, N.C., Understanding Intercultural Communication, Wadworth Pub. Comp., Belmont, Cal. 1981.

Samovar, L.A.; Porter, R.E. (Hrsg.):Intercultural Communication. A Reader. Belmont, Cal. 1994, 1997.

Samovar, Larry A.; Porter, R.E.: Communication between Cultures. Belmont 1991.

Samovar, Larry A.; Porter, Richard E.: Communication between Cultures. – Wadsworth /Thomson Learning. 4th ed. 2001.

Sandig, Barbara (1986) Stilistik der deutschen Sprache. Berlin /New York: de Gruyter.

Sapir Edward. 1949. Selected writing of Edward Sapir in language, culture and personality. Ed.David Mandelbaum. Berkeley: University of California Press.

Scheu-Lottgen, U.D.; Hernandez-Campoy, J.M. (1998): An analysis of sociocultural miscommunication: English, Spanish and German. International Journal of Intercultural Relations 22 (4): 375–394.

Schiffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford; Cambridge, MA, 1994.

Schramm, Wilbur (1969): Grundfragen der Kommunikationswissenschaft. 2.Aufl. München.

Schulz, Winfried (1994): Kommunikationprozess. In: Noelle-Neumann, Elsabeth; Schulz, Winfried; Wilke, Jürgen (Hrsg): Fischer Lexikon Publizistik /Massenkommunikation. Frankfurt /Main, S. 140 –171.

Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge, 1969.

Seidhofer, B. (2001): Clothing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca. International Journal of Applied Linguistics 11 (2): 133–158.

Selting, Margret (1989). Konstitution und Veränderung von Sprechstilen als Kontextualisierungsverfahren: Die Rolle von Sprachvariation und Prosodie. In: Hinnenkamp, V., Margret Selting (Hg.). Stil und Stilisierung. Tübingen 1989. s.203–228.

Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. – Urbana, 1949.

Spitzer, Manfred: Semantische Netzwerke. In: Bolten, Jürgen /Claus Ehrhardt (Hrsg.): Interkulturelle Kommunikation. Verlag Wissenschaft&Praxis, 2003.

Stephan W. G., Stephan C.W. Intergroup relations. Madison etc.: Brown and Benchmark, 1996.

Strauß, Gerhard (1984/1985): Sprachspiele, kommunikative Verfahren und Texte in der Politik. Versuch einer Textsortenspezifik. – In: Strauß, Gerhard (1986): Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifik. – Tübingen.

Süddeutsche Zeitung № 265.18. November 2003. S.6.

Tannen, Deborah: Das hab` ich nicht gesagt. Kommunikationsprobleme im Alltag. 1992 by Ernst Kabel Verlag GmbH, Hamburg.

Thierse, W.: Wahrnehmungen zum deutschen Befinden in Ost und West. In: Hardtwig, W. /Winkler, H.A. (Hrsg.): Deutsche Entfremdung. Zum Befinden in Ost und West. München 1994.

Thomas, A.; Kinast, E. – U.; Schroll-Machl, S. (Hg.) (2003a): Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperetion. Band 1: Grundlagen und Praxisfelder. Göttingen.

Thomas, A.; Kammhuber, S.; Schroll-Machl, S. (Hg.) (2003b): Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. Göttingen.

Thomas, Alexander: Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns. In: (Hg.): Kulturvergleichende Psychologie. Eine Einführung. Göttingen 1993. S. 377- 424.

Thumfahrt, A.: Normative Integration. Fallstudien zu Transitionsprozessen in Ostdeutschland. Erfurt 2000.

Ting-Toomey, S. (1999): Communicating across Cultures. New York /London.

Trager, George L.; Hall, E.T.: Culture and Communication: A Model and Analysis. In: Explorations: Studies in Culture and Communication 3 (1954) 137–149.

Triandis H. C. Culture and social behaviour. – New York, 1994

Trompenaars, F. (1993): Handbuch Globales Managen. Wie man kulturelle Unterschiede im Geschäftsleben versteht. München.

Wagner, Wolf: Kulturschock Deutschland: Der zweite Blick. – Hamburg: Rotbuch Verlag 1999.

Watzlawick, P.; Beavin, J.H.; Jackson, D.D.: Menschliche Kommunikation, Bern 1969.

Weber, Max (1980) Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Verstehenden Soziologie. 5 Aufl. Tübingen.

Wehling, H.-G. (Hrsg.): Deutschland Ost – Deutschland West. Opladen, 2002.

Weidenfeld, W. /Korte, K. – R. (Hrsg.): Handbuch zur deutschen Einheit. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn 1993.

Weidmann, Wilhelm F.: Interkulturelle Kommunikation und Managementpraxis. S.14.

Weik, K.E. (1979). The social psychology of organizing (2nd ed.). Reading, M.A.: Addison-Wesley.

Westle, B.: Kollektive Identität im vereinten Deutschland. Nation und Demokratie in der Wahrnehmung der Deutschen. Opladen 1999.

Wierlacher A. /Albrecht C. Fremdgänge: Eine anthologische Fremdheitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache. Inter Nationes, Bonn 1998. S. 79–80.

Wierzbicka A. (1994): Cultural scripts: A new approach to the study of cross-cultural communication. In: Pütz, M. (Hg.), Language Contact, Contact Language. Amsterdam /Philadelphia.

Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin, New York, 1991.

Witkin H.A., Goodenough D.R. Field-Dependence and Interpersonal Behavior. Psychol. Bull., 1977.

Young, L.W.L.: Unravelling Chinese Inscrutability, Berkeley, Ph. D. Dissertation (University of California) 1986.

Zarefsky, D. The State of the art in Public Address Scholarship. In Text in Context: Critical dialogues on significant episodes in American Political rhetoric. Hermagoras Press, 1989, 13–27.

Словари

Большой немецко-русский словарь: в 2-х т. / Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; Под рук. О.И. Москальской. – М.: Рус. яз., 1980.

Малый толковый словарь русского языка: ок. 3500 слов / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1993.

Новый энциклопедический словарь (НЭС) – М.: Большая Российская энциклопедия, РИРОЛ КЛАССИК, 2002.

Современный словарь иностранных слов: ок. 2000 слов. – 4-е изд. – М.: Рус.яз., 2001.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Т. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.

Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin). Т.2: пер. с англ. – М.: Вече; Аст, 2000.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Немецко-русский синонимический словарь: ок. 2680 рядов / И.В. Рахманов, Н.М. Минина, Д.Г. Мальцева, Л.И. Рахманова. – М.: Русский язык, 1983.

Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л.Э. Бинович и Н.Н. Гришин. – Изд. 2-е. – М., 1975.

Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько; Московский психолого-социальный институт. – М., 1999.

Словарь русского языка: в 4 т. Том 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т русского языка. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Die deutschen Sprichwörter. Gesammelt von Karl Simrock (1988). Philipp Reclam jun. Stuttgart.

Das neue deutsche Wörterbuch für Schule und Beruf. Mühchen, 1997.

Людмила Викторовна Куликова

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ

Редактор Н.А. Агафонова
Корректор С.Ю. Глазунова
Верстка М.Л. Гукайло

660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 22-12-89

Подписано в печать 10.01.06. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 24,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ 473. Цена свободная

Отпечатано ИПК КГПУ,
т. 23-48-60